

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. Г. ИВАНОВ, Н. В. РЫБАКОВА

ОЧЕРКИ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ
ЭТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1963

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

В книге освещаются главные темы курса «Основы марксистско-ленинской этики»: предмет марксистской этики; нравственность, как форма общественного сознания; исторические формы нравственности; коммунистическая нравственность как высшая форма нравственного прогресса; проблема свободы воли в ее отношении к этике; принципы и категории коммунистической морали; проблема формирования нравственных качеств личности и вопросы воспитания коммунистической морали.

Очерки предназначены для преподавателей и студентов вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами коммунистической этики.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основу «Очерков марксистско-ленинской этики» составили курсы лекций, прочитанных авторами в 1960/61 и 1961/62 учебных гг. в Ленинградском университете.

Кроме того, при подготовке книги были использованы выступления проф. В. П. Тугаринова, доктора философских наук И. С. Кона, доцентов М. И. Шахновича и Ю. А. Асеева на городском семинаре для преподавателей основ марксистско-ленинской этики в апреле—мае 1960 г.

Раздел «Нравственный прогресс» написан аспиранткой кафедры марксистско-ленинской этики и эстетики С. Н. Иконниковой, а раздел «Свобода, необходимость и моральная ответственность» — аспиранткой той же кафедры Т. В. Холостовой.

ВВЕДЕНИЕ

Человеческое общество не может существовать, не опираясь на нравственные устои. Культура — это не только завоевание космоса, кибернетические машины, совершенная агротехника, но и благожелательность, уважение к другим людям, потребность трудиться, глубина и тонкость чувств, желание служить общественному благу.

В марксистской науке впервые были раскрыты законы исторического развития, овладение которыми дает людям возможность практического достижения экономической и политической свободы, воплощения в жизнь коммунистических идеалов нравственности.

То, что в социалистическом обществе становится явью, буржуазные мыслители представляют как прекрасную, но безнадежную утопию. Они отрицают историзм и прогрессивное развитие человечества и не видят смысла существования для человека. По их мнению, человечество деградирует, человека середины XX в. отличает крайний индивидуализм, стремление к жестокости, гипертрофированная сексуальность. Такова позиция экзистенциалистов, модных представителей современной буржуазной этики: «Экзистенциальная философия выражает общее чувство времени: чувство упадка, бессмысленности и безысходности всего происходящего. Она поставила бытие под знак безнадежности, тревоги, страха и отчаяния... Ниоткуда неизвестно, что существует добро, что надо быть честным и нельзя лгать...».¹

Эти мрачные рассуждения есть превратное отражение действительных противоречий умирающего капиталистического общества. В них — и растерянность, и страх, и стремление защитить и увековечить капитализм, и, наконец, клевета на природу

¹ А. Х ю б ш е р. Мыслители XX века. М., ИЛ, 1962, стр. 44—45.

человека, якобы являющуюся единственной и неизменной причиной крушения всех проектов «нравственного перевоспитания людей». Одним из таких несбыточных проектов, по мнению буржуазных критиков, является задача формирования нового человека—строителя коммунизма, сформулированная в Программе КПСС.

Проповедь аморализма и разжигания низменных страстей, воспевание жестокости необходимы тем, кто вынашивает планы ввержения человечества в пучину атомной войны.

Сейчас проблемы морали приобретают острейший политический смысл, ибо между лагерем социализма и капитализма идет острая идеологическая борьба за человеческое сознание. И если дипломированные прислужники буржуазии делают все, чтобы отравить сознание людей, избавить их от «бремени совести», распространить идеи обреченности, фатализма и пассивности, то борцы за мир просвещают сознание, будят совесть народов, зовут к активности и верят в победу сил разума и прогресса.

С трибуны Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир в Москве прозвучали слова, призывающие каждого человека осознать свою ответственность за будущее человечества.

На конгрессе большое внимание было уделено проблемам права, культуры и морали. Только мир, дружба и взаимное сотрудничество народов могут обеспечить сохранение всех ценностей жизни и культуры — эта мысль красной нитью проходила через выступления делегатов и тех, кто всеми силами способствовал успеху конгресса.

«По вине атомного оружия мы, — писал Альберт Швейцер, — не отдавая себе в этом отчета, сошли с пути, ведущего к еозданию нравственной культуры. Наша готовность применить это чудовищное нечеловеческое оружие, хоть мы и не признаемся себе в этом, сделала бы нас бесчеловечными. Под его властью мы перестали бы быть цивилизованными людьми. Пора закончить эту ужасную главу в истории человечества! Нам нужно направить все усилия на то, чтобы вновь вернуться на путь, ведущий к нравственной культуре, и следовать по нему неуклонно».²

Однако путь к нравственной культуре, о котором говорит Швейцер, оставаясь бы и сейчас прекрасной, но несбыточной мечтой, какой он был во времена страстной проповеди Оуэна и Фурье, если бы не существовал на земле социалистической строй.

Принципы реального гуманизма, развитые Марксом и Энгельсом, получили воплощение в практике коммунистического строительства. Социальная революция положила начало массо-

---

² А. Швейцер. Доверие и взаимопонимание. «Литературная газета», 1962, 26 июня.

вой перестройке сознания, и Ленин первый отметил «ростки коммунизма» в новом отношении к труду в годы первых субботников.

Принятая XXII съездом КПСС программа построения коммунизма, развивая идеи Ленина, дает глубокое научное обоснование вопросам нравственного развития общества, а также трезвую оценку трудностей, преодоление которых необходимо для того, чтобы снять груз старых фетишей и предрассудков прошлого, когда «простые нормы нравственности и справедливости... уродовались или бесстыдно попирались».³ Сила программы в конкретном указании путей воспитания коммунистической нравственности и ее оптимизм — это оптимизм, коренящийся в учете всего достигнутого за годы Советской власти и в точности научного предвидения.

Осуществление программы воспитания нового человека требует одновременной работы в области практики и теории коммунистического воспитания. **Моральная проблема**, как проблема отношений человека к человеку, человека к обществу и общества к человеку, как проблема человечности отношений между людьми, приобрела в современных условиях небывалую остроту, ибо с ней связаны коренные вопросы построения коммунистического общества. Интерес к вопросам этики самой широкой общественности, особенно молодежи, вызван возрастающим стремлением советских людей практически решать вопросы строительства коммунизма. Народ всегда был творцом истории, но особенностью строительства коммунизма является то, что стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства и всей общественной жизни и каждый труженик лишь в той мере становится подлинным строителем коммунизма, в какой он овладевает научным, марксистским мировоззрением.

Способствовать широкой пропаганде принципов марксистской этики, развивать нравственное самосознание трудящихся, обобщая опыт коммунистического воспитания и изучая изменения нравственного уклада, морального уровня, развивать науку о коммунистической нравственности — одна из важнейших задач, стоящих перед советскими философами.

---

³ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 3. М., Госполитиздат, 1962, стр. 317.

ПРЕДМЕТ МАРКСИСТСКОЙ ЭТИКИ

В процессе перехода от социализма к коммунизму трудящиеся массы должны не только создать новую экономику, но и избавиться от пережитков частнособственнической психологии, от проявлений индивидуализма, равнодушия, религиозных предрассудков, недостойного поведения в быту. Социалистический строй, уничтожив эксплуатацию человека человеком, создал все условия для преобразования нравственного облика людей. Но это преобразование идет не само собой. Перевоспитание масс возможно только в процессе борьбы за строительство новой жизни. Главный воспитатель — жизнь, но жизнь формирует людей не помимо воспитания, а посредством его. Особенное значение имеет нравственное воспитание. В. И. Ленин в 1920 г. на III съезде комсомола говорил: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали».¹

Вопросы воспитания составляют содержание педагогики и некоторых специальных разделов психологии. Но самые общие проблемы воспитания, связанные с характеристикой нравственной сущности человека, а в связи с этим и истории происхождения и развития морали, являются предметом философского исследования, предметом особой науки — этики.

Этика (от греческого *ἠθος* — нрав, обычай) возникла в философских школах Древней Индии (V—III вв. до н. э.), Древнего Китая (V—III вв. до н. э.), Древней Греции (V—III вв. до н. э.)

Со времени Аристотеля этим понятием стали определять область философии, охватывающую нормы и правила поведения, регламентирующие отношения человека к другим людям, к семье, государству, к обществу.

Этика не создает морали, не «творит» новые нормы и правила поведения. Она ставит вопрос об их источнике, об их проис-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 266.

хождении; изучает характер и сущность моральной оценки поведения людей (в связи с этим одной из центральных этических проблем является проблема «добра» и «зла»); выясняет критерий моральной оценки (являются ли этот критерий объективным или он зависит от воли, желания самого человека? возможно ли вообще подвергать человеческое поведение оценке, одобрению или осуждению? Например, английский писатель Сомерсет Моэм писал: «Я не могу заставить себя судить своих близких, хватит с меня того, что я их наблюдаю»²).

От самых первых этических учений до новейших теорий морали XX в. в области этики не прекращается борьба материализма и идеализма.

✓ Идеалисты искали источник нравственности в божественной, абсолютной идее, в априорной, допытной нравственной истине. Материалисты исследовали объективную обусловленность нравственности, ее «земное» происхождение.

Материализм в этике, в отличие от идеализма, не связывает критерий нравственности ни с божественным провидением, ни с субъективным произволом человеческой личности. В то же время материализм не отказывается от «оценочного отношения», отвергая христианскую заповедь: «Не судите, да не судимы будете».

Основные вопросы этической науки, как правило, в старой домарксистской этике развивались неравномерно, вступая подчас в противоречия друг с другом.

В этических учениях отражаются достижения науки, прежде всего исторической и социологической, однако данные наук приспособляются к интересам эксплуататоров, что приводит к фальсификации, искажению, сознательной подмене одних положений другими и просто замалчиванию тех фактов, которые не соответствуют принятой концепции.

При решении этических проблем сталкиваются противоположные политические взгляды, классовые интересы, поскольку они имеют самое прямое отношение к жизненным интересам людей.

✓ Философы-материалисты — от Демокрита и Эпикура до Гельвеция и Фейербаха — способствовали преодолению религиозных этических догматов. Они обратили внимание на роль человеческих потребностей, эмоций, интересов и мышления в формировании и проявлении нравственных качеств личности.

✓ Аристотель и Марк Аврелий в рабовладельческую эпоху, Монтень и Ларошфуко в эпоху феодализма дали своеобразное и яркое описание нравственного облика своих современников. Соединение философского обобщения и психологического анализа, точность и глубина наблюдений обусловили то, что им удалось отметить многие нравственные качества (добродетели или пороки).

---

² С. Моэм. Подводя итоги. М., ИЛ, 1957, стр. 52.

имеющие не только узко ограниченный, но и широкий, общечеловеческий смысл. Плутарх «Сравнительными жизнеописаниями» создал образец исторической нравственной характеристики, и в последующие эпохи историки с большим или меньшим успехом обращались к подобным характеристикам выдающихся деятелей (например, «Четыре исторические характеристики» Грановского).

Суждения Аристотеля и Локка о значении практической деятельности в формировании нравственных качеств в основном справедливы. Угаданная Аристотелем, обоснованная Гоббсом и Гельвецием связь политики и права с моралью способствовала выяснению общественного значения морали. Гениальная догадка МанDEVИЛЛЯ о неизбежности и необходимости зла в современном ему английском обществе (начала XVIII в.) впервые не только продемонстрировала относительность нравственных категорий, но и пролила свет на ее источник: обусловленность суждений о пороках и добродетелях интересами определенных социальных групп. Еще более четко эту мысль выразил Гельвеций, говоря о противоречиях между частными и общественными интересами и о корыстных интересах служителей церкви, называющих зло добром, если это им выгодно.

Этические учения философов-идеалистов в ряде случаев содержат интересную постановку тех или иных проблем морали. Достаточно указать на значение, которое придает Декарт самовоспитанию, хотя он совершенно неправомерно отрывает его от воспитания. Кант, утверждая, что для правильной нравственной оценки поступка необходимо знать, каковы были субъективные побуждения человека, совершенно прав. Однако он абсолютизирует это положение и считает, что субъективная мотивация есть единственный критерий нравственности поступка и что ее источником является «категорический императив» в душе человека. Тем самым Кант дает сугубо идеалистическую трактовку моменту, который действительно существен и не принимался во внимание философами-материалистами прошлого. Гегель, различив в «Философии права» нравственность и мораль, гениально угадал разницу между практической и теоретической сторонами нравственных отношений. Яркая характеристика нравственности, глубокое проникновение в проблему добра и зла, указание на историческую относительность их противопоставления были высоко оценены классиками марксизма. «Насколько идеалистична здесь форма, настолько же реалистично содержание»,³ — подчеркивал Ф. Энгельс. Однако идеалистичной была основная посылка Гегеля, по которой моральное сознание порождает нравственность. Характерное для этических идеалистических систем (Кант, неокантианство, учение Бергсона, современный французский экзи-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21. М., Госполитиздат, 1961, стр. 295. (Все ссылки на сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по второму изданию).

стенциализм и т. д.) положение об абсолютной свободе воли в противоположность детерминизму метафизического материализма в основе своей имеет действительный факт активности человеческого сознания, свободы выбора, однако всегда связанной с историческими, классовыми и прочими условиями, что игнорируется идеалистами. В результате возникает концепция, отвечающая классовым интересам буржуазии.

Буржуазная этика XX столетия на первый взгляд поражает бесконечным разнообразием направлений. Каждый философ стремится доказать оригинальность своих взглядов: экзистенциалист Сартр противопоставляет свой «атеистический экзистенциализм» «религиозному экзистенциализму» Карла Ясперса; интуитивист Причард «выводит» свою теорию из кантовского учения о категорическом императиве, интуитивист Мур — из гегелевского учения о добре и т. д.

Однако при всем многообразии этических систем, существующих в настоящее время, их объединяет яростная борьба с коммунизмом, обвинение коммунистов в «аморализме»; откровенный или завуалированный биологизм; отрицание исторических законов развития человеческого общества; отказ от разумного истолкования нравственных явлений и безбрежный иррационализм, апеллирующий к эмоциям и далее к инстинктам или обращающийся к мистике; наконец, опять-таки грубый, прямой или скрытый утонченный антигуманизм, презрение к человеку, низведение человека до «рефлектирующего механизма».

Антинаучность и бесплодность современной буржуазной этики обнаруживается в тех случаях, когда ее теоретики пытаются «опровергнуть» „марксистскую теорию морали” и дать „позитивную” мораль, пригодную для „свободного мира”».

Например, американский философ Сидней Хук настойчиво убеждает своих читателей в том, что марксизм «узок», и исключает учение о морали, что коммунистический критерий морали, подобно иезуитскому принципу, оправдывает любое средство, если оно ведет к цели; французский экзистенциалист Жан Поль Сартр утверждает, что коммунистическая этика «порабощает человека, отрицает свободу воли» и т. п.

В качестве «позитивного» решения этических проблем Д. Дьюи предлагал в 30—40-х гг. XX в. устранить терминологическую путаницу, из-за которой якобы и происходят все конфликты в обществе: для этого нужно достигнуть «моральной интеграции» (общности интересов всех) буржуазного общества, заменить классовую борьбу единой моралью. Иначе говоря, задача этики, по Дьюи, состоит в моральном подчинении трудящихся буржуазии. В настоящее время эту идею на практике пытаются применить деятели «морального перевооружения», вроде Фишера, и католические попы в Италии, проповедующие «человеческие отношения» в промышленности (между хозяевами, администрацией и рабочими). В США, ФРГ и Франции этой цели служат модные

теории о «народном капитализме», «ассоциации труда и капитала».

Все современные буржуазные этические учения стремятся утвердить вечность и незыблемость капиталистического строя. Одни буржуазные моралисты провозглашают мир капитала «свободным и лучшим из миров», другие — «худшим». Однако все они считают этот мир, разделенный на эксплуататоров и эксплуатируемых, мир, где господствует капитал и «священная и неприкосновенная» частная собственность, единственно возможным.

Естественно, что невозможно «доказать» незыблемость устоев капитализма в 60-е годы XX в., не извращая данных науки и не отрицая законов исторического развития. Вот почему фальсификация и извращение фактов, отказ от объективного исторического анализа и вообще отказ от каких бы то ни было общих нравственных категорий и их объективной оценки характерен для «последнего слова» буржуазной этики.

Современные буржуазные этические учения представляют собой отражение морального упадка господствующих классов, бесперспективности существования современной буржуазии как класса, являются свидетельством общего кризиса буржуазной философской мысли.

В домарксистской этике вопросы об источнике нравственности, о природе свободы воли и моральной ответственности человека за свои действия не получили последовательного решения. Остались без ответа «жгучие» вопросы о смысле жизни, природе человеческого счастья и о критерии нравственности; не решена была проблема моральной истины, проблема соотношения объективного и субъективного в нравственной сфере. Это объясняется господством в старой философии идеалистического взгляда на историю, классовой ограниченностью даже передовых, прогрессивных мыслителей прошлого.

* *

*

Позитивное решение «вечных» вопросов в области морали было делом не только теоретическим. Маркс утверждал, что решить проблему смысла жизни в области теории возможно лишь в том случае, если трудящиеся массы, прежде всего пролетариат, практически, в революционной борьбе обретут смысл жизни. Таким образом, Маркс подчеркнул, что развитие этической теории, последовательно научное разрешение насущных вопросов человеческого бытия находится в зависимости от практического развития классовой борьбы. Пролетарское мировоззрение включает теоретическое осознание новых нравственных норм и моральных требований и переоценку тех этических знаний, которые имелись в прошлом.

В решении этических вопросов Маркс и Энгельс опирались на материалистическое понимание истории, устраняющее все

морально-юридические иллюзии буржуазной этики. Марксистская этика отражает интересы пролетариата как класса, борющегося за осуществление коммунизма. Причем коммунизм основоположники марксизма рассматривали как «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние».⁴

Марксистская этика, опираясь на практическую революционную деятельность пролетариата, не только подвергает критике и диалектическому отрицанию буржуазную этику, не только обретает реальную основу для ответа на «вечные» проблемы этики, не получившие своего позитивного разрешения в прошлом, но и выдвигает новые.

Такова проблема коллективизма, нового коммунистического отношения к труду, пролетарского гуманизма (в отличие от абстрактного, внеисторического) и т. д.

Для развития марксистской этики очень большое значение имели уже ранние работы Маркса — его статьи, опубликованные в начале 40-х годов в «Рейнской газете». В них Маркс подвергал критике этику Фейербаха, поскольку тот стремился связать моральные принципы с религией всеобщей любви. Последующее развитие Марксом критики Фейербаха, в частности антропологического принципа его философии, привело к чрезвычайно интересным выводам об общественной сущности человека, выводам, которые имели первостепенное значение для создания научной этики. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс все развитие человеческого сознания объяснил трудовой материальной деятельностью, которая по природе своей является деятельностью общественной. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс определил сущность человека, как «совокупность всех общественных отношений».⁵

Выясняя противоречивый характер труда в буржуазном обществе, Маркс подошел с материалистических позиций к проблеме «отчуждения», развитой Гегелем. Не в сфере сознания, «отчуждающего» от себя материю, а в особенностях развития общественного производства открыл Маркс сущность «отчуждения». Под «отчужденным трудом» Маркс понимал господство стихийных сил общественного развития над людьми, господство продукта труда над производителем. Человек перестает быть «властелином» природы, господином вещей, он превращается в их раба, утрачивая тем самым свою собственную человеческую сущность, «...человек... превращает... свою *сущность* только лишь в средство для поддержания своего *существования*».⁶

На этом основании молодой Маркс пришел к революционному выводу о том, что вновь обрести свою человеческую сущность

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 34.

⁵ Там же, стр. 3.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, стр. 566.

люди могут только в отрицании отчужденного труда, т. е. в уничтожении частной собственности.

Многие современные критики Маркса, представители философского ревизионизма, фальсифицируя идеи марксизма в целом, особенное внимание уделяют «Экономическо-философским рукописям 1844 года», противопоставляя «раннего» Маркса «позднему» Марксу, усматривая только в ранних работах Маркса этическую проблематику.

На самом деле ранние работы Маркса были только первым шагом, началом развития этических проблем в марксистской науке.

В «Святом семействе» и особенно в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс дали не только последовательно материалистическое объяснение всей духовной жизни общества, вскрыв объективную основу морального сознания, но и поставили вопросы, являющиеся предметом специальной этической теории. Показав определяющую роль народных масс в истории общества, основоположники марксизма связали с активной революционной борьбой рабочего класса моральное преобразование общества. Они писали, что массовое изменение людей «...возможно только в практическом движении, в *революции*; следовательно революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость...».⁷

В развитии марксистской этики большое значение имели работы Ф. Энгельса, в которых дается материалистический анализ многих общих и специальных этических проблем. Уже в 1844 г. в «Положении рабочего класса в Англии» он провел потрясающий по силе анализ нравственности и уровня морального сознания промышленного населения Англии 30-х годов XIX века.

Характеристика социальной, классовой природы морали дана Энгельсом в «Анти-Дюринге». Здесь Энгельс впервые сказал об общечеловеческих моментах в морали и дал картину развития нравственности в условиях социалистического преобразования общества.

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс тщательно проанализировал развитие семейно-бытовых отношений, дал яркую характеристику морали родового строя, указал на существующий разрыв между реальным уровнем нравственности и классовыми иллюзиями в теоретическом его осмыслении.

Во всех своих работах Маркс и Энгельс последовательно проводили принцип материалистического подхода к морально-этическим проблемам, настаивая на необходимости объяснения морали, ее источников, в конечном счете из экономических отно-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 70.

шений, господствующих на том или ином историческом этапе. Указывая на этот приоритет экономических отношений в общественном развитии, они не только не допускали недооценки роли идей, но всячески подчеркивали их значение в жизни общества, особенно после победы социалистической революции. Этот вывод отстаивал и развивал Энгельс и после смерти Маркса в работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (трактуя социализм, как «царство свободы»), а также в многочисленных письмах 90-х годов прошлого столетия (показывая относительную самостоятельность общественных идей).

Дальнейшее развитие этических взглядов в марксизме связано с именами последователей и пропагандистов марксизма в работах П. Лафарга, Г. Плеханова. Однако критика марксизмом буржуазной морали некоторыми представителями социал-демократии была понята неправильно, из нее делались подчас левацкие выводы о «необходимости» для пролетариата отказаться от всякой морали вообще. В таком духе выдержана статья А. Коллонтай «Новая мораль и рабочий класс» (М., Изд. ЦИК, 1918).

В. И. Ленин считал очень важной задачей пропаганду этических идей Маркса и Энгельса, теоретической и практическую работу в области воспитания коммунистической нравственности.

Еще в период борьбы с народниками, подвергая критике субъективную социологию Михайловского, В. И. Ленин специально останавливался на одной из важнейших проблем этики—проблеме необходимости, детерминированности человеческого поведения и свободы воли.

Выступая против легального марксизма, разоблачая буржуазную сущность позиции П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского, В. И. Ленин подверг критике теорию «этического социализма», представлявшую собой неокантианскую попытку ревизии марксизма.

В годы реакции, в период борьбы с махизмом, Ленин разоблачил махистские притязания в области этики (разработкой ее занималась группа «впередовцев» (в частности, С. Вольский в книге «Философия борьбы». М., Изд. «Слово», 1909). В. И. Ленин в письмах, особенно в письмах к А. М. Горькому в годы эмиграции, постоянно обращался к этическим проблемам.

В первые годы Советской власти, обобщая опыт революционного преобразования общественной жизни, В. И. Ленин вел беспощадную борьбу с так называемым «иммoralизмом», подчеркивая огромную, все возрастающую роль морального фактора в социалистической революции. Разработку этической теории В. И. Ленин ставил в непосредственную зависимость от практики коммунистического воспитания трудящихся, программа которого была им развернута в историческом выступлении на III съезде комсомола. Ленинские идеи получили свое достойное развитие в специальных работах Н. К. Крупской, в выступлениях М. И. Калинина, в практической и теоретической работе многих

советских педагогов, среди которых выдающееся место занимает А. С. Макаренко.

Обобщение опыта коммунистического воспитания трудящихся в нашей стране и странах народной демократии составляет один из важнейших источников дальнейшего развития марксистской этики как науки. Постановление нашей партии, материалы пленумов Центрального Комитета КПСС, резолюции съездов, выступления виднейших деятелей коммунистического движения обогащают содержание марксистской этики. Эти документы свидетельствуют об огромном внимании партии и социалистического государства к вопросам воспитания, к моральному фактору. Особенно интенсивной воспитательная деятельность нашей партии стала после XX съезда КПСС, нацелившего трудящиеся массы на повышение политической активности, на дальнейшее развитие советской демократии.

Ликвидация последствий культа личности в области идеологической работы способствовала развитию творческой философской мысли.

Программа КПСС, принятая на XXII съезде партии, по-новому поставив коренные проблемы морали, коммунистического воспитания, подчеркнула насущный характер этих проблем для построения коммунизма.

Естественно, что все большее число философов обращается к исследованию нравственности и морали.

В ряде работ по марксистской этике, опубликованных в последние годы, делается попытка строгого определения предмета и задач марксистской этики. Анализ этих определений показывает, что существуют различные взгляды на предмет этической науки, на определение ее основных задач. Справедливо стремление многих авторов включить в предмет этических исследований не только моральные идеи, чувства, но и практические нравственные отношения; найти в нравственной сфере объективное содержание. Но в реализации этих замыслов встречаются весьма спорные решения.

Крайнюю позицию в определении предмета этики занимает Г. Бек. Он утверждает, что нравы и обычаи, моральные требования и «законы» морали (автор полагает, что о законах морали можно говорить лишь условно) не являются предметом этической науки. Этика должна изучать «...те объективные общественные закономерности, которые определяют сущность и специфику морали как формы общественного сознания, ее развитие, происхождение и роль нравов и обычаев».⁸ Иными словами, объектом этического знания Г. Бек считает экономические отношения в их специфическом проявлении. Одностороннюю характеристику предмета этики дает Ф. А. Селиванов, который пишет, что мо-

---

⁸ Г. Бек. О марксистской этике и социалистической морали. М., ИЛ, 1962, стр. 27.

раль представляет собой «осознание этических свойств действительности...».⁹ Тем самым снимается вопрос о специфике морали, как своеобразной форме отражения общественного бытия.

Если в определении Г. Бека исчезает собственный предмет этического исследования, то Ф. А. Селиванов, используя по аналогии с «эстетическими свойствами действительности» понятие «этических свойств», вообще не дал ясного определения предмета этики, а просто перенес проблему с определения этики на определение того, что такое «этические свойства действительности», и не разрешил этого вопроса.

Чаше встречается сужение понятия предмета марксистской этики. Так, например, в работе И. М. Краснобаева¹⁰ прямо сказано, что предмет марксистской этики — «коммунистическая мораль, ее происхождение и закономерности развития. Она научно обосновывает содержание коммунистической морали и определяет значение и роль ее в борьбе за построение коммунизма».

А. Л. Хайкин справедливо указал,¹¹ что подобное определение исключает из предмета марксистской этики изучение общих законов нравственного развития человечества, без чего невозможно понять причин возникновения и особенностей коммунистической морали.

Свою статью «Об определении предмета марксистско-ленинской этики» А. Л. Хайкин заканчивает формулировкой: «Марксистско-ленинская этика есть наука, исследующая закономерности зарождения и изменения нравственности, обосновывающая, на основе теоретического обобщения практики народных масс, этические принципы и категории, которыми руководствуются строители нового общества, а также методы формирования коммунистических убеждений и пути преодоления пережитков капитализма».¹²

Это определение, вместе с определением А. Ф. Шишкина в «Основах марксистской этики»: «Марксистская этика является наукой о социальной сущности и закономерностях развития нравственного прогресса, результатом которого явилась коммунистическая нравственность — высшая ступень нравственного развития общества и личности, о закономерностях развития коммунистической нравственности, о ее принципах и нормах, о ее роли в борьбе за коммунизм»¹³ — является наиболее полным, охватывающим все аспекты, все проблемы марксистской этики, но, по

⁹ Ф. А. Селиванов. Этика. Томск, Изд. Томского ун-та, 1961, стр. 4.

¹⁰ И. М. Краснобаев. Из опыта нравственного просвещения в средней школе. М., Учпедгиз, 1959, стр. 5.

¹¹ А. Л. Хайкин. Об определении предмета марксистско-ленинской этики. Сб. «Вопросы марксистско-ленинской этики». Тамбов, 1961, стр. 18.

¹² Там же, стр. 22—23.

¹³ А. Ф. Шишкин. Основы марксистской этики. М., Изд. ИМО, 1961, стр. 43.

сути дела, перерастающим понятие «определения предмета» и переходящим к определению всего содержания научной этики.

Сказывается в этих определениях и отсутствие строгого разграничения нравственности и морали: А. Ф. Шишкин в последней своей работе, как и в предыдущих, рассматривает эти слова как синонимы; А. Л. Хайкин ищет особенное содержание в обоих понятиях, так же, как Я. Энгст, и в своих последних статьях В. П. Тугаринов. Это, бесспорно, плодотворный поиск. Различие нравов, обычаев, практики поведения людей с обобщенным отражением этой практики (правилами, нормами, оценками) очевидно. Именно здесь следует искать ключ к разнице — подчас вопиющей — между моральным знанием и характером поступков, моральными требованиями и уровнем нравственности. Однако в литературе по марксистской этике до сих пор нет четкого разграничения указанных понятий.

Определение предмета должно быть кратким и выражать его сущность — вот почему все то, что непосредственно вытекает из сущности, не обязательно включать в определение. В определении А. Л. Хайкина слова «на основе теоретического обобщения практики народных масс», так же как и слова «которыми руководствуются строители нового общества», являются уточняющими, конкретизирующими и при всей их правильности лишними в определении предмета.

Утверждение, что марксистско-ленинская этика есть наука, обосновывающая «методы формирования коммунистических убеждений и пути преодоления пережитков капитализма», представляется нам уже формулировкой важнейших задач науки, но не частью определения.

Стремление А. Л. Хайкина преодолеть «узко теоретический» аспект толкования научной этики, увидеть в ее практической обращенности связь с конкретными задачами строительства коммунизма мы целиком разделяем: но такова особенность не только марксистской этики, но и всего марксизма, являющегося и теорией и руководством к действию. Более того, это отличительная черта всей передовой науки, ее следует подчеркнуть, но есть ли необходимость вводить ее в определение предмета? Возможно, что есть, но тогда надо использовать более обобщенную формулу — «расширение сферы морального фактора», — включающую в себя и формирование убеждений, и борьбу с пережитками прошлого, и ряд других моментов общественной жизни, в частности особенности взаимоотношения морали и права в эпоху строительства коммунизма, расширения демократии и т. п.

В определении А. Ф. Шишкина уточняющими являются слова «как особой формы общественного сознания». Все суждение, касающееся закономерностей нравственного прогресса, «результатом которого явилась коммунистическая нравственность — высшая ступень нравственного развития общества и личности», раскрывает путь развития нравственности и тоже

оказывается лишь уточнением, дополнением к тому, что сказано в самом начале.

Строго говоря, формулировка «закономерности развития нравственности» уже включает в себя и коммунистическую нравственность, так как она есть определенный этап развития нравственности. То, что в определении мы так же, как и абсолютное большинство авторов (а из упомянутых нами — И. М. Краснобаев, А. Л. Хайкин и А. Ф. Шишкин), считаем необходимым особо сказать о коммунистической нравственности, обусловлено ее ролью и местом: она — высшая ступень нравственного прогресса в эпоху, когда еще существуют два лагеря — социализма и капитализма, и она прообраз будущей общечеловеческой нравственности.

Наконец, А. Л. Хайкин говорит о «принципах и категориях», а А. Ф. Шишкин — о «принципах и нормах». Думается, что следует в будущем более точно разграничить эти понятия, однако каждое из них, очевидно, не покрывает собой других и поскольку марксистская этика изучает и обосновывает их все — они должны быть введены в определение научной этики.

Марксистская этика есть наука, изучающая социальную сущность и законы развития нравственности, пути формирования коммунистической морали, ее принципы, категории и нормы, все возрастающую роль морального фактора в борьбе за построение коммунистического общества.

* * *

*

Марксистская этика возникла из осознанной потребности пролетариата в революции осуществить преобразование нравственного облика человека; ее развитие в современных условиях определяется грандиозным размахом этой работы.

Поэтому с самого начала марксистская этика связана была с теорией научного социализма, по существу составляла его часть. Эта неразрывная связь научной этики и теории научного социализма отражала реальное, действительное единство этики и политики. Современные ревизионисты¹⁴ говорят часто о том, что в социалистической системе происходит «поглощение» морали политикой, обвиняют марксистов в конъюнктурном решении этических проблем. Но за этими обвинениями кроется стремление оценивать моральные отношения вообще, независимо от их конкретного социального, классового содержания, стремление отказаться от политических средств борьбы, заменить теорию социалистической революции «этическим социализмом», «гуманистическим социализмом» и т. д.

Этические вопросы приобретают все большее значение в политике нашего государства, ярким свидетельством чему служит

---

¹⁴ В Польше — Я. Секерская и Верфель, во Франции — П. Эрве, А. Лефевр и др.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. По мере продвижения общества к полной победе коммунизма, с отмиранием государства сфера моральных отношений будет расширяться за счет политических и правовых форм организации общественной жизни.

В системе научных знаний марксистская этика особенно тесно связана с правом, поскольку и мораль и право представляют собой совокупность правил, норм, регулирующих поведение людей в обществе. Но между этикой и теорией права существует и разница. Нравственные нормы не регламентируют заранее различных форм принуждения, наказания людей. В праве формы принуждения заранее предусмотрены. Моральная регламентация поведения людей, в отличие от права, опирается не на закон, а на силу общественного мнения.

Социалистическое право и коммунистическая мораль служат единой цели — борьбе за коммунизм и в одинаковой степени исходят из интересов трудящихся. Поэтому наблюдаемое в жизни взаимное влияние моральных и правовых норм в значительной степени сближает этику с правоведением.

Сочетание в советском праве методов принуждения с убеждением, возрастающая роль воспитательного воздействия нашего суда раскрывает особенные пути развития права, сужение сферы его применения и расширение сферы морали. Правовая норма является осмыслением и закреплением того, что в обществе в основном уже достигнуто. Моральные нормы подчеркивают не только то, *что есть*, но и то, что *должно быть* в отношениях между людьми.

Поскольку марксистская этика изучает одну из форм общественного сознания, объективным основанием ее связи с другими общественными науками является связь и взаимовлияние самих форм общественного сознания.

Помимо философии и права, марксистская этика связана с историей, социологией, политической экономией.

Если исторический материализм является основанием научной этики, то история и социология представляют факты, позволяющие достичь всесторонности и глубины при изучении исторических типов нравственности, вскрыть закономерности распространения в обществе моральных норм и т. п. Возрастающую роль моральных стимулов к труду в сравнении с материальными помогает выяснить политэкономия.

Таким образом, в системе научных знаний этика оказывается тесно связанной с науками об обществе, и лишь во взаимодействии с ними она в состоянии успешно разрешать стоящие перед нею задачи.

Не менее важны для развития этики данные наук о человеке, его происхождении и воспитании: антропологии, этнографии, психологии и педагогики.

Антропология и этнография позволяют изучить самые ранние

этапы возникновения морали; этнография, кроме того, изучая обычаи и уклад жизни различных народов, помогает в познании общих и специфически национальных черт в развитии нравственности.

Психология, как наука о закономерностях развития психики человека, и в особенности психология личности, изучающая законы формирования характера человека, побудительные мотивы деятельности, потребности и интересы, развитие мышления, воли, эмоций, может дать для этического анализа огромный «возрастной» материал, раскрывающий «механизм» развития нравственных качеств человека.

Вопросы превращения норм морали в нравственные убеждения, закономерности развития нравственного сознания, моральных чувств, морально воспитанной воли человека представляют обоюдный интерес для психологии и этики.

Столь же близки этика и педагогика, наука о воспитании подрастающего поколения. Нравственное воспитание — существеннейшая сторона коммунистического воспитания. Над совершенствованием его методов, над обобщением опыта нравственного воспитания трудится насчитывающая десятки и сотни тысяч армия учителей и теоретиков педагогики. Вместе с тем развитие теории нравственного воспитания является, как уже говорилось, одной из задач марксистской этики.

Выяснение места этики в системе научных знаний и ее отношения к наукам об обществе и человеке не будет полным, если не упомянуть о связи этики с эстетикой, литературой и искусством.

Воспитательная роль искусства и литературы, их значение в формировании духовного мира человека, его идеалов позволили А. М. Горькому с полным основанием назвать писателей (и вообще всех деятелей искусства) инженерами человеческих душ.

Эстетическое воспитание в широком смысле учит видеть и познавать прекрасное в людях, в их поступках, в их деятельности. И с этой точки зрения нет ничего прекраснее жизни, отданной труду на благо общества: этический и эстетический критерий таким образом совпадают. Эстетическое воспитание открывает еще один и чрезвычайно могучий путь для воспитания нравственно: воздействие на человеческие эмоции.

Абсолютизируя различие морали и науки, буржуазные ученые говорят о «нелепости» науки этики. Если наука представляет собой теоретическое отражение мира, то этика есть дисциплина чисто нормативная. Такой точки зрения придерживались и Шопенгауэр, и Дюркгейм, и Леви-Брюль; такова позиция современных неопозитивистов. Подвергая критике позицию буржуазного негативизма в области этической науки, румынский академик Гулиан писал: «Согласно марксистско-ленинской точке зрения, научный анализ моральных норм вполне возможен и может идти рука об руку с предписанием норм, так как этиче-

ские нормы не предписываются этикой, они вызваны исторической необходимостью, объективными законами истории».¹⁵

Многообразие задач, которые стоят перед марксистской этикой, богатство человеческих отношений, составляющих предмет ее рассмотрения, огромное значение развития теории воспитания и перевоспитания в период перехода от социализма к коммунизму заставляют особенно серьезно задуматься над методами этического исследования.

Разумеется, что в самом общем плане методом марксистской этики является исторически классовый анализ всех явлений в сфере морали, изучение нравственных отношений в связи с изучением экономики, объективных законов развития нравственности. Марксистская методология в целом предполагает выяснение связи нравственности и экономической жизни сквозь призму политических, классовых интересов в их сложном диалектическом взаимодействии с другими формами общественного сознания. Но наряду с этими общими принципами марксистской методологии возникает проблема более частных, специфических методов этического познания.

Определить характер этических методов исследования действительно очень трудно, так как нравственные отношения почти не проявляются в «чистом» виде; они всегда связаны со сложным комплексом человеческих отношений в области экономики, политики, права и т. д. А так как практически никакой серьезный этический эксперимент невозможен, то, по-видимому, методом этического исследования должен быть метод обобщения воспитательной работы нашего общества во всех сферах общественной жизни.

На помощь этике должны прийти конкретные социологические исследования, проводимые на наших промышленных предприятиях, в связи с изучением моральных и материальных стимулов к труду, превращением труда в первую жизненную потребность и т. д. Этики-марксисты должны особенно внимательно отнестись к обобщению воспитательной работы среди населения, проводимой партийными и комсомольскими органами.

Огромное значение приобретает анализ новых форм соревнования за звание ударника коммунистического труда, домов коммунистического быта и т. д.

Одним из методов исследования в этической науке должен стать метод изучения развития общественного мнения. Непосредственным материалом для изучения может здесь стать печать, прежде всего газета. Ведь именно ежедневная, массовая газета располагает почти неограниченными возможностями фиксировать общественное мнение, закреплять его своей поддержкой, своим одобрением и практической помощью. Очень интере-

---

¹⁵ К. И. Гулиан. За обогащение тематики марксистской этики. Проблемы философии. Сб. работ совр. рум. философов. М., ИЛ, 1960, стр. 359.

сен в этом отношении опыт «Комсомольской правды», создавшей в 1960 г. «Институт общественного мнения», и ленинградской молодежной газеты «Смена».

В последнее время все чаще и чаще проводятся в молодежных аудиториях дискуссии, диспуты на моральные темы. Участие в подготовке и проведении этих дискуссий, анализ их результатов представляет собой весьма важный метод соединения теории и практики в этике, обеспечивает личное участие советских философов в воспитании масс.

В любой науке, в любом исследовании особенную ценность для выводов, обобщений приобретают «строгие» данные, точные цифровые материалы, поддающиеся статистической обработке. Разумеется, применение математических методов в области общественных наук весьма своеобразно и имеет свои пределы, тем более оно затруднительно в исследовании моральных процессов. Современные буржуазные этики, во всяком случае те из них, которые связаны с «микросоциологией», особенно увлекаются статистической обработкой анкет, материалов всякого рода опросов и т. д.

Но, как справедливо замечал один из крупнейших специалистов метода анкетирования американский социолог Морено, этот метод не дает абсолютно объективных данных, так как результаты опросов зависят от плохо учитываемых субъективных моментов, например характера постановки вопроса, который часто носит весьма тенденциозный, а порой и просто провокационный характер.

Разумеется, применение метода анкетного исследования может дать интересный материал, главным образом характеризующий сферу общественного мнения, но точных выводов на основе анкетных опросов сделать, как правило, не удастся.

Поэтому, как нам представляется, строгость этического исследования должна достигаться иными средствами. Так, нельзя не оценить опосредованных методов этического анализа, через изучение результатов воспитательной работы поддающихся весьма точному обозначению в той статистике, которую ведут комсомольские и партийные органы, органы милиции, суда и прокуратуры, статистические отделы в исполнительных органах власти и т. д. Судить о характере, качестве, успехах нравственного воспитания по его результатам можно и используя местную «статистику», например данные архива института, университета о результатах распределения оканчивающих вуз за определенный отрезок времени и другие.

Вполне вероятно, что возможны и другие приемы собирания и анализа этического материала, однако бесспорно то, что в любом случае позиция исследователя в области морали не может быть пассивно-созерцательной. Этик-марксист не просто беспристрастный свидетель, регистратор фактов, а активный борец за новую коммунистическую мораль.

МОРАЛЬ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Мораль — одна из форм общественного сознания, определяемая в конечном счете экономическим строем общества. Отражая особенности взаимоотношений людей, мораль возникает лишь в человеческом обществе и оказывается наиболее древней формой общественного сознания. Необходимость согласования и планирования действий при добывании пищи и передаче опыта по изготовлению орудий труда, естественное разделение труда требовали регулирования взаимоотношений между членами первобытной общины. Подобное регулирование, закреплявшееся в опыте как обычай, и есть первоначальная нравственность общины. Сознательная передача обычаев, сохранение их, выработанный обществом взгляд на систему, свод норм нравственности, иначе говоря практическое обобщение нравственного опыта и утверждение его общеобязательности есть начало морали, а ее теоретическое осмысление и обоснование образует науку о морали — этику.

Таковы наиболее общие положения марксизма о специфике и возникновении нравственности, морали и этики. Они с необходимостью следуют из учения об обществе и особенностях его развития, обоснованных историческим материализмом.

Прежде чем более подробно рассмотреть вопросы детерминированности морали, роли морального фактора в жизни общества и изменяющихся взаимоотношений морали с другими формами общественного сознания, следует остановиться на том, что включается в содержание понятий «нравственность», «мораль», «этика».

Под нравственностью понимается совокупность обычаев, нравов, особенности отношений между людьми, которые обусловлены экономическим укладом, своеобразием быта, традициями и не выступают в качестве оформившейся системы взглядов, правил, предписаний.

Мораль есть известное обобщение, абстрагирование от этих обычаев, нравов, сформулированное в нравственных предписаниях, нормах, заповедях, выраженное в кодексе морали определенной социальной группы в ту или иную историческую эпоху (кодекс рыцарской морали) или претендующее на всеобщность и общеобязательность для всех времен и народов (христианские моральные заповеди).

Нравственность есть практика поведения, практика отношений между людьми, мораль — сформулированные в виде моральных запросов принципы и нормы этого поведения, а этика есть познание, объяснение и обоснование принципов и норм морали, т. е. теория морали. Если провести такое различие, то понятно, что одновременно с возникновением общества возникает и нравственность; мораль оказывается более поздним образованием, однако она выступает как форма общественного сознания еще в доклассовом обществе — в эпоху родового строя. И, наконец, этика, как теоретическое обоснование и объяснение морали, возникает только в эпоху рабовладельческого строя.

Однако возможен и другой подход к разграничению этих понятий. Так, чешский философ-марксист Я. Энгст говорит: «Под понятием морали мы разумеем... совокупность моральных норм и моральный уровень общества с точки зрения морали... а понятие нравственности относится к свойству быть моральным, т. е. руководствоваться определенной моральной нормой».¹

В сущности и Энгст рассматривает нравственность как практику поведения человека, с тем различием, что он берет человека, формирующегося в обществе с развитой моралью, и рассматривает его поведение в свете уже существующих моральных норм и принципов. Однако при нашем толковании моральный уровень общества, т. е. то, как моральные принципы реализованы в обществе, как люди ведут себя в действительности, и есть нравственность данного общества; а Энгст включает его в понятие морали.

Вопрос о разграничении понятий морали и нравственности не решен окончательно; ряд специалистов по этике не проводит этого разграничения: так, например, в работах известного советского теоретика морали А. Ф. Шишкина понятия «мораль» и «нравственность» рассматриваются как тождественные.²

Разграничение понятий «нравственность» и «мораль» позволяет установить соотношение понятий «мораль», «общественное бытие» и «общественное сознание».

¹ Я. Энгст. Некоторые проблемы научной этики. М., 1960, стр. 27.

² А. Ф. Шишкин. Марксистская этика как наука. Сб. «Лекции по марксистско-ленинской этике». Изд. МГУ, 1960.

Традиционное и казалось бы твердо установленное соотношение этих понятий выражено в являющейся основополагающей в марксистском анализе морали формулировке: «Мораль есть форма общественного сознания».

Однако совершенно очевидно, что в сфере морали мы встречаемся не только с мыслями и суждениями, но и с практикой, поступками, общественным бытием людей.

В самом деле, если моральные отношения есть отношения между людьми, то они обнаруживаются не только в сфере сознания, а в действиях, в практике. Более того, ставшее общим местом во многих работах деление человеческих поступков на моральные, аморальные и нейтральные по отношению к морали при более пристальном рассмотрении не выдерживает критики. Его можно объяснить, только приняв кантовское различие: поступки, совершенные на основе категорического императива, — моральные, все остальные — вне морали. Только искусственно изолировав человека от социальной среды, от других людей, можно говорить о том, что его действия могут не иметь нравственного содержания.

В своей интересной, во многом по-новому ставящей ряд проблем этики книге В. П. Тугаринов говорит: «Хорошо поесть, т. е. сделать полезное и приятное для себя, отнюдь не является моральным поступком; хорошо одеться — тоже. Победа советской футбольной команды в международных состязаниях, успехи советского балета за границей и т. п. укрепляют престиж нашей Родины. Но эти успехи — собственно еще не моральные поступки. Научное открытие или техническое изобретение могут быть в высшей степени полезны, но не представляют еще сами по себе моральных явлений. Хорошая работа, хороший работник, полезный труд и т. д. — это деловые понятия. А вот добросовестный работник — это уже моральное понятие. *Не всякое полезное дело есть моральная деятельность. Но во всяком деле есть моральная сторона...* (Курсив мой. — В. И.) ... сфера морали — это сфера моих отношений к другим людям, к обществу... это сфера внутреннего отношения человека к своей деятельности и к другим людям, сфера побуждений, определяющих его поступки... добро (моральное поведение) — это поведение, которое осуществляется с сознательной целью принести обществу действительную пользу, т. е. пользу, способствующую общественному прогрессу».³

Следуя за мыслью автора, можно сказать более обще: не всякая человеческая деятельность есть моральная деятельность. Но во всякой человеческой деятельности есть моральная сторона.

Однако этот вывод вступает в противоречие с определением

---

³ В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 124—125.

добра, как собственно морального поведения: в самом деле, поведение оказывается ограниченным, во-первых, субъективно — сознательной целью, поставленной индивидом, во-вторых, объективно — соответствием этой цели общественному прогрессу. Если моральности поведения не может быть при отсутствии сознательно поставленной моральной цели, то как же можно говорить о моральной стороне любой деятельности? И как оценить деятельность, способствующую общественному прогрессу, если соответствующей сознательной цели у действующего лица или действующих лиц нет?

Этот вопрос приобретает исключительную остроту, так как, строго следуя определению морального поведения, данному В. П. Тугариновым, мы не сможем говорить о морали в первобытнообщинном строе; должны будем отказаться от попытки обнаружить моральное поведение у рабов и крепостных крестьян, ибо их восстания отнюдь не преследовали, в качестве сознательно поставленной цели, изменения существующего строя, однако же Фридрих Энгельс говорит о высоком нравственном уровне старого родового общества,⁴ да и ни один из марксистов-философов не отрицает, что есть мораль рабовладельческая, феодальная, буржуазная и есть «простые нормы нравственности», исторически преемственные.

Видимо, разделение понятий «нравственность» и «мораль» имеет глубокое обоснование.

В самом деле, когда В. П. Тугаринов характеризует добро (моральное поведение), он, как и Энгст, утверждающий, что «нравственность — это свойство быть моральным», стоит на той точке зрения, что личность, формирующаяся и действующая в сложившихся социальных условиях, овладевает уже *до нее существовавшими* моральными нормами. Однако эта точка зрения неприложима при рассмотрении возникновения морали: исторически определенное поведение предшествует осознанию этого поведения как морального. Нравственность возникает раньше морали.

Нравственность есть практическое отношение человека к человеку, и поскольку в деятельности человек всегда связан с людьми, В. П. Тугаринов прав, говоря о том, что всякая деятельность имеет моральный, а точнее — нравственный аспект. И этот нравственный аспект оказывается независим от уровня индивидуального сознания и самосознания личности: буржуа, откармливающий своего мопса изысканными блюдами, субъективно совершает поступок «нейтральный» по отношению к морали: ведь здесь вообще, казалось бы, отсутствует отношение между людьми. Но стоит связать его поведение с тем, что в нескольких шагах от его особняка умирают от голода дети рабо-

---

⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 99.

чего, получающего гроши за непосильный труд, и аморальность, извращенность поведения буржуа становится очевидной.

«Хорошо поесть» есть поступок нейтральный к морали лишь до тех пор, пока не поставлен вопрос: а откуда, за счет чего этот человек «хорошо ест»? И если это тунеядец, жулик, живущий за счет трудящихся, то его «удовлетворение естественной потребности» вовсе не безразлично для морали. Отсюда страстность и глубокий нравственный смысл принципа: «кто не работает — тот не ест».

Научное открытие само по себе не представляет морального явления; а как оценить деятельность ученого, совершающего это открытие? Эдвард Теллер сознательно всю свою деятельность подчинил созданию смертоносного ядерного оружия во имя защиты буржуазного строя; академик Курчатов — направлял свои усилия на мирное использование атомной энергии... Совершенно очевидны безнравственность и аморальный характер деятельности одного и нравственный и моральный смысл деятельности другого. Здесь целиком применимо суждение В. П. Тугаринова о единстве субъективного и объективного моментов в определении творимого человеком добра и зла.

Таким образом, в любой человеческой деятельности всегда присутствует нравственный аспект, обусловленный тем, что она совершается в обществе, в непосредственном общении с другими людьми или опосредована многообразными связями с обществом.

Нет деятельности нейтральной к нравственности, точно так же, как нет нравственной деятельности в чистом виде: ведь творится добро не ради добра, а ради другого человека или других людей, будь то спасение утопающего, возвращение к жизни тяжело больного, повышение производительности труда и т. п.

Вместе с тем В. П. Тугаринов прав, говоря о гораздо более узком понимании морального поступка. Это доказывает приводимый им пример.

Вы с товарищем, увидев хулиганов, напавших на человека, вмешались и спасли его. Это моральный поступок. Вы появились с товарищем на улице в момент, когда хулиганы напали на человека; они при виде вас, убежали. Собственно морального поступка во втором случае нет; но нравственный аспект вашего появления на улице несомненен, поскольку независимо от ваших намерений вы оказались решающим фактором в сложившейся независимо от вас ситуации. Таким образом, отношения между людьми — в данном случае между человеком и теми, кто на него напал — оказались опосредованными вашим появлением. Можно было бы продолжить вариации примера: скажем, вы находились на улице, и человек, избранный объектом нападения, не пострадал, так как замыслившие нападение не решились на него напасть. В таком случае ни тот, на кого предполагали напасть, ни вы даже не подозреваете о том, каков

итог всей ситуации. А ведь в ее основе — естественное в условиях нашей действительности даже для хулигана всегда подразумеваемое правило: человек придет на помощь другому человеку! Наконец, еще раз измените условия ситуации: вы с товарищем не просто вышли прогуляться, у вас красные повязки дружинников, и вы идете с сознательно поставленной целью: обеспечить порядок в вашем районе. Быть может, вам не придется спасать человека от хулиганов: но поведение ваше — моральное и вы «творите добро», ибо своим дежурством утверждаете истину, записанную в моральном кодексе строителя коммунизма: «Человек человеку — друг, товарищ и брат».

Возвращаясь к проблеме соотношения понятий, следует сказать: различие нравственности и морали заключено объективно в том, что нравственность есть сторона поведения и потому входит в понятие общественного бытия (и в том случае, если его трактовать *широко*, как *всю* совокупность жизнедеятельности людей, а не сводить только к экономике, и даже в том случае, если подразумевать под ним только экономический уклад жизни, ибо сами производственные отношения имеют нравственный аспект: ведь отношения господства и подчинения, отношения эксплуатации безнравственные, а отношения взаимопомощи и сотрудничества — нравственные).

Мораль же, в строгом употреблении этого понятия, есть форма общественного сознания, и потому мы должны говорить о моральном сознании человека. И только в том случае, когда поступки осмыслены человеком в их нравственном аспекте, когда он действует на основе субъективных мотивов, отвечающих объективно общественному прогрессу, возможно говорить не просто о нравственном аспекте деятельности, но о моральном поведении.

Сказанное отнюдь не означает, что стирается всякая качественная разница в человеческих поступках: но эта разница обусловлена не тем, что одни из поступков «нейтральны» к нравственности или находятся «за пределами» нравственности, «по ту сторону добра и зла», а тем, какова степень непосредственности или опосредованности нравственного содержания данного поступка или деятельности; соответствует или противоречит сложившейся системе нравственных отношений данный поступок («добро» это или «зло» для данной социальной группы, класса, общества на определенной ступени развития); в каком отношении этот поступок или деятельность находится к прогрессу общества (здесь возникает впервые поставленная Энгельсом и разработанная Лениным проблема о «необходимом зле»); и, наконец, какова степень осознанности самим человеком нравственного содержания своего поступка, своей деятельности (этот вопрос приобретает огромное значение для разрешения проблемы моральной ответственности человека).

Таковы основания, по которым представляется не только

целесообразным, но необходимым различать понятия «нравственность» и «мораль».

В заключение следует отметить, что в обычном словоупотреблении люди чувствуют это различие, хотя и не обосновывают его теоретически (достаточно вспомнить, что нередко говорят: «мне прочитали мораль», но никогда не скажут: «мне прочитали нравственность»). Вопреки этому в философской литературе, и особенно в педагогической и психологической, эти понятия употребляются как синонимы.

Пожалуй, этому есть единственное основание: в формулировке «мораль, как форма общественного сознания» объединяют и собственно мораль, и нравственность, и этику для того, чтобы обозначить определенную сферу человеческой деятельности и человеческого сознания, тем более, что в современном данному индивидууму обществе (возвращаясь к суждению Зигста) нравственный характер его деятельности, как правило, обусловлен определенным уровнем морального сознания, т. е. сама деятельность порождается сознанием, уровнем его развития: это есть не что иное, как переведенная в личностный план проблема активности морали. Но для того, чтобы оценить ее правильно, необходимо рассмотреть вопрос детерминированности морального сознания общественным бытием.

* * *

С возникновением марксизма впервые была создана основа для понимания морального сознания не как абстрактного стремления людей к «добру» и «справедливости», к существующей вне человеческой истории моральной «истине», но как специфической формы отражения бытия.

Маркс подчеркивал, что ни одно событие, происходящее в обществе, не минует сознания людей. Но цели и стремления людей, их желания, страсти определяются в конечном счете их общественным бытием. Не только индивидуальное, но и общественное сознание не является определяющим фактором истории, поскольку оно само является лишь более или менее приближенным отражением общественного развития.

Общественное сознание представляет собой соотношение различных уровней отражения общественного бытия.⁵ Так, общественная психология — несистематизированное, непосредственное отражение экономических отношений. Применительно к нравственной жизни отражение на уровне общественной психологии находит свое выражение в навыках, моральных чувствах, обычаях, обрядах. «Нравы и обычаи сами составляют элемент этой общественной психологии (т. е. совокупность соци-

---

⁵ Глубокий и всесторонний анализ этого вопроса дан в кн. В. А. Ядова «Идеология как форма духовной деятельности общества» (Изд. ЛГУ, 1961).

альных чувств, настроений, привычек, представлений, образующихся под влиянием экономических отношений) и испытывают влияние других ее элементов».⁶

Формирование морали на уровне общественной психологии протекает в значительной степени стихийно, под непосредственным влиянием экономических условий жизни людей.⁷

Нравственные отношения и моральные взгляды людей, поскольку они складываются в классовом обществе, испытывают на себе влияние идеологии господствующего класса. Идеология проявляется в форме морального сознания как система норм, принципов поведения, как теоретическое осознание их в этике.

Подчеркивая историческую, классовую природу морали, Маркс и Энгельс стремились раскрыть значение морального фактора в общественном развитии, последовательно проводя мысль о том, что нравственные отношения, моральные взгляды, теории морали — не основа, а следствие существующего строя.

Напротив, признание морального фактора решающей силой было характерно для многих идеалистически мыслящих социологов, философов, писателей. В России в конце XIX и начале XX вв. абсолютизация морали нашла отражение в различных философско-этических теориях. С таких позиций выступали в художественной литературе и в публицистике Ф. Достоевский и Л. Толстой.

«Впередовцы» утверждали, что «нельзя делать революцию грязными руками», что сначала необходимо очистить людей, а затем строить новое совершенное общество. Законченное теоретическое выражение эта концепция получила в работах «легальных марксистов» П. Струве, Туган-Барановского, которые перенесли на русскую почву этические идеи неокантианцев, нашедшие свое оформление в так называемом «этическом социализме».

Исходным положением «этического социализма» является отрицание первичности экономических отношений и объективных законов исторического развития. На этой основе отрицается объективная необходимость социализма. Коммунизм, с точки зрения «этических социалистов», — это неизменный моральный идеал, достижение которого возможно не средствами классовой борьбы и революционного преобразования жизни, а путем морального совершенствования. Заимствуя у Канта идеалистическое и формальное учение о «доброй воле», о «категорическом императиве», которые существуют трансцендентно, непроницаемы для человеческого опыта, «этические социалисты» относили осуществление социализма в бесконечность, превращали его в недостижимую утопию.

Политическая устремленность «этического социализма»

⁶ А. Ф. Ш и ш к и н. Основы марксистской этики. М., 1961, стр. 9.

⁷ В. А. Я д о в, ук. соч., стр. 53.

выражена была очень четко Туган-Барановским в предисловии к книге немецкого неокантианца К. Форлендера «Кант и Маркс». Туган-Барановский, определяя главную задачу «этического обоснования социализма», писал, что оно «... знаменует собой не дополнение марксизма, а коренное преобразование, точнее разрушение его».⁸ Отрицая классовую борьбу как движущую силу общественного развития, отрицая диктатуру пролетариата, «этический социализм» пытался в крайне реакционной политической форме возродить субъективистский, идеалистический взгляд на общественное развитие.

«Этический социализм» широко пропагандируется современными идеологами ревизионизма. Причем, как правило, он выдается за новое слово теории общества.

Интересный анализ современной ревизии марксизма с позиций обновленного «этического социализма», или, как его называли польские ревизионисты, «гуманистического социализма» дает А. Шафф в своей книге «Спор о проблеме нравственности».⁹ Идеологическая борьба, развернувшаяся в некоторых коммунистических и рабочих партиях после опубликования материалов XX съезда КПСС, разоблачение культа личности Сталина, выявление фактов нарушения социалистической законности сделало проблему нравственности особенно острой и актуальной, приковало к ней внимание широких общественных кругов. На этом обстоятельстве спекулировали ревизионисты (Верфель, Секерская и др.), противопоставляя «гуманистический социализм» диктатуре пролетариата, абстрактную морализацию — классовой борьбе. А. Шафф называет эту форму ревизии марксизма «типично морализаторской».

В. И. Ленин подверг сокрушительной критике теоретические основы «легального марксизма», разоблачил ревизионистскую сущность возрождения неокантианства К. Каутским и показал полную несостоятельность идей «этического социализма».

Классики марксизма в своих многочисленных работах постоянно подчеркивали, что бедственное положение трудящихся масс в буржуазном обществе, крайне низкий уровень материальной и духовной культуры эксплуатируемого населения делает невозможной нравственную революцию, затрудняет нравственный прогресс, калечит, уродует душу человека.

В условиях, когда главным двигателем человеческих отношений оказывается забота о средствах существования, бессмысленно ставить вопрос об определяющей роли морального прогресса. В эксплуататорском обществе, указывал Энгельс в «Людвиге Фейербахе...», торжествует не добродетель, а порок, «честные, как правило, оказывались в дураках, а бесчест-

⁸ К. Форлендер. Кант и Маркс. Спб., 1909, стр. VII.

⁹ A. Schaff. Spór o zagadnienie moralności. Warszawa, Książka i Wiedza, 1958.

ные торжествовали».¹⁰ Эту истину практически усваивали поколения молодых людей, вступающих в жизнь, где господствуют законы капиталистической конкуренции. Это порождало «утраченные иллюзии», о которых с потрясающей силой и правдивостью писал в «Человеческой комедии» О. Бальзак.

Мечта о новом, справедливом социальном строе зародилась еще в далеком прошлом человечества. История социалистических учений связана с именами великих утопистов, которые смело и бесстрашно обличали зло и пороки, порожденные частной собственностью, выражали надежды и стремления угнетенных классов. Поэтому их социализм, несмотря на всю незрелость и несбыточность, был прогрессивным и глубоко нравственным явлением. Но действительные пути осуществления лучших нравственных идеалов человечества открыли основоположники научного социализма, которые показали, что не чувство жалости и морального сострадания к угнетенным определяет успех борьбы за всеобщую справедливость, а практическое преобразование, коренное изменение общественной экономики — силою классового господства пролетариата.

Разве только к чувству сострадания и нравственного осуждения взывают народы колоний, борющиеся в наши дни за свое освобождение? Разве жалость хотел вызвать у слушателей Фидель Кастро своим незабываемым выступлением на XIII сессии Организации Объединенных Наций? До революции на Кубе было 690 тыс. безработных, 3 млн. человек жили в хибарах, 70% детей не посещали школу, большая часть населения Кубы была больна туберкулезом, средняя продолжительность жизни равнялась 30—35 годам.

Подобное социальное зло невозможно уничтожить моральными средствами. Это хорошо понимают теперь трудящиеся всех стран, вставших на путь национальной независимости. Именно в этом смысле признавал В. И. Ленин утверждение Зомбарта, «что „в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики“: в отношении теоретическом, „этическую точку зрения“ он подчиняет „принципу причинности“; в отношении практическом — он сводит ее к классовой борьбе».¹¹

* * *

Признание объективной детерминации морали не значит, однако, что мораль лишь следствие экономики, что нравственные отношения не играют никакой роли в общественном развитии. Подобная позиция в оценке морали порождает убеждение в бессилии и бесполезности морального воздействия на человека. Отражая вульгарно-материалистическое, нигилистическое отно-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 307.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 400.

шение к возможности обратного воздействия общественного сознания на бытие, эта точка зрения в конечном счете смыкается с крайним субъективизмом и произволом в понимании нравственности. На этой основе развивается скептицизм в оценке моральных норм, провозглашается неизбежность торжества зла, осмевается и отрицается выражение нравственного самосознания личности — голос совести. В определенных обстоятельствах все это выливается в проповедь аморализма.

Аморализм имеет теоретическое выражение, он связан с развитием иррационалистической этики С. Кьеркегора и Ф. Ницше, утверждавших право «сверхчеловеческа» пренебречь всеми моральными нормами, поскольку «сверхчеловек» находится «по ту сторону добра и зла». Иррационализм в этике получил свое дальнейшее развитие в философии и этике экзистенциализма. Утверждая бессмысленность человеческого существования, экзистенциализм отказывается от признания каких бы то ни было моральных требований к человеку. Так, немецкий экзистенциалист Хейдеггер выразил полную бессмысленность моральной оценки жизни своеобразным афоризмом: «К чему призывает окликаемая совесть? Строго говоря — ни к чему. Совесть беседует только и неизменно в форме молчания».¹²

«Молчание» совести означает на практике возможность массовых преступлений против человечности, пропаганду жестокости и разрушительной силы. Не случайно в одной фашистской песне говорилось: «Мы будем маршировать дальше и тогда, когда все превратится в обломки...».

Современный буржуазный аморализм — явление не чисто теоретическое, оно имеет свои глубокие социальные, классовые корни, широко распространяется в сфере нравственных отношений и проявляется в экономических отношениях, в семье, находит свое отражение в сознании обывателя. Развитие скептицизма, неверие в добро, совесть, человеческое достоинство не возникают случайно. Такой кризис «морального духа» захватывает сознание людей, особенно сознание молодежи в критические, переломные, а порой и трагические повороты истории. Упадок нравов, как правило, сопутствует общему упадку экономической и политической активности господствующих классов в периоды их регресса и разложения. Практическая утрата современной буржуазией ценностей жизни и культуры находит свое теоретическое выражение в пропаганде аморализма, отказе от духовных ценностей, от идей добра и справедливости. Очень характерное признание сделал современный английский писатель Джон Брэйи в своем открытом письме Алексею Суркову. Он писал: «Когда вы едете в лондонском метро, вам рассказывают о человечестве следующее: мы пьем пиво и лимонад, едим шоко-

¹² Г. Менде. Очерки о философии экзистенциализма. М., ИЛ, 1958, стр. 43.

лад и сосиски, принимаем лекарства, носим одежду, женщины пользуются корсетами, якобы гарантирующими им вечную молодость. Короче говоря, нам напоминают о том, что у нас есть тело и что оно имеет свои потребности. Но когда смотришь на скульптуру Пушкина (на станции Ленинградского метро), то постигаешь нечто более важное: человек способен думать не только о своем комфорте и о своем личном существовании, но и о чем-то гораздо большем. Человек существует не только для того, чтобы есть, пить и наряжаться,— он существует для чего-то более важного и значительного. И нужно, чтобы тебе напоминали о таких людях, как Пушкин. Нужно, чтобы тебе напоминали о том, что, говоря словами У. Одена, „человек — это дух”». ¹³

Утрата духовных ценностей и есть основа того «морального вакуума», рассуждение о котором стало модой в современной буржуазной этической литературе. А в обстановке праздности, пассивности он становится опаснейшим социальным явлением, так как опустошенный человек утрачивает высокие нравственные идеалы и превращается или буквально или потенциально в объект фашистского оболванивания. Это обстоятельство находит свое отражение и в современной художественной литературе, об этом не могут умолчать и буржуазные социологи. Современный немецкий позитивист Гельмут Шельский в книге «Скептическое поколение» невольно устанавливает теснейшую связь распространения фашистской идеологии с распространением аморализма и крушением больших идеалов.

Действительно, в подобной обстановке надеяться на действие «морального фактора» не приходится, поскольку сам «моральный фактор», будучи отражением все углубляющегося кризиса капиталистических отношений, превратился в воинствующий аморализм. Прогрессивная интеллигенция, учителя, писатели, представители демократических объединений Запада все больше и больше прислушиваются сейчас к голосу коммунистических и рабочих партий, к их призыву повести решительную борьбу за нынешнее поколение, за молодежь средствами социальных преобразований, революционным изменением общественных отношений.

Только социалистическая революция создает реальную возможность превращения морального фактора в огромную социальную созидательную силу. Связав нравственное обновление общества с борьбой рабочего класса, с коммунистической революцией, классики марксизма показали несостоятельность попыток создания отвлеченных моральных правил. Раскрывая объективный, материальный источник моральных идей, можно оценить их роль в жизни общества, силу их влияния на поступки людей.

---

¹³ Джон Брэйи. Я верю в мирное сосуществование... «Литературная газета». 1960, 24 декабря.

Коммунистическая мораль, порожденная условиями жизни и борьбой рабочего класса, выражает реально назревшую общественную потребность уничтожения эксплуатации и создания нового общества. По мере развития социализма роль коммунистической морали в системе общественных отношений все возрастает. Этот процесс усиления морального фактора представляет собой проявление общей тенденции к возрастанию роли субъективного фактора в период коммунистического строительства.

В наше время — время колоссального прогресса науки и техники, время широкой информации и крепнущих связей между народами, время подъема политической, гражданской активности огромных масс, населяющих планету, — возрастает роль морального фактора в самом широком смысле этого слова. Особенно проявляется сила морального сплочения людей в борьбе за мир с силами реакции и войны. Нельзя недооценивать в этой связи силы морального негодования народов, морального осуждения политики милитаризма. Выступая 10 июля 1962 г. на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир, академик А. В. Топчиев сказал: «Мало осудить войну как преступление, наносящее неизмеримый материальный ущерб обществу, надо заклеить ее как преступное деяние, разлагающее нравственные основы человеческого существования. Агрессивная война аморальна, ибо она противоречит основному призванию человека: создавать новые материальные и духовные ценности, поднимающие человечество на высшую ступень. Война аморальна, потому что требует себе в жертву самое ценное, что есть у человека, — его жизнь».¹⁴

Возрастающая роль морального фактора в коммунистическом строительстве, возрастание активной роли морального сознания всех людей доброй воли находят свое наглядное проявление в изменении внутренней субординации различных форм общественного сознания. Поэтому изучение соотношения морали с другими формами общественного сознания приобретает в современных условиях особенно важное значение.

Мораль и политика

Основное содержание каждой формы общественного сознания носит классовый характер. Уточняя этот аспект общественного сознания, Маркс и Энгельс говорят о различных идеологических формах. Но понятие идеологии специфично, оно не совпадает с понятием форм общественного сознания; история идеологии связана с развитием классового самосознания. В бесклассовом обществе существовали различные элементы обще-

---

¹⁴ Выступление А. В. Топчиева на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир. «Комсомольская правда», 1962, 12 июля.

ственного сознания, среди них наибольшее развитие имели зачатки морали и первые религиозные представления. Эти элементы общественного сознания не могли в условиях первобытного общества получить достаточное развитие, так как вся сознательная деятельность людей включалась в непосредственную производственную деятельность. Только в результате развития форм общественного разделения труда, в результате разделения труда умственного и физического начинается развитие форм общественного сознания в подлинном смысле этого слова.

Разделение труда на умственный и физический происходит на основе классового расслоения общества. А это привело к тому, что разработка теоретических вопросов, развитие идеологических форм, в том числе и морали, становится сразу привилегией господствующего класса. Отсюда вытекают два следствия, уяснение которых раскрывает сложный, противоречивый характер взаимодействия политики и морали. Во-первых, мораль, как и все формы общественного сознания, приобретает относительную самостоятельность только в классовом обществе. Поэтому мораль сразу же выступает не как система отражения нравственных отношений и их оценки «вообще», а как система, выражающая интересы определенных классов. И, во-вторых, развитие теории морали, будучи привилегией господствующих классов, несет на себе печать классовой ограниченности. Все дальнейшее развитие морали как формы общественного сознания представляло собой глубокое противоречие между действительной ценностью определенных завоеваний в области нравственного прогресса и тем смыслом, который вкладывали господствующие классы в конкретные формы морального сознания. Поэтому особенное значение идеологи господствующих классов придавали «вечным» принципам морали, решаясь на отход от морального догматизма только в период прогрессивного движения в борьбе за власть и отказываясь от смелых выводов в оценке старых моральных норм после утверждения своего политического господства. Это делало мораль господствующих классов крайне ограниченной, косной. Так, рабовладелец «не мог понять» желание раба стать свободным. Проявление человеческого достоинства, стремление к личной независимости в эпоху феодализма объявлялось средневековой, религиозной по преимуществу, моралью «гордыней», «пронском дьявола». Для морализирующего буржуа законы частнособственнической морали являются единственно «разумными», вечными и неизменными. Подчеркивая политическую, классовую ограниченность буржуазной морали, классики марксизма отвергали всякую попытку оценить ее как «общечеловеческую», «абсолютную» и т. д.

Вместе с тем абсолютизация норм и принципов буржуазной морали неизбежно сочетается с объективизмом в буржуазной этической науке, с отказом от признания связи морали и политики. Буржуазная политика провозглашается свободной от

морали, от моральных принципов, так же, как мораль объявляется беспартийной, аполитичной.

Современные ревизионисты говорят о том, что в социалистической системе происходит «поглощение» морали политикой, обвиняют марксизм в релятивизме при решении моральных проблем.

Марксизм не отождествляет мораль и политику, сферы их не полностью перекрывают друг друга. Требования политики относятся к человеку, поскольку он — олицетворение или носитель определенной общественной функции (поскольку он, говоря словами Маркса, «маска» им олицетворенной общественной категории); требования морали относятся ко всей совокупности отношений человеческих индивидов друг к другу. Они заключают в себе область, на которую не распространяется политика. Однако все политические действия, поскольку они осуществляются через поступки людей, имеют и нравственное содержание.

Огромное моральное воздействие на народные массы нашей страны и трудящихся всего мира произвели первые декреты Советской власти, такие, как «Декларация прав народов России», «О равноправии наций», «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». В наши дни большой международный резонанс не только в политике, но и в сфере морали имели политические документы совещаний коммунистических и рабочих партий и в 1957 г. и в ноябре 1960 г.

Подчеркивая связь морали и политики, мы стремимся рассматривать каждого человека во всем многообразии его связей с обществом, не отрывая его «частную» жизнь от государственной, политической жизни.

Коммунистическая нравственность получила свое развитие, когда в марксизме была обоснована политическая цель этой борьбы — коммунизм, разработано учение о средствах и путях этой борьбы и определен, таким образом, научный критерий новой морали. Это значит, что чем политически активнее человек, чем больше сил он прилагает к осуществлению коммунизма, тем он нравственнее.

Сближение политики и морали заключается в том, что коммунисты не только не противопоставляют мораль политике, не только выдвигают в качестве критерия морали революционный политический принцип — морально то, что способствует победе коммунизма, — но и распространяют моральные принципы на сферу политики: и внутренней, и внешней.

Буржуазные идеологи вынуждены либо провозглашать независимость, абсолютное различие сфер политики и морали, либо маскировать и прикрывать лицемерным морализированием истинные цели буржуазной политики именно потому, что эти цели находятся в вопиющем противоречии с народными интересами, с прогрессивным развитием человеческого общества.

Советская власть провозгласила в политике принципы чест-

ного соблюдения договорных обязательств, выступила против «тайной дипломатии». Одним из первых действий правительства, возглавляемого В. И. Лениным, было опубликование всех тайных договоров, которые правящие круги буржуазных государств и царское правительство заключали за спиной своих народов.

Принципы мирного сосуществования, уважения прав всех народов, уважение суверенитета любого государства, бескорыстная помощь слаборазвитым странам и братские связи со странами социалистического лагеря — весь характер внешней политики Советского Союза соответствует моральным принципам коммунизма.

Всегда и неизменно народы Советского Союза выступают в защиту тех, кто борется за освобождение от колониального гнета, поддерживают справедливую борьбу угнетенных против угнетателей.

Сбываются слова Энгельса о том, что великим завоеванием человечества было бы распространение элементарных моральных норм, естественных в обычных отношениях между людьми, на взаимоотношения между народами.

Такая же прямота, честность и взаимное доверие отличают и взаимоотношения партии коммунистов и широких народных масс, советского правительства и советского народа.

Ленинское требование всегда говорить правду, как бы неприятна и горька она ни была, доверять трудящимся — незабываемый принцип, которым руководствуется коммунистическая партия.

Яркое свидетельство этому — разоблачение чуждого марксизму культа личности Сталина и работа по ликвидации его последствий во всех областях нашей общественной жизни.

Общность интересов трудящихся, единая цель, к которой направлены помыслы советских людей — построение коммунизма, — находят свое выражение в неразрывном единстве партии и народа. Все более широкое участие трудящихся в обсуждении коренных народнохозяйственных и общественных вопросов, перспектив развития культуры страны становится нормой жизни советского общества. От всенародного обсуждения проекта и Программы КПСС до обсуждения законов об охране труда, от вопроса о перестройке системы народного образования до проблем развития сельского хозяйства партия реализует принцип Ленина: постоянно советоваться с массами, учиться у масс.

Поэтому естественно, что партийное руководство коммунистическим строительством рассматривается как осуществление на практике не только политических, но и моральных принципов коммунизма.

Это глубочайшее единение политики и коммунистической морали в деятельности КПСС выражено в утверждении, что наша партия есть ум, честь и совесть народа.

Из всех форм общественного сознания право теснее всего связано с моралью. Это объясняется тем, что и право и мораль представляют собой совокупность правил, норм, регулирующих поведение людей в обществе. Право и мораль несут исторический характер. Каждой общественно-экономической формации присущи свой тип права и свои моральные воззрения и нормы.

В качестве основания различия права и морали пытаются использовать понятие принуждения, якобы характеризующее лишь правовые отношения. Но в действительности принуждение присутствует и в праве и в морали, оно лишь реализуется различными способами. Если основной формой морального принуждения является общественное мнение и внутреннее побуждение — совесть человека, — то в праве принуждение осуществляется органами государственной власти, выражающими волю господствующего класса.

Основная и общая с моралью категория права — это справедливость, наиболее широкая категория морали — добро. Поскольку категория добра распространяется на больший круг человеческих отношений, чем категория справедливости, возможно признать известную обоснованность выражения — «право есть минимум морали».

Более узкий объем понятия права объясняется и тем, что в каждой общественно-экономической формации существует только одно право, систем морали имеется несколько — соответственно классовому составу данного общества.

Важный аспект в различии права и морали указывает Энгст. Говоря о специфике морали по отношению к праву, он подчеркивает программный характер моральных норм: «В то время как правовая норма не имеет характера программы на будущее, а является осмыслением и закреплением того, что в данном обществе в основном уже достигнуто, моральная норма устанавливает, как правило, то, что должно быть, но чего в действительности нет».¹⁵

Противоречия между правом и моралью характерны для любого общественного строя, зиждящегося на эксплуатации человека человеком. Право возникает, как средство защиты интересов господствующего класса, и вполне естественно, что только с моралью эксплуататоров оно имеет общие черты, хотя и мораль господствующего класса не полностью совпадает с правом. С одной стороны, некоторые области права касаются проблем, не связанных с проблемами морали, с другой, проблемы морали никогда не могут быть полностью выражены в правовых нормах.

Право возводит в закон те моральные нормы и принципы,

---

¹⁵ Я. Энгст, ук. соч., стр. 33.

которые выражают коренные интересы господствующего класса; нередко право использует и отжившие нормы морали, если это выгодно господствующему классу. Так, от эпохи рабовладельческого общества до современного капитализма право провозглашало незыблемость, священность и неприкосновенность частной собственности.

Насколько удобными были многие правовые нормы и установления в этой области для любых эксплуататоров, доказывает, например, то, что в кодексе Наполеона, закрепившем за воевания буржуазии, широко использовано римское право.

В Российской империи, при самом жестоком подавлении национальной самобытности и национальной культуры «инородцев», законодательным путем закреплялись те обычаи и нормы родо-племенной и феодальной морали (в Закавказье, Средней Азии), которые служили интересам принципа «разделяй и властвуй».

Современные колониалисты пытаются в странах, сбрасывающих оковы рабства, опираться на обычаи и моральные предписания, мешающие общественному прогрессу: передовых деятелей стран Африки буржуазные газеты именуют «диктаторами», «ниспровергателями дедовских обычаев», пытаются восстановить против них отсталые слои населения. Так, в Британской Гвиане, в борьбе с прогрессивным правительством Джагана английские и американские капиталисты разжигают национальную рознь, обвиняют Джагана в аморализме и пытаются поставить под сомнение правовую сторону тех преобразований, которые проводит его правительство.

Противоречие права и морали в эксплуататорском обществе обусловлено и тем, что угнетенные классы, подчиняясь силе, не признают законности права эксплуататоров, в массах закон не пользуется моральной поддержкой. Поэтому нередко сочувствие трудящихся на стороне тех, кто вступает в конфликт с правом. При этом характерно, что истинно нравственными часто оказываются поступки, идущие вразрез с существующим правом.

Подвиги Анри Мартена и Раймонды Дьен, с точки зрения правовой — с точки зрения официальной Франции, — есть измена и преступление. С точки зрения прогрессивной истинно человеческой морали, в них выразились лучшие нравственные качества народа Франции.

Противоречия права и морали выступают в сфере человеческого поведения как противоречие между долгом и совестью, причем столь часто и столь резко, что некоторые из писателей и философов пытались этот антагонизм объявить вечным и неизменным противоречием, свойственным человеческому духу.

На самом деле подобный антагонизм — следствие определенных исторических условий: в обществе, свободном от эксплуатации человека человеком, снимается антагонизм «долга» и «со-

вести», поскольку снимается непреодолимое противоречие права и морали, хотя и сохраняются различия между этими формами общественного сознания.

Моральные нормы многообразнее, более гибки. Если право, прежде всего, касается общего и отчасти особенного, то мораль распространяется и на единичное. Никакой свод законов не может предусмотреть всего разнообразия человеческих поступков, всей сложности человеческих отношений, тогда как моральные нормы более динамичны, подвижны, полнее и глубже отражают изменения в человеческих отношениях, не только закрепляют существующие, но и способствуют формированию новых отношений между людьми.

Различны судьбы права и нравственности. Право отомрет в коммунистическом обществе, мораль же получит при коммунизме наиболее полное развитие. Процесс отмирания права неразрывно связан с процессом отмирания государства, с передачей функций государства органам общественного управления. В период постепенного перехода от социализма к коммунизму происходит возрастание роли моральных стимулов в советском праве, это ведет к усилению воспитательной работы органов суда и прокуратуры. Все более важное место в правовой деятельности занимает профилактика, предупреждение самой возможности правонарушений, и эта деятельность работников суда и прокуратуры смыкается с работой общественных организаций по воспитанию трудящихся в духе морального кодекса строителя коммунизма.

Очень большое значение в развитии борьбы с нарушителями общественного порядка, лодырями, пьяницами имеет инициатива самих трудящихся, практически показывающая, в каких формах будет осуществляться перерастание государственных функций (в том числе и правовых) в общественные. Такой формой борьбы общественности за соблюдение норм и правил социалистического общежития является деятельность народных дружин.

Огромное значение имеют и такие формы сочетания права и морали, как система товарищеских судов и право коллективов трудящихся брать «на поруки» лиц, впервые совершивших правонарушение. Разумеется, все эти новые формы борьбы общественности не являются абсолютно сложившимися и совершенными. Встречаются в их деятельности и большие трудности и досадные ошибки (об этом сообщает наша печать), но они свидетельствуют о глубоком единстве народа и государства, о возросшей активности трудящихся масс в борьбе за соблюдение норм коммунистической морали и советских законов.

В этой связи большого внимания заслуживает опыт ленинградской комсомольской организации, выступившей с инициативой передачи на перевоспитание в бригады коммунистического труда подростков из детской исправительно-трудовой колонии.

Непрерывное возрастание роли общественности в воспитании нового человека свидетельствует о возможности полного искоренения преступности и нарушений правил социалистического общежития.

Мораль и религия

Один из крупнейших современных буржуазных философов Б. Рассел отмечал, что в области нравственности религия принесла человечеству огромный, трудно поправимый вред. Это признание Рассела довольно точно отображает действительный смысл взаимоотношений морали и религии в процессе их исторического развития. Религия всегда стремилась «поглотить» мораль, посягала на все ее завоевания, стремилась подменить принципы светской морали догматами церкви.

Особенно активно в сферу морали вторгается сейчас христианская религия, видя в ней свое последнее убежище. Характерно и то, что деятели христианской церкви все чаще обращаются к принципам коммунистической морали, пытаются отождествить их с христианским моральным кодексом. Проводится, например, мысль о том, что христиане и коммунисты едины в утверждении всеобщего равенства и братства, но замалчивается глубочайшее противоречие коммунистического и христианского понимания равенства. Христианская церковь признает равенство лишь как «равенство во грехе».

Учение о греховности человеческого существа составляет суть христианской морали, отрицающей человека, объявляющей самым большим грехом «гордыню». Не случайно Маркс, раскрывая социальную сущность раннего христианства, называл его «вздохом угнетенной твари».

Целый ряд недостатков в нашей воспитательной работе способствует тому, что идеи христианской морали живут еще в сознании некоторых людей. Так, в развитии коммунистической морали все еще недостаточное внимание уделяется разъяснению нормативной стороны морали, в то время как церковь делает это особенно тщательно. П. Тольятти в одном из своих выступлений специально обращал внимание на то, что католицизм очень просто, доходчиво, ярко пропагандирует нормы и правила поведения, взаимоотношения людей и т. д.

Порою церковь выступает в высшей степени активным поборником таких деяний, как борьба с хулиганством, с пьянством и развратом. Наша антирелигиозная пропаганда не всегда учитывает эту приспособляемость современной церкви к актуальным проблемам и поэтому иногда бьет мимо цели.

Известное влияние на население церковь сохраняет и потому, что она претендует на роль поборника и защитника национальных обрядов и обычаев.

В прибалтийских республиках стало традицией торжественно отмечать «Летние дни молодежи» или «Праздник совершен-

полетия», и этот праздник успешно вытесняет обряд конфирмации.

Комсомольские организации Ленинграда, общественность Москвы выступили с предложением организовать регистрацию новорожденных, для того, чтобы яркий и праздничный советский обряд, отмечающий вступление в жизнь нового человека, вытеснил один из самых стойких пережитков религиозного сознания — обряд крещения.

В борьбе с религиозной моралью недооценивалась, как правило, и еще одна сильная сторона деятельности сектантских групп. Речь идет о кропотливой, «чуткой» индивидуальной работе с вовлекаемыми в секту.

Коммунистическая нравственность несовместима с равнодушным отношением к человеку. Усиление и совершенствование методов индивидуальной работы с людьми, преодоление формализма и администрирования — необходимые условия искоренения религиозной морали из сферы нашего быта, из сознания и сердца каждого человека, еще находящегося в плену у религии.

Мораль и искусство

Взаимоотношение этического и эстетического является в высшей степени сложным и порождает множество противоречивых толкований. Можно вычленить две тенденции в определении отношения этического и эстетического. Так, в идеалистической философии, особенно И. Канта, проявляется тенденция их разрыва и противопоставления. Теория изоляции и противопоставления морали и искусства, добра и прекрасного встречается и сейчас. Эстетическое наслаждение трактуется идеалистической эстетикой как абсолютное, свободное от каких бы то ни было моральных оценок. Крайнюю форму выражения эта позиция получила в философии Сантаяны, который выступил с утверждением, что прекрасное — это совокупность всего безобразного.

Вторая тенденция в понимании связи этического и эстетического выразилась в полном их отождествлении. С точки зрения такого отождествления, прекрасное и доброе совпадают. Эту точку зрения разделяли многие материалисты, в том числе русские революционные демократы.

Отношение этического и эстетического не может быть выражено однозначной формулой: совпадение или полное расхождение, выявление природы этого отношения требует более всестороннего подхода к проблеме.

В марксистской философии можно вычленить следующие моменты в характеристике связи этического и эстетического. Во-первых, следует иметь в виду, что в основе этического и эстетического лежит определенный тип отношения человека к действительности, определенное мировоззрение. Это подчерк-

нул Н. С. Хрущев на встрече с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 г.: «Мы стоим на классовых позициях в искусстве и решительно выступаем против мирного сосуществования социалистической и буржуазной идеологий».¹⁶ По этой причине положительные моральные качества определенными социальными группами, классами оценивались как прекрасные, и наоборот.

Однако есть и такие нравственные качества, которые всеми людьми оцениваются в эстетическом плане как безобразные (тупость, жадность и т. д.). Классовая позиция проявляется в данном случае в том, кому, представителям каких социальных кругов по преимуществу приписываются эти качества.

Во-вторых, связь этического и эстетического проявляется в том, что эстетически воспитанный человек обретает известный нравственный иммунитет против пороков.

И, в-третьих, связь этического и эстетического проявляется в огромном влиянии морали на искусство. Именно поэтому искусство выступает как учитель жизни. Впервые соприкасаясь с миром искусства, люди в образной, яркой форме познают добро и зло, знакомятся с моральной оценкой тех или иных жизненных ситуаций.

XXII съезд КПСС с особенной силой подчеркнул роль эстетического воспитания, развития самодеятельности, приобщения всех трудящихся к активному участию в развитии искусства.

В мысли М. Горького «эстетика — это этика будущего» выражена неразрывная и все укрепляющаяся и взаимопроницающая связь эстетики и морали в разрешении главной задачи коммунистического воспитания — формировании все-сторонне развитой личности строителя коммунизма.

Мораль и наука

Вопрос о соотношении морали и науки имеет два аспекта. С одной стороны, представляет интерес влияние морального сознания на развитие науки, моральная оценка достижений науки, методов ведения научных исследований и практического использования ее открытий. С другой стороны, важно ответить на вопрос о том, может ли мораль стать объектом научного отражения, правомерна ли постановка вопроса об этике как науке.

В нашу эпоху неизмеримо возрастает моральная ответственность деятелей науки за результаты научных открытий и характер их использования. «Новая техника, новая наука не могут функционировать ни при старой морали, ни при старой экономической и политической системе», — пишет Д. Бернал о судь-

---

¹⁶ Н. С. Хрущев. Высокая идейность и художественное мастерство — великая сила советской литературы и искусства. М., Госполитиздат, 1963, стр. 36.

бах научных открытий в странах капитала.¹⁷ Представители крупнейших монополистических объединений, финансирующих научные исследования в области ядерной физики и бактериологических средств массового уничтожения, стремятся всячески разграничить мораль и науку. Эта настойчивость объясняется полным отказом от принципов морали и в постановке научных проблем и в методах их разрешения. Так, в августе 1958 г. американский журнал «Сайенс Ньюс Леттер» опубликовал выдержку из книги, изданной колумбийским университетом, с формулировкой проблем, над разрешением которых должны работать ученые США.

В этом перечне указывались, в частности, такие проблемы:

1. Бактериологическая война или использование веществ, парализующих психику.

2. Отравление посевов или животных.

3. Невидимые радиоактивные краски.

4. Распространение наркомании путем добавления наркотиков к таблеткам аспирина, популярным сортам конфет и т. д.

Распространение воинствующего аморализма в современной буржуазной науке по существу превращает науку из средства прогресса общества в средство разрушения и массового уничтожения.

«Современный человек, и в первую очередь ученый, знает, что он не вправе стоять по ту сторону добра и зла, потому что добро и зло — это продукты человеческой деятельности. Тот факт, что практик может использовать научные результаты в добрых или злых целях, не доказывает, что научное исследование и моральное поведение независимы друг от друга. Это показывает лишь то, что они дополняют друг друга...»¹⁸

Второй аспект проблемы соотношения морали и науки предполагает выяснение возможности научного обоснования моральных норм и принципов. Он был рассмотрен выше в связи с определением предмета этики (см. стр. 20—22).

---

¹⁷ Д. Бернал. Наука в истории общества. М., ИЛ, 1957, стр. 455.

№ 1, стр. 84.

¹⁸ Марио Бунге. Научный подход к этике. «Вопросы философии», 1961,

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ НРАВСТВЕННОСТИ

Пути исследования исторических форм нравственности

Понятие исторической формы, или исторического типа, нравственности обозначает, как правило, нравственность, характерную для определенной социально-экономической формации.

Однако в каждую историческую эпоху, за исключением лишь эпохи первобытнообщинного строя, в нравственности своеобразно сочетаются общечеловеческие и классовые элементы, наследие эпох предшествующих и зародыш будущих нравственных отношений. Таким образом, понятия «нравственность рабовладельческой эпохи» или «нравственность эпохи феодализма» не идентичны понятиям «рабовладельческой нравственности» и «феодальной нравственности». Первые охватывают всю совокупность нравственных отношений определенного исторического периода, вторые — лишь типичные для данной социальной группы (класса) нравственные отношения.

При рассмотрении исторических форм нравственности главное внимание обращается на нравственность классов, определявших характер эпохи. Вот почему, например, когда речь идет о нравственности рабовладельческой эпохи, несмотря на то, что в то время существовали и свободные крестьяне — общинники, и ремесленники, не имевшие рабов, в укладе жизни прочно хранившие нравственные традиции родового строя, — говорится только о нравственности рабовладельцев и рабов.

Исследование исторических форм развития нравственности связано с рядом специфических трудностей.

Отсутствие письменности на протяжении многих веков существования первобытного общества делает особо сложным исследование нравственности эпохи первобытнообщинного строя. Об этом периоде развития нравственности возможно лишь умозаключить на основе тщательного изучения памятников материальной культуры, т. е. по орудиям труда, предметам обихода, жилищам можно судить об экономическом укладе, а по особенностям

экономического уклада — о развитии взаимоотношений людей первобытного общества и характере их регулирования.

До известной степени эта трудность преодолевается путем изучения уклада жизни, обычаев, правил существующих ныне племен, наименее продвинувшихся в экономическом развитии. Аналогия здесь возможна лишь в ограниченных пределах: племен, абсолютно изолированных от других народов, фактически не осталось. Даже эквадорские хиваро, о которых рассказывают чешские путешественники Ганзелка и Зигмунд, испытывают на себе ряд влияний и главное уже находятся на сравнительно позднем этапе развития родового строя, так как у них уже существует патриархальная семья.

Правда, этнографами XIX и XX столетия собран очень богатый и разнообразный материал, характеризующий быт племен и народов Австралии, Океании, Африки, Южной Америки, Азии, но его истолкование нередко тенденциозно или свидетельствует о заблуждениях исследователей.

Исследователю в области истории нравственности вслед за археологией, антропологией и этнографией приходит на помощь история. Со времен Фукидида и Тацита до XVIII—XIX столетий историки, летописцы, полководцы-завоеватели, миссионеры и путешественники рассказывали об обычаях и нравах разных племен и народов. Как и к данным специалистов-этнографов, ко всем этим сведениям следует относиться с большой осторожностью. Очень часто факты искажены из-за невежества тех, кто описывал их; еще чаще обычаи и нравы оказываются непонятными и неверно истолкованными, поскольку описывающий судил с точки зрения привычных для него моральных критериев и норм; наконец, нередко, в особенности в XIX—XX столетия, эти наблюдения, факты сознательно фальсифицируются во имя оправдания «цивилизаторской миссии» колонизаторов.

Отсутствие письменных источников, сложность косвенных выводов и противоречивость, отрывочность и невольная или сознательная искаженность этнографических и исторических материалов осложняют изучение первой из исторических форм нравственности.

С возникновением письменности и началом теоретического осмысления морали, т. е. с появлением этики, трудности не исчезают, а лишь изменяются. Во-первых, непрерывно усложняется жизнь общества, с разделением на классы мораль приобретает классовый характер, причем теория морали оказывается в тех или иных видоизменениях теорией морали господствующего класса, хотя его идеологи каждый раз утверждают, что это — вечная и неизменная мораль. Испытывающие влияние господствующей морали угнетенные классы противопоставляют ей собственные нравственные идеалы, выраженные в преданиях или утопических учениях. Развивающиеся формы общественного сознания воздействуют и на нравственность, и на нормы морали,

и на этику. На развитие нравственности оказывают влияние и ее пережиточные формы, не исчезающие бесследно при смене одного социального строя другим. Изменяется соотношение между моральными нормами и реальным уровнем нравственности. Разрыв между проповедуемой моралью и практикой нравственных отношений, отвечающий интересам господствующих классов, доходит до крайних степеней в буржуазном обществе. Это отмечал еще в конце XIX в. русский социолог М. А. Энгельгардт: «За европейцем есть одна черта, которая заставляет выделить европейские цивилизации на особую, четвертую ступень морального развития, — стадию европейской морали или морали сентиментальных тигров. Эта черта — лицемерие, тартюфство... Европейец воспитал в себе новую, неведомую древним способность пускать слезу умиления над возвышенным принципом... верить в свою доброту и с легким сердцем делать гадости. Эта черта придает особенно противный, гнусный, отталкивающий характер европейским гадостям, которые всегда прикрывают благороднейшими и возвышеннейшими принципами».¹ Энгельгардт не видел выхода из противоречий буржуазного общества и проклинал цивилизацию, прогресс, как эволюцию жестокости. Для него «золотой век» человечества был в прошлом потому, что он, искренний и убежденный народник, не шел дальше морального осуждения «европейского», т. е. буржуазного строя.

Лицемерие господствующей, буржуазной морали, стремление представить ее общечеловеческой, скрыть ее классовый характер было разоблачено К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Обращаясь к исторической, философской и собственно этической литературе определенной эпохи, необходимо сопоставлять, сравнивать, отличать факты и их интерпретацию, понимать в каждом случае историческую и классовую ограниченность автора, исследователя, проявляющуюся в неспособности всесторонне охарактеризовать то или иное нравственное явление или в преднамеренной фальсификации его, подобной, например, злобной клевете на революционные массы эпохи Великой французской революции в книге Кабанеса и Насса «Революционный невроз». Не случайно ее появление во Франции после событий Парижской коммуны и ее перевода в России в декабре 1905 г. Именно классовыми интересами реакционной буржуазии продиктовано стремление изобразить революционный пафос как психическое заболевание и свести действие масс в революции к бессмысленному кровавому вандализму.

Тенденциозность, искажение взглядов идейных противников характерны для буржуазных историков морали. Обычный их прием — обвинение в безнравственности, которое предъясняется

---

¹ М. Энгельгардт. Прогресс как эволюция жестокости. Спб., 1899, стр. 205.

представителям материалистического истолкования морали от Эпикура до Маркса.

Все увеличивающаяся с развитием человеческого общества сложность нравственного уклада жизни, многообразие морального опыта, претензии моралистов всех эпох на всеобщность утверждаемых ими моральных истин и их действительная историческая и классовая ограниченность, взаимосвязь и взаимобусловленность морали и других форм общественного сознания, преднамеренная фальсификация развития морали идеологами господствующих классов — таковы трудности изучения всех форм нравственности эпохи эксплуататорских общественно-экономических формаций.

Это необходимо помнить, обращаясь к изучению общей и специальной литературы по этике; только пользуясь методом исторического материализма и сопоставляя многообразные свидетельства историков, философов, писателей и поэтов, экономистов, этнографов, историков культуры, психологов и педагогов можно дать картину исторической смены форм нравственности.

Возникновение нравственности

Вопрос об источнике нравственности и времени ее возникновения — один из важнейших в теории морали. Идеалистическая точка зрения полагает, что источник нравственности — внечеловеческий. Нравственность, а точнее суждение о добре и зле, моральном и аморальном, изначально даны человеку, так же, как изначально и нравственные качества человека. Платон утверждает, что человеческие добродетели присущи душе; что добро и зло принадлежат миру идей и человеку дано лишь смутное, более или менее точное знание о них. Христианская этика прямо утверждает, что моральные нормы суть заповеди бога, и способность воспринять эти нормы дана человеку богом. И если английский идеалист XVII в. Шефтсбери говорит о «изначально данной человеку гармонии нравственных чувств», а его последователь Гетчисон — об особом «моральном чувстве», то источник их полагается в божественном установлении; точно так же «категорический императив», нравственный закон Канта есть по сути дела «голос бога в человеке». Наконец, современные английские интуитивисты — Мур, Росс, Причард — принимают нравственные понятия как изначально данные и не объяснимые никакими другими явлениями, воскрешая взгляды кембриджских неоплатоников (Кедворта и др.). Точно так же современные неотомисты (Жильсон, Маритен), используя взгляды французского интуитивиста Бергсона на «интуицию» как на «непосредственное знание», подобное «откровению», утверждают сверхчеловеческое, божественное происхождение нравственности.

Эта точка зрения отрицает естественное возникновение морали и ее историческое развитие.

Для материалистической точки зрения характерно утверждение естественного возникновения морали. Эпикур видит источник нравственности в свойственной природе человека стремлении к удовольствию и отвращении от страданий. На этом изначальном факте воздвигается вся система его этики. С подобной точкой зрения при всем отличии аргументации мы встречаемся и у Бэкона, и у Гоббса, у французских энциклопедистов (особенно подробно развит этот взгляд у Гельвеция), у английских утилитаристов — от Бентама до Милля — и у Людвига Фейербаха в его «Эвдемонизме».

То, что за исходное для выведения нравственности берется человек, как природное, а не социальное существо, обусловило ограниченность, антиисторичность и в конечном счете невозможность научного обоснования происхождения морали.

Ореол божественности, окружавший источник возникновения морали, был снят. Однако нравственность стала рассматриваться как свойство неизменной природы человека.

Антропологизм, свойственный этике Людвига Фейербаха, буржуазная этика конца XIX и XX столетий «преодолела» на пути к все большему биологизаторству.

Уже Спенсер стремился доказать принципиальную общность законов эволюции и рассматривал мораль, как приспособительную реакцию, как ту форму, которую всеобщий закон эволюции принимает в человеческом обществе. Но если Спенсер, проникнутый духом компромисса, полагал, что эволюционное развитие совершенствует природу, прежде всего нравственные качества человека, и усиленно затушевывал все классовые антагонизмы буржуазного общества, то Ницше провозгласил «выживание сильного», как биологическое явление и утверждал, что мораль есть тяжкое заболевание человечества, искажающее чистые и ясные законы биологической эволюции. В XX в. защитники биологизаторских учений в этике — Бергсон, Фрейд, Джулиан Хаксли — склонны понимать нравственность, мораль как внешнее, постороннее, чуждое «природе человека», как ту «узду», которой общество пытается сдержать стихию животных инстинктов, как помеху естественному развитию человека-зверя.

Так, в прошлом прогрессивное направление в этике, утверждавшее, что источник морали находится не в божественных, сверхчувственных установлениях, но в самой природе человека, выродилось в иррационализм и биологизацию этики, поскольку источник морали стали искать либо в животных инстинктах, либо в искажении и извращении этих инстинктов.

Если ранее ограниченность этой точки зрения обуславливалась непониманием социальной сущности человека и специфики законов общественного развития, то теперь подобные теории являются выражением прямого отказа от исторического анализа и сознательным искажением истины.

Среди объяснений возникновения нравственности следует от-

метить взгляд Гоббса. Он утверждал, что необходимым условием появления нравственности является государство. Только после того, как закон упорядочивает человеческое поведение, возможно говорить о том или другом поступке (например, убийстве) как противозаконном, а стало быть и безнравственным. Таким образом, Гоббс выводит нравственность из юридических, правовых установлений.

Ряд исследователей—психологов, этнографов и социологов (Вундт, Леви-Брюль)—выводит нравственность из религии. В известной мере близок к этому взгляду в своих последних работах З. Фрейд. Правда, он полагает, что «религия, нравственность и право» возникли одновременно как следствие «первого дела» — отцеубийства — и стремления искупить вину и защитить самих себя: «Общество поконтя теперь на соучастии в совместно совершенном преступлении; религия — на сознании вины и раскаяния; нравственность отчасти на потребности этого общества, отчасти на раскаянии, требуемом сознанием вины».²

Попытки подобного рода нередко вскрывают интересные факты связи, взаимовлияний, существующих действительно между формами общественного сознания, но не дают ответа на поставленный вопрос об источнике нравственности.

Марксистская этика обнаруживает научную несостоятельность попыток найти биологический, антропологический, правовой или религиозный источник возникновения нравственности. Не исследование особенностей развития биологического индивида, но лишь исследование возникновения и развития человеческого общества может дать единственно научное объяснение появления нравственности.

Первым фактом общественного бытия является труд. Трудовая деятельность с необходимостью приводит к развитию членораздельной речи, мышления, а вместе с тем к принципиальному изменению поведения.

Дарвин, приводя ряд интереснейших фактов из жизни животных — заботы о потомстве, спасения, помощи, «самопожертвования» — указывает, что, соверши подобное человек, мы признали бы его поступок высоко нравственным. Такого рода действия у животных он называет «социальным инстинктом».

Принципиальное отличие человека от животного заключается в том, «что его инстинкт осознан».³ Это значит, что человек осознает свои отношения, как бы ограничены они первоначально ни были. Характер отношений человека к природе и окружающим его людям определяется той специфически человеческой формой деятельности, какой выступает труд.

Труд первобытного человека коллективен: и собирательство, и охота, и изготовление орудий труда требуют согласованных,

² З. Фрейд. Тотем и табу. Москва—Петроград, ГИЗ, б. г., стр. 155.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 30.

совместных действий. Коллективный характер труда первобытного человека обуславливал особенности всех человеческих отношений: семейно-брачных, между старшим и младшим поколениями, передачи накопленного опыта, способов защиты и нападения и т. п.

Условия коллективного труда и жизни в обществе порождают определенные взаимоотношения между людьми, их закрепление, осознание и регулирование: так возникает нравственность.

Общественное бытие порождает общественное сознание, отражающее это бытие. И первой формой общественного сознания, возникающей одновременно с возникновением человеческого общества, выступает мораль. Задолго до того, как укрепившиеся формы взаимоотношений между людьми получают свое выражение в «житейской мудрости», в неписанных правилах и предписаниях, составляющих практическую, житейскую *мораль*, в практике общения складываются способы взаимоотношений между людьми.

Непосредственная связь нравственности с экономикой, ее обусловленность характером общественного бытия особенно ясна, когда речь идет о первой ступени развития человеческого общества: здесь еще нет сложной опосредованности морали другими формами общественного сознания, они только намечаются в связи с возникновением искусства и религии; здесь нет усложняющих картину нравственности любой последующей эпохи столкновений морали различных классов, антагонизма морали эксплуататоров и эксплуатируемых, нет сохранившихся от предшествующих исторических эпох обычаев, норм, нет того, что связано в морали с многообразием профессиональной деятельности человека нашей эпохи.

Нравственность первобытнообщинного строя

Человечество существует около 1 млн. лет, но лишь около 4—5 тыс. лет тому назад отдельные человеческие общества вступили в эпоху цивилизации, т. е. классового строя и возникновения государств. Весь предшествующий период — есть период доклассового, первобытнообщинного строя.

Существует детально разработанная антропологами периодизация развития первобытного общества. В наиболее общей форме эта периодизация дана Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: стадии дикости и варварства охватывают весь указанный выше период. В советской исторической науке принято выделять: 1) самый ранний период развития человеческого общества, когда человеческий коллектив еще непрочен и непостоянен (низшая и средняя ступень дикости, по Энгельсу); 2) эпоху родового строя, распадающуюся на матриархат и патриархат (высшая ступень дикости, низшая и средняя ступень варварства) и 3) эпоху разложения родового строя (высшая ступень варварства).

Существенные отличия в хозяйственном укладе, в уровне развития культуры обуславливают и значительные отличия в нравственном строе жизни в эти периоды.

В самый ранний период развития человеческого общества связь группы людей обусловлена необходимостью совместного добывания пищи и защитой от внешней опасности. Ее состав непостоянен. Нет еще регулируемых обществом отношений между полами — это период беспорядочных половых отношений. Главные занятия — собирательство, коллективная охота и изготовление орудий (рубила, скребки). Используется огонь, но добывать его еще не умеют. Разделение труда — естественное. Вожаком группы, вероятно, женщина. Все отношения определяются жесточайшей необходимостью и все действия подчинены интересам всего коллектива — опять-таки в силу абсолютной необходимости. Трудятся все и в полную силу: только крайнее напряжение сил всех членов этого коллектива обеспечивает полуголодное, как правило, существование.

Нетрудоспособных, плохо передвигающихся (стариков, больных) оставляют на произвол судьбы или убивают; в случаях крайней нужды убивают детей — не в силу «природной жестокости», тем менее «аморальности» первобытных людей, но в силу необходимости, продиктованной суровыми условиями жизни.

Справедливо объясняет этот обычай у гренландских эскимосов Фрицьоф Хансен: «Эскимосы-язычники убивали не только уродов, но и больных детей, которые, по их мнению, не могли бы жить, а также и таких, у которых мать умирала во время родов и которых некому было кормить грудью. Часто случалось, что их просто выбрасывали на землю или в море. Нам это кажется жутким, однако это делалось из сострадания и было, несомненно, разумно. Живя в тяжелых условиях, эскимосы не выращивают потомства, которое никогда не сможет приносить пользы и будет только обременять общество».⁴

Здесь еще нет никаких предписаний, даже устных, нравственность формируется, как практика взаимоотношений, закрепляемых в опыте.

Упрочение и многообразие производственных связей, накопление опыта взаимоотношений между людьми в области семейно-брачных отношений с возникновением осознанных кровнородственных связей и семьи индивидуального типа приводят к постоянству и четкости структуры коллектива: роду.

Род выступает как хозяйственная единица, отличающаяся разделением труда как возрастным, половым, так и начатками «профессионального» разделения, а точнее индивидуальных обязанностей. Старики-воспитатели, передающие опыт изготовления орудий, одновременно выступают хранителями традиций и пре-

⁴ Ф. Хансен. Собр. соч., т. I. Изд. Главсевморпути, 1937, стр. 291.

даний, т. е. практической морали, способствующей укреплению, стабильности родовых связей.

Ни один член рода не свободен от обязанности трудиться. Нерадивый не только окружен презрением и насмешками, но изгоняется из рода, а изгнание из рода почти равносильно преданию смерти.

Ф. Энгельс приводит свидетельство Райта, характеризовавшего особенности матриархата у племени ирокезов в XIX в.: «Обычно господствовала в доме женская половина; запасы были общими; но горе тому злополучному мужу или любовнику, который был слишком ленив или неловок и не вносил своей доли в общий запас. Сколько бы ни было у него в доме детей или принадлежащего ему имущества, все равно он каждую минуту мог ждать приказания связать свой узел и убраться прочь».⁵

Собственность является достоянием всех членов рода, и добыча каждого принадлежит всем, равно как общая добыча принадлежит каждому. Строго соблюдается уравнилельно-коммунистический принцип распределения. «Всякий пойманный кит или иное какое-нибудь крупное животное, например морж или медведь, каким бы образом они ни были изловлены, считаются общей собственностью, так как за редкими исключениями отдельный человек не в состоянии овладеть такой добычей. Все предметы, находящиеся без употребления, считаются никому не принадлежащими, и всякий член общества, имеющий больше трех кайяков, обязан ссудить им кого-нибудь из родственников или товарищей. Тюлень, пойманный на зимней станции, разбирается на мелкие части так, чтобы на каждую приходилось мясо и жир, которые затем и распределяются между всеми сотоварищами, дабы никто не нуждался ни в необходимых средствах пропитания, ни в жире для освещения... Никто из членов общины не имел права предаваться ничегониделанию и есть мясо тюленя, в ловле которого он не участвовал», — свидетельствует один из исследователей быта гренландских эскимосов.⁶

Непосредственная связь хозяйственного уклада и уровня достигнутой материальной культуры с нравственностью находит свое выражение в происхождении некоторых обычаев. Возникнув в силу необходимости, они сохраняются, но, утрачивая свой первоначальный смысл, наделяются магическим или религиозным содержанием.

Так, пока люди не научились добывать огонь, сохранение его, отвечавшее самым насущным потребностям племени, было почетной и ответственной обязанностью. Хранитель огня, не удержавший его, предавался смерти.

В древнем Риме жриц богини Весты — хранительниц огня в храме — закапывали живыми в землю, если они допускали, что-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 53.

⁶ Ш. Летурно. Прогресс нравственности. Спб., 1910, стр. 129.

бы огонь потух. Это пережиток древнего нравственного предписания, освященный религией и давно утративший свой первоначальный смысл.

Равная обязанность трудиться, равное участие в распределении результатов труда при первенствующем положении женщины в домашнем хозяйстве и в определении родственных связей обуславливают общность нравственных норм и обычаев для всех членов рода.

Взаимопомощь, сострадание, привязанность к сородичам, любовь к детям, считавшимся детьми всего рода — все это свидетельство раннего развития положительных нравственных качеств, отвечавших интересам сохранения и укрепления рода. Вопреки теоретическим построениям Спенсера и близких к нему французских позитивистов-этнографов, наиболее интересным из которых является Шарль Летурно, эгоизм возникает гораздо позже альтруизма. Человек эпохи родового строя «естественный альтруист», ибо он не отделяет себя от рода и его нравственные нормы порождены внутривидовыми отношениями, т. е. отношениями коллективными.

Не только общественно-трудовая практика, но и воспитание в эпоху родового строя способствует укреплению моральных норм, оценок, обычаев, защищающих интересы всего рода.

Одобрение взрослых встречают совместные и полезные действия детей. Так, современный немецкий историк педагогики Роберт Альт рассказывает, что когда четверо детей-бушменов принесли соты меда диких пчел, чтобы разделить между всеми членами рода, их хвалили не только за ловкость, но и за проявленную заботу.

Юноша-индеец должен пройти ряд испытаний, чтобы стать полноправным воином и охотником. Одно из первых испытаний — самостоятельная охота на оленя, который затем составляет трапезу *всех* сородичей.

Сложная церемония посвящения — «инициации» — представляет собою ту высшую ступень организации воспитания, которая существует в родовом обществе. Все этапы подготовки, отличающейся достаточной продолжительностью (от нескольких недель до нескольких месяцев) и последовательностью самих испытаний подробно описана этнографами. Многие из буржуазных исследователей склонны видеть в них лишь доказательство бессмысленной жестокости, якобы свойственной «туземцам» от рождения.

Однако Летурно в «Эволюции воспитания»⁷ отметил практический смысл этого рода испытаний. Нравственно-воспитательное значение всех этапов «посвящения» обосновал Роберт Альт в работе «Воспитание в первобытнообщинном строе». Переносить боль, голод, лишения, строго выдерживать все запреты; дока-

⁷ Ш. Летурно. Эволюция воспитания. Спб., 1900.

зять ловкость, смелость, упорство в достижении цели; не обнаружить ни растерянности, ни страха при неожиданном нападении — вот в чем существо испытаний, через которые в равной мере, в равных условиях должны пройти каждый юноша и каждая девушка. Содержание испытаний различно, и подготовка к ним проводится в отдалении от сородичей, причем наставником юношей является один из старейших членов рода, а девушек наставляют старые женщины, пользующиеся всеобщим уважением.

У австралийцев торжественное посвящение представляет сложную церемонию, продолжающуюся несколько месяцев. Оно начинается мнимым «похищением» юношей мужчинами. После этого в течение трех суток их лишают пищи и сна, разрешая лишь утолять жажду водой. Шесть месяцев они обязаны оставаться нагими, воздерживаться от употребления различных съестных продуктов. Эти запрещения имеют воспитательную цель: юношей принуждают питаться только теми животными, которых труднее всего добыть охотой. Необходимость упорно добиваться цели делает их искусными охотниками.

Система запретов, имеющая целесообразный смысл, способствует формированию чувства обязанности, долга. С возникновением религии эти нравственно-воспитательные запреты освящаются и превращаются в «табу»: их религиозный характер, таким образом, вторичен, а не первичен по отношению к нравственности.

Родовой строй не знает письменности, но устно передающиеся нравственные предписания его составляют четкий «кодекс», обладающий всей силой племенного, коллективного и закрепленного традицией авторитета. Косность уклада жизни, претерпевшего едва заметные изменения на протяжении тысячелетий, определяла исключительную силу и неизменяемость традиционных предписаний.

Два таких предписания составляют практическую основу моральной категории справедливости — соблюдение равенства при распределении и возмездие за нанесенный ущерб или обиду.

Первое оказывается столь прочным, что самые жестокие законы, направленные на защиту частной собственности, не смогли истребить в сознании народов стремление к «высшей справедливости», к равенству в распределении: свое идейное выражение это нравственное предписание находит в первых произведениях утопического коммунизма.

Второе, проявляясь в акте кровной мести, также, вопреки законодательству рабовладельческой, феодальной и буржуазной эпох, сохранилось как пережиток до наших дней.

Нравственные установления родового строя обладают огромной практической силой. Нарушение их или невозможность поступить согласно требованию обычая вызывает у человека тяжелые личные переживания, осознаваемые им как чувство вины, стыда, можно было бы сказать «практической совести» задолго

до того, как этот сложный комплекс переживаний получает свое теоретическое наименование и объяснение.

Два примера, приводимые в целом ряде социологических, этнографических и этических работ, в частности у Летурно, Кржи-вицкого и Спиркина, обнаруживают огромную действенную силу нравственного стыда человека родового строя.

Австралийцы верят, что так называемый «австралийский медведь» является покровителем и властелином вод; если кто из туземцев убьет это животное и снимет с него шкуру, то он навлечет на свое племя голод от засухи. Англичанин Томас издавна старался приобрести шкуру этого медведя для своей коллекции, но напрасно. Однажды молодой юраец принес убитого зверя, причем в поселке не было никого, кроме него и англичанина. Томас стал просить юношу продать ему шкуру. Молодой юраец отказался. Однако ослепленный подарками, в особенности когда искуситель убедил его, что о произведенной продаже не будет знать ни одна живая душа, поддался уговорам и отдал зверя. Вскоре, однако, он стал испытывать сильное беспокойство. Он был так огорчен, что старики стали расспрашивать его о причинах его горя. Тогда он сознался во всем.⁸

Другой пример приводит Ч. Дарвин со слов Лэндора. Одна из жен туземца умерла, так как на нее, по его мнению, была напущена «порча», и поэтому он решил отправиться к отдаленному племени с целью заколоть какую-нибудь женщину, чтобы исполнить свой долг перед женой. Лэндор заявил ему, что если он исполнит свое намерение, то будет приговорен к пожизненному тюремному заключению. Туземец оставался после этого на ферме несколько месяцев, но страшно исхудал и жаловался, что дух его жены преследует его, что он не может ни спать ни есть. Затем он исчез, а через год возвратился совершенно поправившимся. Вторая жена его передала Лэндору, что он исполнил долг, однако невозможно было добыть законных улик против него.⁹

Доброе и злое в совершенно определенном, нравственном смысле — это нравственно-положительное и нравственно-отрицательное — первоначально соотносится с полезным и вредным для рода, племени и, естественно, вслед за тем согласуется с «правильным», «справедливым» или «неправильным», «несправедливым» по отношению к предписаниям неписанного морального кодекса рода.

Эскимосская девушка заявила миссионеру Эгеду, рассказывает Нансен в «Жизни эскимосов»: «Я доказала, что люблю своих ближних; однажды больная женщина, которая все не могла умереть, просила меня отвести ее за плату на крутую скалу, откуда обычно сбрасываются люди, которые больше жить не должны. Но так как я люблю людей, то я отвела ее туда бесплатно и

⁸ К. Кржижицкий. Происхождение и развитие нравственности. Изд. «Гомельский рабочий», 1924, стр. 6.

⁹ Ч. Дарвин. Соч., т. 5. Изд. АН СССР, 1953, стр. 229.

сама столкнула со скалы...» Эгеда заметил, что она совершила плохой поступок, убив человека, но девушка возразила, что ей было очень жаль старушку и она плакала, когда столкнула ее.

Всеобщность, ясность, непререкаемая обязательность, жесткость, исключительная действенность отличают моральные нормы родового строя.

«Вначале было дело» — это в полной мере касается возникновения и укрепления в практике общения и в сознании нравственных установлений. И во всей долгой истории родового строя «дело» определяет «слово» и столь прочно с ним связано, что не оставляет места для отступления, разрыва и тем более противопоставления одного другому.

Именно поэтому трудно говорить об оценке в эту эпоху личных качеств человека, присущих ему, как индивидууму. Прямодушие, сила характера, храбрость, чувство собственного достоинства, которые с восхищением или удивлением отмечают этнографы-путешественники XIX—XX вв., о которых свидетельствуют рассказы и хроники эпохи великих географических открытий, самими членами рода не оцениваются как нечто выдающееся, исключительное, так как они присущи всем членам рода. Отсутствие этих качеств — трусость, лень, те или иные отступления от обычаев рода — считается позорным, достойным презрения.

Вопреки мнению Гельвеция, можно утверждать, что гордый ответ Муция Сцеволы Порсенне, пораженному его мужеством и презрением к боли: «Таких, как я, в Риме триста», — отнюдь не был гиперболой. Напротив, в этой легенде слова Сцеволы, как и его поступок, с точки зрения морали родового строя, совершенно закономерны.

Цельность и нравственная чистота людей эпохи родового строя неизменно вызывали восхищение тех, кто имел возможность наблюдать их повседневную жизнь: Чарльз Дарвин и Морган, Миклухо-Маклай и Максим Ковалевский совершенно единодушны в самой высокой моральной оценке тех, кого буржуазная этнография презрительно именует «туземцами», «недочеловеками», и устами своих идеологов — от Спенсера до Бергсона, от Ницше до Киплинга — обрекает на уничтожение, согласно «жизнеутверждающим законам эволюции».

Однако следует помнить о двойной ограниченности, отличающей первую историческую ступень в развитии нравственности.

Во-первых, ее установления обязательны только внутри рода, племени. За границами племени все установления утрачивают свою силу. Чужое племя, «чужак» — это действительный или возможный враг. И хотя мы согласны с точкой зрения А. Спиркина¹⁰, что было бы неверным рассматривать межплеменные или межродовые отношения, как состояние непрерывной войны

¹⁰ А. Спиркин. Происхождение сознания. М., Госполитиздат, 1960, стр. 234.

(излюбленная точка зрения буржуазных этнографов), отсутствие общих нравственных установлений между племенами обуславливало чувство незащищенности, настороженности, опасности у члена племени, оставляющего свою территорию.

Замкнутость, ограниченность, характерная для жизни рода, племени, порождает и особое чувство привязанности, любви к своему племени, ко всему с ним связанному, тем более, что не только благополучие, но и сама жизнь человека зависела от связи со своим племенем, родом.

Ш. Летурно дает верную характеристику возникновения одного из сильнейших нравственных чувств — патриотизма, становящегося одним из важных принципов морали: «В течение очень продолжительного времени поколения за поколениями живут и умирают на одном и том же клочке земли, который по необходимости является для них единственной кладовой, откуда они добывают себе пищу. Этот клочок им известен вдоль и поперек, здесь на каждом шагу они наталкиваются на давно знакомые предметы и в их сознании пробуждаются воспоминания детства; естественно, что они чрезвычайно привязываются к своему родному клочку. В их глазах это лучший уголок во всем мире, под какой бы широтой он не находился.

... Любовь к родной земле, занятой мелкой племенной группой, складывается рука об руку с глубокой ненавистью к другим группам, с которыми приходится соперничать».¹¹

Но к этой характеристике Летурно прибавляет типично буржуазное понимание патриотизма, как органической связи любви и ненависти: «Любовь к родине, маленькой или обширной безразлично, и ненависть к чужеземцу — вот два дополняющих друг друга чувства как у дикаря, так и у культурного человека. Нередко, как, например, у краснокожих, эта ненависть отличается особенной интенсивностью и свирепостью; она становится почти единственным нравственным правилом, которое они внушают своим детям. Вредить соседям всеми возможными средствами — вот одно из их основных нравственных правил».¹²

Здесь объективность явно изменяет даже такому серьезному исследователю, каким был Летурно, и он не останавливается перед откровенной клеветой, имеющей совершенно определенный политический смысл.

Известно как раз обратное: столкновения между племенами, вызванные внутренними причинами, как правило, не доходят до кровопролития и разрешаются мирным путем.¹³ Жестокость, кровопролитие и зверства, какими отличались борьба ирокезов и делаваров в XVIII в. в Северной Америке, были спровоцированы и искусственно поддерживались английскими и французскими колонизаторами; в частности, даже вошедшее во все приключен-

¹¹ Ш. Летурно. Прогресс нравственности, стр. 198.

¹² Там же, стр. 199.

¹³ Э. Торндайк. Конго. М.—Л. Изд. «Молодая Гвардия», 1934.

ские романы — от «Последнего из могикиан» Фенимора Купера до «Охотников за черепами» Майн Рида — скальпирование было «культурным воздействием», перенесением опыта французских колониальных войск в Северной Африке на территорию Америки. Напротив, исследователи, многие годы прожившие среди индейцев Северной Америки — Л. Г. Морган, Д. В. Шульц, — свидетельствуют о стремлении племен к мирным взаимоотношениям (возникновение союзов племен, договорных связей, касающихся мест охоты, характера меновой торговли и т. п.)

Мнение Летурно о том, что чувство любви к родине изначально соединено с ненавистью, утверждением исключительности своего племени перед другими, является ложным. Справедливо лишь то, что племя есть граница человека эпохи первобытнообщинного строя. Изгнание из племени равносильно обречению смерти. Поль Лафарг ссылается на жалобу Каина, изгнанного за убийство Авеля из своего рода: «Наказанье мое больше, нежели снести можно, и вот ты теперь сгоняешь меня с лица земли... Я буду изгнанником и скитальцем на земле, и всякий, кто встретится со мною, убьет меня» (Бытие, IV, 13 и 14).¹⁴

Лишенный связи с родом, человек теряет мужество, силу, способность сопротивляться обстоятельствам жизни. И, напротив, будучи связан с племенем, он не страшится физических мучений и испытаний, каким он может быть подвергнут. Сила его духа — в неразрывном единстве с племенем, в презрении к лично ему грозящей опасности или смерти.

Не «пониженная болевая чувствительность туземцев», как глобно заявлял Ф. Ницше, рекомендуя применять к ним зверские пытки, чтобы сломать их «своеволие», но всем существом, всем опытом жизни воспринятое нравственное единство с сородичами, соплеменниками являлось источником стойкости их в перенесении самых изощренных пыток. Поэтому поведение и древнего германца, пытаемого римскими легионерами, и славянина, терзаемого тевтонскими рыцарями, и индейца, истязаемого иезуитами в Парагвае, отличается непоколебимым мужеством.

Во-вторых, ограниченность первой исторической ступени в развитии нравственности заключается в том, что племя было границей и по отношению человека к самому себе. В сознании своем он слит с коллективом. Будучи индивидуумом, он по отношению к самому себе еще не выступает как личность. Это обуславливает внутреннюю непротиворечивость его морального сознания. В эпоху первобытнообщинного строя не обнаруживается в поведении человека противоположности «личного» и «общественного». в его сознании общественное требование есть принятая всем его существом общественная норма поведения.

Можно было бы, вопреки утверждению Гоббса о «изначально

---

¹⁴ П. Лафарг. Экономический детерминизм К. Маркса. М., Изд-во «Московский рабочий», 1923, стр. 112.

безнравственном» поведении людей в период до возникновения государства, полагать нечто прямо противоположное: что поведение людей доклассовой, догосударственной эпохи, было по необходимости нравственным, «естественно-нравственным». Исходя из этого, можно согласиться с В. П. Тугариновым¹⁵ в том, что человек по своей природе скорее добр, чем зол: подразумевая под этим *социальную* природу человека и изначальную необходимость действовать сообща, согласовывать действия в интересах рода, т. е. поступать в соответствии с требованиями, правилами первого человеческого общежития — иначе говоря, поступать «правильно», «нравственно».

Нет нужды напоминать, что «добрый поступок», с точки зрения морали родового строя, не есть всегда такой же с позиций морали иного общественно-экономического уклада.

Наконец, свидетельством ограниченности, неразвитости нравственных установлений эпохи первобытнообщинного строя является и нерасчлененность категорий морали.

Так, нет разделения «доброго», «правильного» и «справедливого» поступков; «совесть» выступает прямым выражением «долга» и существует нераздельно с ним, как обобщенное отношение к обязанностям, налагаемым нравственным кодексом; «чувство собственного достоинства» является выражением нерасторжимой связи индивидуума с родом, племенем — именно поэтому оскорбление индивида рассматривается как оскорбление рода в его лице, а не как «частный» или «личный» ущерб; осуществляющий кровную месть, таким образом, выступает исполнителем воли рода, а вовсе не личного произвола.

Например, один из братьев Горациев, убивая свою сестру Камиллу, которая громко оплакивала своего жениха Куриация и проклинала брата, не мстит за лично ему нанесенное оскорбление, а вступает за достоинство рода, так же, как в поединке с Куриациями он был лишь уполномоченным рода, а отнюдь не сводил «личные счета».

Рассматривая любой поступок человека родового строя по отношению к своим сородичам или к своим противникам, мы неизбежно убеждаемся в правоте слов Ф. Энгельса: «Племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности».¹⁶

---

¹⁵ В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 125.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 99.

Поэтому первые предания сохраняют не личные, а родовые имена, и именно поэтому трудно и даже невозможно, как писал М. О. Косвен, дать индивидуальную нравственную характеристику человека этой эпохи: «Первобытная история безымянна: она не знает ни лиц, ни героев, не знает и знаменательных дат. И тем не менее она овеяна подлинным героизмом, героизмом всей великой массы безвестных создателей первобытной культуры».¹⁷

Одним из величайших достижений этой первобытной культуры было создание первых кодексов нравственности, тех установлений, которые в позднейшие эпохи получают название «неписаных законов», сила, прочность и действенность которых изумляет мыслителей рабовладельческого, феодального и буржуазного строя.

Многие из этих элементарных нравственных норм сохранились и обогащены новым содержанием за многовековую практику человечества. Ряд из них ближе нашей коммунистической морали, чем нравственные установления эпохи классовых обществ.

В сущности при племенной ограниченности норм морали первобытнообщинного строя они, единственные до времени возникновения коммунистической нравственности, имели одинаковую силу для всех членов общества, были действительно общими и равнообязательными. Вот почему нам не только импонирует их ясность, недвусмысленность, простота, общеобязательность, но мы полагаем, что эти же качества должны характеризовать и тот высший уровень морали, каким является мораль коммунистическая.

* *
*

Развитие производительных сил приводит к появлению избыточного продукта. Возникает экономическая целесообразность сохранения пленных и использования их труда. Наряду с этим возросшая эффективность производственной деятельности человека обеспечивает существование семьи, как самостоятельной хозяйственной единицы. Благодаря этому парная семья перерастает в семью патриархальную. Ф. Энгельс называет смену матриархата патриархатом первой революцией древности. Ее последствия, обусловленные, как и сама эта смена, определенными экономическими условиями, приводят к тому, что семья обособляется и противостоит роду. В этих условиях распределение добычи происходит по семьям, а произведенное семьей становится ее личным достоянием.

Появление частной собственности, неизбежное вслед за тем имущественное неравенство, антагонизм между богатыми и бедными подрывают самые основы существования первобытной общины.

---

¹⁷ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., АН СССР, 1953, стр. 10.

О ее гибели и моральном упадке общества, как неизбежном следствии эксплуататорского строя, говорил Ф. Энгельс: «Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена, — и она была сломлена. Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скарденность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели».¹⁸

С этих пор, на протяжении многих веков, угнетенные и эксплуатируемые люди мечтали о «золотом веке» всеобщего равенства, когда все равно трудились и не было господ и рабов.

Одним из первых поэтов, с горечью описавших нравственный, с точки зрения защитников родового строя, упадок, к которому пришло общество, был Гесиод. В поэме «Труды и дни» он так характеризует свою эпоху:

Землю теперь населяют железные люди.
... Дети с отцами, с детьми их отцы сговориться не могут.
Чуждыми станут приятель — приятелю, гостю — хозяину,
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то;
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут.
... И не возбудит ни в ком уваженья и клятвохранитель
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет отдаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных
Совесть и стыд. Лишь жестокие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.¹⁹

Угнетатели для защиты от угнетенных создают государство. И одним из первых актов этого государства является защита частной собственности, закрепление неравенства и искоренение прошлых, закрепленных нравственным кодексом родового строя понятий о справедливости, как выражении равенства. Выбатываются новые моральные нормы, выражающие уже не всеобщие, а классовые интересы. Старые и новые нормы морали сталкиваются и взаимно исключают друг друга. Непосредственная связь человека с обществом нарушается, усложняется и становится по мере социального расслоения общества и его количественного роста, по мере возникновения разнообразных государственных учреждений, многообразия занятий населения все более и более опосредованной. Коренным образом меняются взгляды на труд, на характер семейных отношений, на воспитание.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 99.

¹⁹ «Хрестоматия по античной литературе», т. I. М., Учпедгиз, 1947, стр. 64—65

Развитие политических и правовых взглядов, тесно связанных с моралью, начинает оказывать огромное воздействие на мораль. Но все эти изменения вводят нас в новую историческую эпоху, характеризующуюся своеобразными чертами общественного сознания вообще, морали в частности, — эпоху рабовладельческого строя.

Нравственность эпохи рабовладельческого строя

Для характеристики нравственности рабовладельческого строя имеют первостепенное значение те изменения в отношении к труду и собственности, которые произошли с возникновением классового неравенства и неравенства экономического.

Собственность освобождает от необходимости трудиться. Труд становится уделом немужского, презираемого раба. И потому работа — презренное занятие, с точки зрения рабовладельца, и проклятие, с точки зрения раба. Все моральные оценки переосмысливаются: «добрый» — не тот, кто трудится, но тот, кто владеет собственностью. «Добро» и «благо» есть идентичные понятия в античном мире.

Общественные и личные связи рабовладельца определяются богатством и знатностью, и, в свою очередь, обуславливают его моральный кодекс. Ломка старых моральных представлений и победа морали господствующего класса находит свое теоретическое выражение в первых этических учениях.

При всем различии взглядов философов древнего мира, поскольку сами философы относятся к классу рабовладельцев, их мораль — мораль рабовладельцев.

Нравственность рабов не находит своего полного выражения в теории. Но ряд ее особенностей возможно отметить, опираясь на исторические хроники и отчасти на взгляды рабов, в силу случайного стечения обстоятельств вошедших в историю как оригинальные мыслители (Эзон, Эпиктет).

Нравственность рабовладельцев

По мнению рабовладельцев, сфера нравственных отношений ограничена свободными людьми. Раб есть лишь «говорящее орудие», собственность, лишенная индивидуальности и находящаяся вне морали. Даже с точки зрения Аристотеля, убежденного защитника рабовладельческой демократии и создателя первой «Этики», подобное положение естественно и справедливо: «Уже непосредственно с момента самого рождения некоторые существа различаются в том отношении, что одни из них как бы предназначены к подчинению, другие — к властвованию... очевидно... что одни люди по своей природе — свободны, другие — рабы и этим последним быть рабами и полезно и справедливо».²⁰

²⁰ Аристотель. Политика. М., 1911, стр. 12, 14.

Поэтому жестокость по отношению к рабу не осуждалась как безнравственность: никто не обвиняет в аморальности человека, который ломает свою вещь. Жизнь рабов в Риме ни во что не ставилась. Например, Фламиний приказал умертвить раба, чтобы позабавить одного из своих гостей. Ведий Поллио откармливал мясом рабов своих рыб в садках; Август приказал распять на кресте раба, убившего его любимую перепелку.²¹

Презиравшие труд рабовладельцы считали лишь два занятия достойными свободного человека: умственные упражнения и войну. Причем и то и другое — не как ремесло, но как излюбленную деятельность. Даже находящийся на самой низкой ступени бюрократической «лестницы» управления в древнем Египте писец считал физический труд жалким делом и не скупился на то, чтобы показать все его отталкивающие стороны.

Ш. Летурно приводит рассказ египетского писца: «Я видел кузнеца у пылающего горна. Его мозолистые загорелые руки напоминают собою крокодилову кожу; от него воняет хуже, чем от рыбьего яйца. . . Каменщик в работе изнашивает себе обе руки; его одежда в беспорядке; он сам гложет себя; его пальцы служат ему хлебом; он унижается, чтобы нравиться. . . Красильщик, его пальцы воняют тухлой рыбой; в глазах выражение глубокого утомления; рука его неустанно работает. Он все время проводит в разрезывании лохмотьев. Сапожник очень несчастлив, он вечно нищенствует, его здоровье не лучше, чем у дохлой рыбы; он грызет кожу. . .»²²

Характерно, что среди положительных нравственных качеств ни один из античных мыслителей не называет трудолюбия, хотя все (в том числе Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур) говорят о мудрости и мужестве как о наиболее высоких добродетелях.

Не только рабы, но и члены семьи рассматриваются рабовладельческими законами и моральными установлениями как собственность главы семьи. Здесь безраздельно господствует отцовское право, полное порабощение жены и детей.

В трагедии Еврипида Медея восклицает:

Нас, женщин, нет несчастней. За мужей
Мы платим и недешево. А купишь —
Так он тебе хозяин, а не раб;
И главное — берешь ведь наобум:
Порочен он иль честен, как узнаешь?
А между тем уйти — тебе ж позор
И удалить супруга ты не смеешь. . .²³

Бесправность и подчиненность — судьба женщин, по словам Софокла,

Весь век сидящих в доме
Беспольным грузом земли.²⁴

²¹ Ш. Летурно. Прогресс нравственности, стр. 277.

²² Там же, стр. 221.

²³ Еврипид. Пьесы. М., Изд. «Искусство», 1960, стр. 46.

²⁴ Софокл. Трагедии. М., Гослитиздат, 1954, стр. 414.

По древнеримскому законодательству XII таблиц было установлено, «чтобы женщины вследствие их легкомыслия находились под надзором, хотя бы они достигли полного возраста».²⁵

Подобное отношение к женщине получает моральное обоснование и оправдание и в древнеиндийских «Законах Ману», в которых говорилось:

«Ману оставил на долю женщин ложе, сиденье, украшение, похоть, гнев, подлость, зловредность характера и дурное поведение. День и ночь женщины должны находиться в зависимости от своих мужчин, ибо будучи приверженными к мирским утехам, они должны быть удерживаемы в своих желаниях. В детстве (женщине) полагается быть под властью отца, в молодости — мужа, по смерти мужа — под властью сыновей: пусть женщина никогда не пользуется самостоятельностью».²⁶

Порабощение и бесправие женщины характерны для всех рабовладельческих государств. Исключение составляет Спарта, в общественном строе которой были очень сильные пережитки родового уклада.

Не меньшей властью обладал отец и над своими детьми. По древнегреческим законам отец имел право продавать своих детей в рабство. В Древнем Риме существовал обычай, по которому отец мог подвергнуть своего сына любому наказанию, вплоть до предания смерти, не неся за это никакой ответственности.

В практике отношений между людьми господствовало неравенство, и, естественно, что в морали и праве рабовладельцев это неравенство рассматривалось, как выражение высшей справедливости.

Платон в учении об идеальном государстве утверждал принципиальное неравенство людей, в соответствии с которым они обладают различными добродетелями, от рождения свойственными только принадлежащим к той или иной социальной группе. Например, мудрость он считает исключительной добродетелью философов, а мужество — воинов и т. п.

Еще более резко подчеркивается социальное неравенство принадлежащих к различным варнам в «Законах Ману»: «Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них двоих отец — брахман».²⁷

Напавший на брахмана с намерением ударить пребывает в аду 100 лет, действительно ударив — 1000 лет. Щудра, оскорбивший брахмана словом, лишается языка; если он оскорбительно отозвался об имени и происхождении брахмана, то ему в рот должен быть воткнут железный раскаленный стержень длиной в двенадцать пальцев. И, напротив, при оскорблении щудры брахман наказывается незначительным штрафом, а «брахман, удерживающий в памяти Ригведу, не пятнается никаким грехом.

²⁵ Институции Гая, 1, 144. Варшава, 1892, стр. 84.

²⁶ Законы Ману. М., Изд. восточной лит-ры, 1960, стр. 115, 185, 186.

²⁷ Там же, стр. 43.

даже уничтожив эти три мира, даже вкушая пищу, полученную от кого попало».²⁸

В случае обнаружения прелюбодеяния, совершенного женой брахмана, она отдается на растерзание псам, а любовник сжигается на раскаленном железном ложе, тогда как сам брахман, уличенный в прелюбодеянии, должен лишь в течение трех дней совершать очистительные молитвы.

В воспитании детей принципы рабовладельческой морали получали свое воплощение.

В Афинах посещали школу только мальчики. Изучение грамматики, пения, пятиборья преследовало цель достижения «калокагатии», т. е. гармонии духовного и физического развития. В Спарте основное внимание отдавалось физическому развитию и пению военных гимнов. Мужество, ловкость, военная хитрость особенно высоко ценились спартанцами, и молодые люди проходили «школу» нравственного воспитания, шпиона за илотами и участвуя в «криптях» — внезапных, выборочных избиениях илотов, имевших целью предупредить возможное восстание. И в Афинах и в Спарте детям внушалось презрение к физическому труду.

Многообразие и сложность связей индивида и общества приводят к развитию самосознания, к своеобразию индивидуальностей. Возникает теория морали — этика. Виднейшие мыслители древнего мира пытаются проанализировать особенности нравственных отношений, уделяют большое внимание характеристике нравственных качеств личности. Наиболее подробно характеризует добродетели человека Аристотель, рассматривая их как то, что приобретается в деятельности и является «серединой между двумя крайностями». Например, мужество, по его мнению, есть добродетель, отличная от безрассудной отваги и от трусости. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха содержатся глубокие моральные характеристики, показывающие, каким индивидуальным многообразием отличаются герои, политические деятели Греции и Рима: Аристид и Алкивиад, Кимон и Фемистокл, Антоний и Брут, Цезарь и Катон. . .

Однако как ни противоположны грубый, солдафонски прямой Марий и дальновидный, гибкий, лживый и беспощадный Сулла, как ни различны изнеженный сластолюбец Антоний и закаленный, непрсклонно решительный Юлий Цезарь, есть одно их объединяющее: презрение к рабам и тайная боязнь их.

Защита собственности, ограждение от ненависти рабов, вечный страх перед возможным восстанием — это общее, роднящее всех рабовладельцев, обнаруживается и в законах, и в безграничной жестокости расправ с восставшими и накладывает отпечаток на моральный облик любого рабовладельца.

Так, в правление Августа было установлено, что если хозяин

²⁸ Законы Ману, стр. 251.

падет от руки одного из своих рабов, то все рабы, живущие под кровлей своего господина, подлежат смертной казни. . . При Нероне этот закон был применен к 400 рабам, хозяин которых, Педаний Секунд, римский префект, был убит.²⁹

Ш. Летурно передает рассказ одного из ассирийских царей, который сообщает потомкам о мерах наказания восставших против него: «Я велел убить из двух мятежников одного. Я построил стену перед большими воротами города, я велел содрать кожу с зачинщиков возмущения и их кожей приказал покрыть стену, некоторые из них были замурованы живыми в стене, другие распяты на крестах, третьи посажены на кол вдоль стены».³⁰

При достижении цели в борьбе с восставшими, с точки зрения рабовладельцев, не может быть речи о соблюдении моральных норм. Любое вероломство, любое нарушение обещания будут оправданы.

Яркую и вполне соответствующую исторической действительности картину предательства, какое немыслимо в предшествовавшую эпоху, не менее жестокою, но отличавшуюся искренним выражением чувств и строгим соблюдением обещаний, дает Г. Флобер в романе «Саламбо».

Гамилькар Барка, сражаясь с восставшими наемниками, оказывается в трудном положении: 400 воинов, полных решимости пробиться из окружения, оказались вблизи от холма, где находились военачальники и сам Гамилькар. Еще немного и они уничтожат карфагенян. К ним тотчас направили вестника. Он передал, что суфкет нуждается в солдатах и готов принять их без всяких условий, так как восхищен их храбростью.

Им указали место, где они могут подкрепиться, и ночь 400 воинов провели, отдыхая от битвы. Но на следующее утро Гамилькар объявил, что ему приходится кормить слишком много людей и он не намерен принять их всех. Но так как ему нужны солдаты и он не знает, как избрать лучших, то повелевает им биться друг с другом насмерть, затем он примет победителей в свою особую гвардию. Восставшие были скреплены боевым братством, кровью, годами совместных походов, были друзьями и братьями, но выхода не было. Началось взаимное истребление. . . Когда их осталось 60, Гамилькар приказал остановиться. «Они попросили пить. Им крикнули, чтобы они отбросили мечи, и только когда они это сделали, им принесли воды. В то время, как они пили, погружая лица в сосуды с влагой, 60 карфагенян, накинувшись на них, убили их кинжалами в спину. Гамилькар сделал это для потворства жестоким инстинктам своего войска и чтобы привязать его к себе этим предательством».³¹

²⁹ Ш. Летурно. Прогресс нравственности, стр. 277.

³⁰ Там же, стр. 222.

³¹ Г. Флобер. Саламбо. Соч. в 5-ти томах, т. II. М., Изд. газеты «Правда», 1956, стр. 213—215.

Мораль рабов не всегда и не обязательно рабская мораль. В огромном большинстве своем, вопреки теоретическим утверждениям Платона и Аристотеля, рабы первоначально — свободные люди. И стремление к свободе, к освобождению от рабства — глубочайшее нравственное чувство поработленного: «...знайте, люди, вы свободны! Помни, Ксанф: все люди созрели для свободы — созрели, чтобы отдать жизни за нее!.. я свободный человек, проклятье рабству!», — восклицает Эзоп, предпочитающий умереть свободным, чем жить рабом.³²

Неприятие своего положения, возмущение им — это уже пробуждение нравственного сознания. Но протест может быть активным, а может быть и пассивным. В одном случае это — восстание, в другом — жалоба.

Протест Эпиктета есть выражение слабости, попытка утверждать лишь духовное равенство раба и рабовладельца, примиряющее их антагонизм в утверждении «человек всегда человек», «раб тоже человек», и самый высший его пафос в провозглашении свободы духа вопреки порабощению тела.

Протест Спартака есть выражение силы духа человека в прямой и беспощадной борьбе с рабовладельцами, утверждающей свое человеческое достоинство.

В протесте, в борьбе с рабским положением раскрываются лучшие моральные качества угнетенных масс: их солидарность, взаимопомощь, товарищество. Даже трагический исход этой борьбы обнаруживает высокие нравственные качества восставшего раба: доверчивость, неспособность в силу собственной нравственной цельности понять лживость даваемых рабовладельцами обещаний и стойкость, твердость в перенесении мучений, пыток и казней.

Если мораль рабовладельцев утверждает незыблемость частной собственности и защищает ее, то мораль угнетенных масс в форме легенд и сказаний о «минувшем золотом веке» сохраняет идеи равенства, справедливости.

Прогрессивная по своим разрушительным тенденциям мораль рабов не дает принципиально новых основ отношений между людьми. Победившие рабы не создают нового строя: субъективно они не выходят и не могут выйти за рамки господствующих экономических отношений.

* * *

Моральный облик рабовладельца в разных исторических условиях приобретает своеобразные черты, весьма отличающиеся

---

³² Фигерейдо. Эзоп. М., Изд. «Искусство», 1960, стр. 88.

представителей эпох возникновения, расцвета и упадка рабовладельческого строя.

В облике спартанского царя Леонида, героя сражения при Фермопилах, сочетается ряд черт, характерных для эпохи перехода от родового строя к рабовладельческому. Александр Македонский и Юлий Цезарь — типы, воплотившие в себе полный расцвет и мощь рабовладельческого общества. И, наконец, император Нерон, несмотря на то, что он жил в эпоху, еще далекую от разложения и упадка рабовладельческого строя, наиболее ярко воплощает черты, которыми отмечены рабовладельцы эпохи упадка империи.

Яркую характеристику морального облика представителя угнетенного класса дал В. И. Ленин: «Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам».³³

Следуя ленинскому критерию, прежде всего надо назвать Спартак и Эпиктета, олицетворявших две разные формы протеста против состояния рабства.

Типичным «холопом и хамом» были раб императора Калигулы египтянин Геликон, о котором сообщает Филон Александрийский,³⁴ и Поликлет, раб, а затем вольноотпущенник императора Нерона, один из самых бесстыдных грабителей при этом дворе. Типичное для «холопа и хама» сочетание цинизма, наглости, раболепия и подлости характерно для одного из любимцев императора Гелиогабала. Его раб, а затем вольноотпущенник Аврелий Зотик продавал все, что говорил или делал император, мороча людей, в надежде на огромные богатства, причем одним угрожал, другим обещал, всех обманывал; выходя от него, к некоторым он подходил со словами: «о тебе я сказал это», «о тебе я слышал то-то», «с тобою случится так».³⁵

Наконец, бессловесный и не осознающий своего рабского положения, низведенный до жалкого прозябания раб, у которого нет пороков «холопа и хама», императорского «лизоблюда», но который еще не пробужден к активной борьбе за свое освобождение — не имеет имени. Он просто раб, на котором Нерон вместе с отравительницей Локустой проверяет действие яда, один из 400 казненных после убийства префекта Рима, задыхающийся в каменоломнях и серебряных рудниках Испании, гребущий на тримерах.

³³ Ленин. Соч., т. 13, стр. 38.

³⁴ Л. Фридендер. Картины из бытовой истории Рима, т. I. Спб., 1914, стр. 57.

³⁵ Там же, стр. 45.

Наряду с антагонистичными, выражающими основные тенденции времени формами морали — моралью рабовладельцев и моралью рабов — существует и нравственность предшествующей эпохи (родового строя). Наряду с широко распространенным презрением к труду со стороны рабовладельцев и ненавистью к труду, как рабскому и вынужденному, со стороны рабов, сохраняется среди свободного населения — крестьян, ремесленников — прежнее уважение к трудовой деятельности. В столкновение с новыми моральными и правовыми толкованиями справедливости приходят прежние, сохранившиеся от родового строя. Сложность и многообразная опосредованность взаимоотношений личности и общества в условиях рабовладельческого государства приводят к пробуждению самосознания личности, к тому, что личность впервые начинает выделять себя из общества: в этических учениях это обнаруживается в эпикуреизме и стоицизме. В них же впервые рассматривается в моральном плане вопрос о свободе воли.

Практика человеческих отношений обнаруживает конфликт долга и совести, разделение «блага» и «добра», закрепляет утилитарное отношение господствующего класса к морали. Политические и правовые взгляды оказывают наиболее сильное воздействие на мораль, способствуя закреплению одних моральных норм и подрывая другие, не соответствующие интересам господствующего класса.

Смена моральных норм нашла свое отражение в искусстве. В трагедиях Эсхила и Софокла человек выступает в характерных для родового строя отношениях полной зависимости и подчиненности внешним силам; у Еврипида впервые появляется трагедия личных столкновений и порожденных ими нравственных коллизий. Все пороки, отличающие рабовладельческое общество: сребролюбие, лжесвидетельство, обман, стремление к роскоши и невежество, легковерность, супружескую неверность, глупость, бесчестность, приспосабличество, грубую лесть, пресмыкательство перед «власть имущими», сластолюбие, разврат, — рисуют романы и жизнеописания поздней эллинистической эпохи и бытовые рассказы времен императорского Рима, вроде «Золотого осла» Апулея или «Пира у Трималхиона» Петрония, эпиграммы Марциала и сатиры Ювенала.

Нравственно-воспитательную цель преследуют «Сравнительные жизнеописания» Плутарха; не только исторический, но и определенный нравственный смысл имеют «Жизнеописания 12 цезарей» Светония и «Хроники» Тацита, откровенно противопоставляющего нравственному упадку императорского Рима строгие и ясные, обязательные для всех моральные установления родового строя древних германцев.

В эту эпоху религия освящает и закрепляет некоторые моральные нормы. Благодаря ей ряд изживших себя, утративших практический смысл обычаев сохраняется на длительный срок (например, казнь не уберегших огня жриц богини Весты): ее авторитет используется для укрепления власти брахманов, что ясно обнаруживается в «Законах Ману». И все-таки наиболее тесное сближение этических и религиозных учений происходит при феодализме, когда наука в целом и этика в том числе превращаются в «слуг богословия».

Что касается связи науки с моралью, то, как указывалось ранее, именно в рабовладельческую эпоху появляется этика, теория морали, как важная (а у эпикурейцев и стоиков — основная) часть философской системы.

* * *

Разложение рабовладельческого строя, революции рабов, нашествие варваров обуславливают упадок античного мирозерцания и существенные изменения в сфере морали.

Колонат, который приходит на смену рабовладению, разорение и упадок патрицианских родов, все большая «варваризация» римских провинций и самой Италии приводят к изменению взгляда на свободного и раба. Христианство, побеждающее античный политеизм, провозглашает равенство греховности и ничтожества людей перед богом.

Распространение мистицизма и пессимизма, которые преобладают в философии поздних стоиков и неоплатоников, приводит к отказу от прежнего взгляда на добродетели. Мудрость осмеивается, а мужество полагается бессмысленным. Все-разъедающий скептицизм и вера в непознаваемое, чудеса широко распространяются среди верхушки общества.

Варвары приносят с собой нравственные обычаи и правила родового строя; «отцы церкви» провозглашают анафему языческому знанию и венцом добродетели объявляют слепую веру и смирение перед всемогуществом бога.

Мораль, возникающая из этого хаоса мирозерцаний, отражающая новые социальные отношения, приобретает свои характерные черты к V—VII вв. н. э.

Нравственность эпохи феодального строя

Сложившийся в общих чертах к V—VII вв. н. э. феодальный строй определяется новым характером производственных отношений. Феодал владеет землей и крепостными крестьянами, крепостной владеет орудиями своего труда, получает в личное пользование незначительную часть урожая со «своего» поля и по сравнению с рабом обладает большей свободой и более заинтересован в результатах своего труда; кроме того,

у него есть семья. Феодал может продать его, но по крайней мере юридически не имеет права убить своего крепостного. Являясь беспощадным эксплуататором своих крепостных, феодал вместе с тем выступает защитником их от насилий и произвола любого другого феодала.

Свободные крестьяне и горожане (ремесленники, купцы) вступают в договорные отношения с владетельным князем: являясь его подданными, они несут определенные повинности, но вместе с тем находятся под защитой своего сеньора.

Сеньор, в свою очередь, является вассалом графа или князя, а тот — вассалом короля или императора. Возникает характерная для эпохи феодализма социальная иерархия, обусловленная феодальной раздробленностью, вечными междоусобицами, столкновением хищнических интересов феодалов.

К числу крупнейших феодалов принадлежала римская церковь; ее пастыри, «духовные князья», обладали огромной экономической и политической силой и вели борьбу за власть с одними из светских феодалов, поддерживали других, образуя оборонительно-наступательные союзы.

Взаимоотношения внутри сословий и между сословиями феодальной эпохи, классовая борьба угнетенных против угнетателей, принимавшая форму ересей, своеобразные условия жизни в феодальном поместье, монастыре, в городе обуславливают сложность и своеобразие нравственной жизни эпохи феодализма. Наиболее общими чертами морали феодализма является ее ярко выраженная сословность и «пропитанность» религиозным духом. Период средневековья — это период наиболее сильного влияния религии на мораль.

Откровенно презрительное отношение к труду, которым отличаются, подобно рабовладельцам, светские феодалы, вуалируется религиозной моралью. Двойственность, противоречивость церковной проповеди имеет целью внушать «священную обязанность трудиться» угнетенным массам и обосновать освобождение от этой обязанности тех, кто наверху.

Изменившиеся формы собственности, освященные религией, по сути дела определяют практику нравственных отношений. Наконец, последней характерной чертой морали феодального строя является наличие «замкнутых» моральных кодексов, совпадающих в общих чертах с сословным делением, но, как правило, еще более дробных. Таковы моральные кодексы рыцарских и монашеских орденов, придворные кодексы, монастырские уставы, моральные кодексы католических священников, гильдийские и цеховые кодексы, университетские уставы.

Церковь монополизировала всю сферу духовного воспитания. Этика отцов церкви формируется в борьбе с античным мирозерцанием.

«Языческие добродетели суть переряженные пороки», —

провозгласил Блаженный Августин. Его этическое учение исполнено фанатизма и человеконенавистничества: проклятие тяготеет над человеческим родом; удел человека жалак; его земное существование греховно; ему предоставлена лишь одна свобода — свобода греха и погружения еще в большую мерзость порочного бытия; путь к спасению — в отказе от мира, строгий аскетизм, есть лишь один свет истины — в боге, и им владеет церковь — «град божий» на земле.

Фома Аквинский смягчает крайности Августина своим учением о двух родах добродетелей — божественных (богословских) и мирских. Первые доступны лишь священнослужителям и даруются богом, вторых человек может достигнуть собственными усилиями, если будет подчиняться воле и требованиям церкви.

На этих теоретических посылаках строится нравственность. Ее характернейшие черты — лицемерие, ханжество, религиозная нетерпимость.

Религиозный фанатизм средневековья в сочетании с нравственным лицемерием церковников приводит к невиданному разгулу варварства и жестокости, к крайнему изуверству.

Отказ от всего, что способствует «мирским» связям — от имущества, от близких, от земных привязанностей возводится в высшую добродетель. И религиозные фанатики, подвергая себя жесточайшим искусам, становятся отшельниками, столпниками, дают обет безбрачия, подвергают себя бесчеловечным и жестоким испытаниям. Например, Святая Адельгунда просила бога, чтобы он послал злокачественный рак на ее девственную грудь и ее молитва сейчас же была исполнена. Святой Ксаверий так далеко зашел в любви к нищим и больным, в самопреодолении и в умерщвлении своих чувств, что пил даже воду, которой он обмывал отвратительные и неизлечимые язвы, больше того, высасывал даже гной из венерических чирьев.³⁶

Церковь держит в плену сознание средневекового человека и толкает его на противоестественные действия.

В одном из описаний «подвигов во славу господу» приводится история горожанина, который, желая освободиться от греховных вождений, отдал монастырю все свое имущество, расстался с родными и проходил искус послушания. С ним был десятилетний сын. Монахи морили ребенка голодом, на глазах отца подвергали его избиению, чтобы вытравить последнюю «греховную» привязанность — любовь отца к сыну. Наконец, для доказательства силы его любви к господу, они приказали ему бросить своего сына в реку, что и было исполнено.³⁷

³⁶ Л. Фейербах. Эвдемонизм. Избр. философские произведения, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 593.

³⁷ Гельвеций. О человеке. М., Соцэкгиз, 1938.

Рабовладелец, распинавший на кресте раба, не сопровождал свои действия моральными сентенциями. Инквизитор, отправлявший на костер еретика, утверждал, что делает это во имя спасения заблудшей души, которая через очистительный огонь освободится от грехов и вознесется к богу. Сама формулировка приговора к ауто-да-фе — «без пролития крови» — подчеркивает ханжеское лицемерие «святейших» инквизиторов.

Для характеристики «подвигов» церкви в борьбе с еретиками стоит привести свидетельство очевидца истребления вальденсов. Самуил Морланд, английский посланник в Савойе, пишет: «Никогда христиане не совершали стольких жестокостей по отношению к христианам. Бородам (священникам) отрубали голову, их варили, их ели. Булыжниками распарывали живот женщинам до пупка. У других отрезали груди; их жарили на огне, потом ели. У иных вырывали щипцами ногти. Полумертвых людей привязывали к хвосту лошадей и волочили в таком положении по скалам. Наиболее легкая из казней заключалась в том, что людей сбрасывали с крутой горы, с которой они часто падали на деревья, на которых повисали и погибали от холода, голода и ран. Некоторых разрубали на тысячи кусков, которые разбрасывали по полям... Католики разрывали собственными руками на части детей, которых они вытаскивали из колыбелей; они жарили живыми маленьких девочек, отрезали у них груди и ели их. У иных они отрезали носы, уши и другие части тела. Иным они наполняли рот порохом и поджигали его. У некоторых они сдирали с живых кожу и натягивали ее под окнами в Люцерне, у других они вырывали мозг, варили и жарили его и потом ели. Наиболее легкими мучениями было, когда у вальденсов вырывали сердце, когда их сжигали живыми, рубили на тысячи кусков и топили их. Иезуиты показали себя настоящими католиками и достойными последователями Рима, когда в Гарсильяно они растопили печь и заставили броситься в пламя одиннадцать вальденсов одного за другим до последнего, которого эти убийцы бросили туда сами».³⁸

Насколько глубоко в сознание людей вошли требования религиозной морали при суждении о добре и зле, справедливом и несправедливом, подкрепленные авторитетом церкви и силою светской власти, свидетельствуют бесчисленные факты, приводимые в исторических хрониках: ежегодное паломничество в Рим тысяч людей, десятки тысяч участников крестовых походов — не рыцарей, но крестьян и горожан, и особенно трагический крестовый поход детей.

Страшным доказательством безусловного, фанатичного подчинения авторитету церкви служит поступок той старушки,

³⁸ Гельвеций. О человеке, стр. 197.

которая, выбиваясь из сил, притащила на костер, предназначенный для сожжения Яна Гуса, свою вязанку хвороста.

Высшим критерием нравственности считалось удобство поступка богу. Отсюда вера в возможность искупить любой грех молитвами и жертвоприношениями.

Религиозная мораль извращала простые, естественные нравственные поступки, была бесчеловечной в самой основе. Человек верил в то, что и еретики и ведьмы заключили сделку с дьяволом и могут быть спасены лишь посредством ауто-да-фе. С младенческих лет закреплялась в его сознании уверенность в том, что отлученный от церкви, лишенный поддержки бога обречен на гибель и поставлен вне человеческого общества, вне закона, а потому абсолютно незащищен:

Свирепый этот век, забытый благодатью,
Скорей гееною, чем небом, восхищен —
Не стали и бича здесь властвует закон:
Сильнее топора бьют папские проклятья.³⁹

Но характер связи нравственности с религиозной моралью оказывается весьма различным, когда мы обращаемся к особенностям сословной морали.

Нравственность феодалов

Различие сфер деятельности обуславливает различное содержание воспитания светского и духовного феодала, общим является лишь презрение к физическому труду.

Светский феодал в результате воспитания должен был приобрести «семь рыцарских добродетелей»: ездить верхом, плавать, владеть копьем, фехтовать, охотиться, играть в шахматы и слагать стихи прекрасной даме.

Чтение и письмо не входило в круг этих добродетелей, и до XII в. графы и герцоги, как правило, не умели даже расписываться. Немецкие хроники свидетельствуют, например, что Конрад II, хотя и не умел писать, но был мудр и строг, а Генрих IV был столь учен, что мог писать и понимать написанное.

Приобретались и совершенствовались рыцарские добродетели при дворе сюзерена, где мальчик с 7 до 14 лет был пажем у супруги сюзерена, а с 14 до 21 года подросток и юноша был оруженосцем. В 21 год происходило посвящение в рыцари.

Кодекс рыцарской чести высшими добродетелями полагает храбрость, мужество, верность данной клятве, чувство личной чести. Песнь о Роланде, сказание о Сиде, легенда о Тристане и Изольде и рассказ одной из французских хроник о Баярде, «рыцаре без страха и упрека», показывают лучшие нравственные качества, отличающие рыцаря.

³⁹ Леконт де Лиль. Из четырех книг. М., Гослитиздат, 1960, стр. 131.

На основании этих примеров реакционные романтики начала XIX в. изображают рыцарскую нравственность идеальной. В действительности «подвиги» рыцарей времен крестовых походов весьма далеки от красивых легенд. Поклявшись в верности даме своего сердца, рыцарь насловал женщины и не только «неверных», но и христианок в Константинополе; дав обет «бедности», грабил; а «защиту справедливости» осуществлял, убивая, сжигая и разрушая все на своем пути; что касается «верности сюзерену», то во время феодальных усобиц рыцарь нередко из корыстных побуждений предавал его и переходил на сторону его врага.

Облагораживающее влияние на развитие взаимоотношений между мужчиной и женщиной имела одна из рыцарских добродетелей: служение «прекрасной даме», или «даме сердца». В то время семейно-брачные отношения определялись политическими и экономическими расчетами и брак представлял политическую или экономическую сделку, в которой вопросы личной симпатии, склонности, любви не играли никакой роли; в семье женщина была покорной рабой мужа и при всех внешних почестях, которые ей оказывали, оставалась совершенно бесправной и униженной.

Факты, характеризующие бесправное положение женщины высшего общества времен средневековья, приводит в своем обширном исследовании английский социолог конца XIX в. Сутерланд: «Если женщина делалась номинальной наследницей, то сюзерен всегда настаивал на том, чтобы она вышла замуж за жениха, которому с помощью денег или обещаний удавалось купить у него как женщину, так и наследство. В Иерусалимских ассизах, этом верном отражении феодального идеала, мы читаем, что когда наследница достигла 12-летнего возраста, король должен был назначить для нее трех баронов, одного из которых она должна была избрать себе в мужа в течение 15 дней; если же она отвергала их всех, то обязана была уплатить королю столько денег, сколько он мог бы получить от жениха. И сколько бы раз она не становилась вдовой, король мог назначать ей таким образом нового мужа. Чувство приличия обыкновенно полагало конец этой тирании, когда вдова достигала шестидесятилетнего возраста. Но английский король Эдуард IV заставил престарелую герцогиню Норфолькскую выйти замуж за молодого Грея, так как семья королевы жадными глазами смотрела на состояние старой вдовы».⁴⁰

В отношениях рыцаря и его «дамы сердца» мы впервые встречаем бескорыстное чувство, проявление знаков внимания к ней в силу уважения и привязанности, ибо нередко юный

---

⁴⁰ Сутерланд. Происхождение и развитие нравственного инстинкта. Спб., 1900, стр. 294.

рыцарь избирал «своею дамой» жену сюзерена, у которой он был пажем в отроческие годы, и посвящал ей свои песни и подвиги, защищал ее честь на рыцарских турнирах и, побеждая, удаивался награды из рук своей «дамы сердца».

Иной характер носит чувство к «даме сердца», избираемой по любви. По словам Энгельса, это была «первая появившаяся в истории форма половой любви»,⁴¹ свободная от материальных расчетов, восстающая против общепринятых моральных норм и побуждающая женщину к измене супружескому долгу. «В своем классическом виде, у провансальцев, рыцарская любовь устремляется на всех парусах к нарушению супружеской верности, и ее поэты воспевают это... Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели у своей красотики, чужой жены, а снаружи стоит страж, который возвещает ему о первых признаках наступающего рассвета (alba), чтобы он мог ускользнуть незамеченным; затем следует сцена расставания — кульминационный пункт песни».⁴²

Феодальная мораль предписывала вместе с тем оскорбленному мужу смыть кровью свой позор, и «свободная любовь» нередко приводила к кровавой развязке.

Филипп IV Красивый приказал обезглавить двух знатных дворян — любовников жен его двух сыновей, а самих нарушительниц супружеской верности подверг унижительному наказанию и заточил в крепости.⁴³

Муж, убивший жену и ее любовника, не нес никакой ответственности перед законом.

Строго сохраняя свою честь, как то предписывалось рыцарским моральным кодексом, феодал беззастенчиво попирает человеческое достоинство своих крепостных.

По отношению к ним он был свободен от моральных обязательств и по своему усмотрению творил суд и расправу: и во времена Гогенштауфенов, и в эпоху Людовика XVI во Франции и в Николаевской России произвол личный оставался неотъемлемым правом господина:

Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!⁴⁴

Существовал целый ряд привилегий, закрепленных обычаем, унижительных для крепостных.

Одна из них — «право первой ночи» — быть может особенно ярко обнаруживает классовый характер нравственности

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 72.

⁴² Там же, стр. 72—73.

⁴³ Эта история из французских хроник пересказана М. Дрюоном в романе «Железный король» (ИЛ, 1957).

⁴⁴ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1949, стр. 228.

эпохи феодализма и всю глубину унижения, выпадавшего на долю крепостного крестьянина и его невесты, по отношению к которой осуществление этого «права» было актом грубого насилия.

Не менее оскорбительным было и право подвергать крепостных телесным наказаниям, продавать их как рабочий скот и т. п.

Впрочем, с точки зрения феодала, крепостной неспособен к нравственному чувству. Поколения российских бояр и дворян, так же, как феодалы Франции или Германии, веками считали «нравственные чувства» своей личной привилегией. Поэтому Карамзин, изобразив в «Бедной Лизе» переживания обманутой девушки и ее самоубийство, как открытие преподносит своему дворянину-читателю вывод: «И крестьянки чувствовать умеют».

Светский феодал даже в средние века не столько религиозен, сколько суеверен. И если он подчиняется церкви, то подчиняется ей как силе, которая заставила гордого Генриха IV Гогенштауфена пойти в Каноссу и на коленях вымаливать прощение у папы Григория VII.

В духовных феодалах он видит своих политических соперников или союзников и подходит к религии с практически-политических позиций. Именно такова подоплека принятия христианства католического Хлодвигом и греко-византийского — Владимиром.

Убежденность феодала в том, что сеньор от рождения имеет определенный комплекс нравственных качеств, принципиально отличающий его от «подлого» простонародья, чванство «благородством» своего происхождения, своей принадлежностью к «лучшим» создает ту замкнутость, кастовость, которая отличается и прусских баронов, и английскую земельную аристократию, и русских бояр, а затем и дворянство.

Вера феодала в свою исключительность, в то, что само провидение или божество выделило его из круга обычных, «неблагородных» людей, поддерживается и закрепляется системой замкнутого сословного воспитания и получает свое выражение в многообразных учениях «о расе господ», «голубой крови» аристократов и т. п.

Высокомерно-презрительное отношение к людям «иногo круга» культивируется в среде дворян, аристократов спустя века после того, как политическая власть их была сломлена в буржуазных революциях, а экономически они уступили место буржуазии или, как, например, в Англии, слились с буржуазией, образовав «новое дворянство». И сейчас английский буржуа или представитель рабочей аристократии считает для себя высшей честью удостоиться звания пэра Англии. Пример этому — завершение политической карьеры лидера лейбористов Клементы Эттли, ныне члена палаты лордов.

Иной характер носило воспитание духовенства — сословия, претендовавшего на полноту власти в раннем средневековье (теоретически эти притязания были выражены в трактате Блаженного Августина «О Граде Божием»). Такого сосредоточения светской и духовной верховной власти удалось достигнуть римско-католическому престолу на очень короткое время: апофеозом осуществления верховенства духовных феодалов над светскими было торжество папы Григория VII и унижение в Каноссе Генриха Гогенштауфена в XI в. Соперничество в борьбе за власть между светскими и духовными феодалами наполняет все средневековье, и только реформация, а вслед за ней буржуазные революции подрывают всеохватывающую власть Папы Римского в странах Европы.

Духовенство стремилось поработить человека экономически и духовно. Для этого требовалось умение воздействовать на помыслы, мечты, надежды человека; поэтому воспитание духовных пастырей шло по особой системе.

Римско-католическое духовенство, насаждая христианство как государственную религию, варварски истребило многовековое наследие античной культуры как «безбожное»; христианство и ислам в своей религиозной нетерпимости нанесли неисчислимый ущерб сокровищам античного мира. Уцелевшие ст уничтожения труды — рукописи философов, медиков, историков — хранились в монастырях и пользовались ими только лица духовного звания. Из канонизированных и извращенных толкователями трудов Аристотеля была извлечена система воспитания, внешне сходная с умственным воспитанием в Афинах, а на деле целиком подчиненная интересам духовенства.

Знаменитые «тривиум» и «квадривиум» должны были вооружить будущего проповедника умением читать и толковать священное писание и вести споры (диспуты) с еретиками. Стойкость в «истинной вере», беспощадность к еретикам, ревностное служение богу и его наместнику на земле — папе — должно отличать того, кто наделен, согласно учению Фомы Аквинского, «богословскими добродетелями». «Magister dixit!», бывшее альфой и омегой учения в монастырских школах и средневековых университетах, становилось основой для непререкаемости авторитета бога, ибо он сам считался отцом-учителем, непогрешимым, как и его наместник на земле — папа римский. Догмат о непогрешимости папы завершал подчинение знания вере и авторитету. «Крепость и зрелость разум приобретает лишь в колыбели авторитета» — утверждал Августин Блаженный. И, подобно папе, каждый священнослужитель по отношению к своей пастве имел право исключительного

толкования воли господя, принимая исповедь и отпуская грехи мирян. «Будьте мудры, как змии, и кротки, как голуби», — напутствовала церковь пастырей.

Учение Фомы Аквинского о двойственной истине и собрание «Казусов» к его «Summa Theologia» явились теоретическим обоснованием той лицемерной, двойственной морали, которая с наибольшей полнотой была осуществлена на практике иезуитами и основополагающим принципом которой стал девиз Игнатия Лойолы: «Цель оправдывает средства».

Два нравственных типа олицетворяют собою страшную своим мракобесием, беспощадностью и гибкой изобретательностью в опутывании душ «рабов божиих» мораль церковников средневековья: кровавый палач, изувер и фанатик Торквемада — «Великий инквизитор», именовавший себя «карающим и неподкупным мечом господя», и тонкий политик и дипломат, в совершенстве овладевший искусством скрывать свои и выпытывать чужие мысли, основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола.

Первый — живое воплощение нетерпимости, руководствовавшийся в своей деятельности фразой Евангелия: «Не мир я вам принес, но меч», глубоко верящий в истинность учения Августина об изначальной греховности человека и в то, что единственным средством спасения заблудшей души является хороший костер, в религиозном экстазе, граничащем с безумием, готовый сжечь все человечество.

Второй — ни во что не верящий, прекрасно отдающий себе (только себе!) отчет в том, что «защита веры» — лишь удобная форма для политической борьбы, устранения политических противников, и служивший не укреплению веры в господя, но укреплению вполне земного могущества папского престола — не «меч господя», но «глаз и ухо» Папы Римского.

Кодекс морали, внушаемый церковниками «стаду христову», истолковывал содержание категорий морали в соответствии с интересами духовенства.

«Добрые» и «справедливые» те дела и те люди, которые способствуют укреплению власти церкви: император Константин был причислен к лику святых несмотря на совершенные им зверства, несмотря на его жестокость и клятвопреступления потому, что сделал христианство государственной религией в Римской империи.

«Зло» — это то, что направлено против церкви: ереси, вольнодумство, недовольство крепостных своим тяжелым положением, возмущение горожан бесстыдным грабежом их достояния церковными феодалами.

«Долг» — исполнение воли бога, трактуемой священнослужителями в своих корыстных интересах.

«Совесть» — вера в то, что покаянием, исповедью и особенно соответствующей мздой, будь то покупка индульгенций,

пожертвование монастырю, храму, наконец, завещание в пользу архиепископа или папы, можно искупить любой «грех».

«Высшее благо» — это благо, достигаемое бессмертной душой после освобождения ее от грешного тела: она получает, разумеется если предварительно «очистилась» от «грехов», возможность вечного созерцания бога.

Для «внутреннего употребления» «смирненные слуги господ» руководствуются иными моральными правилами: проповедуя умерщвление плоти, предаются обжорству; проповедуя воздержание — развратничают; требуя искренности в исповеди («говори, как на духу»), лицемерят и лгут; восхваляя бескорыстие — отличаются корыстолюбием. Яркие факты аморализма «непогрешимых наместников бога на земле» приводит П. Карманский: «„На престоле Св. Петра сидели не люди, а чудовища в человеческом образе. Развращенные, искушенные во всех пороках женщины распорядились в Риме и занимали папский престол своим приплодом и любовниками“, — писал кардинал Барони о папах XI столетия.

Папа Бонифаций VIII запер своего предшественника Целестина в клетку и уморил его голодом. Бенедикт XIII приказал выбросить из окна II депутатов Рима, умолявших его отречься от престола. Иоанн XII сгноил в тюрьме свою родную мать. Бенедикт IX, отравив папу Дамазия, сам сделался папой, а затем продал папскую тиару Григорию VI. Папа Иоанн XXIII обвинялся в 70 преступлениях, начиная с убийств и кончая изнасилованием 300 монахинь». ⁴⁵

Не отставали от «святейшего» папы и его наместники — аббаты, епископы, архиепископы, подобно хищникам, терзавшие свою паству во Франции и Италии, Испании и Германии. Вот что пишет о них, ссылаясь на французские хроники, историк Ш. Пти-Дютайн: «Аббатства, епископства и даже архиепископства оказались большей частью в руках прелатов, которые вели себя как беспутные мелкие феодалы. Во времена Филиппа I епископом Бовэ был человек безграмотный и развратный... Анжерон, епископ ланский, догматы веры обращал в темы для шутовства; Пон, аббат Сен-Медарда в Суассоне, грабил свое аббатство; аббат Сен-Дени Ив подвергал пыткам тех, кто доносил о его оргиях; Маннасей, архиепископ реймский, был человек неотесанный, больше занимающийся охотой и разбоем, чем священнослужением...

Эти скандальные прелаты в свою очередь продавали церковные должности, которыми они могли располагать, и не помышляли, конечно, требовать от священников и монахов чистоты нравов, которой у них самих не было». ⁴⁶

⁴⁵ Цит. по кн. П. Карманского: «Ватикан — вдохновитель мракобесия и реакции» (М., Госполитиздат, 1953, стр. 11).

⁴⁶ Ш. Пти-Дютайн. Феодалная монархия во Франции и Англии X—XIII веков. М., 1938, стр. 77—78.

Распушенность, разврат, паразитизм царил не только в Риме, но были присущи всему высшему духовенству, а также монашеству.

Нравственность крепостных

Находящийся в личной зависимости от господина, политически бесправный, опутанный предписаниями христианской морали, внушенной ему священником, крепостной крестьянин обречен на узость духовного кругозора и лишен возможности критически осмыслить свое положение и навязанные ему обязанности. «Бог — отец, а вы все его дети», — говорил ему поп. «Я ваш добрый отец», — говорил ему помещик. «Я ваш отец», — говорил король подданным. И подобно тому, как в семье, а семья крестьянина сохраняет особенности патриархальной семьи, авторитет отца непререкаем, принимается на веру, полагается непререкаемой и естественной властью господина — и светского, и духовного. Фальшивое и реакционное, но чрезвычайно удобное для господствующего класса уподобление взаимоотношений феодалов и крепостных отношениям отцов и детей прочно входит в сознание крепостного крестьянина.

Он гнет спину от зари до зари, работая на своего господина; за малейшие провинности подвергается порке или иным наказаниям, он унижен и выработанным этикетом повседневного общения с господином, и теми «привилегиями», которые имеет господин: правом творить суд и расправу, правом продать или сдать в солдаты крепостного, правом первой ночи и т. п.

Однако вопиющая, изо дня в день повторяющаяся несправедливость, жестокость, оскорбление человеческого достоинства, и прежде всего беззастенчивая эксплуатация, раскрывают глаза крестьянину. Он начинает протестовать пока еще только против «своего» «плохого» господина, еще веря в то, что есть «хорошие» господа и что король или царь, или император, конечно, настоящие «отцы» народа.

Его протест часто стихийен и всегда направлен на конкретных носителей зла. Даже в самых острых классовых битвах — Жакерии, восстании Уота Тайлера, крестьянской войне в Германии, крестьянских войнах Разина и Пугачева — могучая в своем протесте крестьянская масса отличается крайней доверчивостью, прямоотой, даже не допускающей мысли о заведомом обмане. Жертвами такой доверчивости были и Уот Тайлер, и многие вожди немецких крестьян, и сотни, тысячи участников крестьянских восстаний и войн.

Идея справедливости находит свое выражение в вере в «доброе царя». И Разин, и Пугачев — «царисты».

Прогрессивный характер носит идея «уравнительности», как равенства в обязанностях и правах, и прежде всего в обя-

занности трудиться. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был дворянином?», — в этом знаменитом вопросе левеллеров воплощается идея равенства и отрицание исключительности, привилегированности «высшего сословия». В крестьянской среде труд — единственный источник жизни — пользуется уважением.

В силу особенностей, при которых возникает крепостничество в Германии, в славянских странах, в России, в быту крестьян, в экономике и в морали закрепляются и сохраняются пережитки родового строя. Такова «задруга» южных славян и «сельская община» русских крестьян, базирующиеся на патриархальном укладе.

Возникает сложное переплетение моральных норм, регулирующих отношения с господином и вообще господами, и отношений, определяющих взаимную связь крепостных крестьян, принадлежащих к одной общине.

Взаимопомощь в труде, круговая порука, связывающая «мир» крестьянской общины, и ряд других моментов, типичных для нравственных взаимоотношений времен патриархата, оказываются весьма удобными для закрепления крепостнических отношений и соблюдения выгоды господина.

Религиозная, христианская мораль, насаждаемая церковью, окрашивает нравственные отношения крестьян.

Богобоязненный, смиренный, покорный господину, терпеливый, трудолюбивый и бесхитростный Жак-простачок или Михель, или Иван, вызывающий отечески снисходительное и презрительно-насмешливое к себе отношение — таков нравственный облик крепостного, вполне устраивающий господина.

Однако в преданиях, сказах, былинах, сагах свято сохраняется образ свободного крестьянина-труженика, защитника народных прав, восстановителя справедливости, смелого и независимого. В русском фольклоре таковы Микула Селянинович и Илья Муромец, посрамляющие князей Вольгу и Владимира.

Неясные и незрелые мечты угнетенных масс эпохи феодализма воплощаются в первых коммунистических утопиях: не случайно создателем одной из них был вождь крестьянского восстания в Италии Томас Кампанелла. В его «Городе солнца» благосостояние всего общества обеспечивается осуществлением принципов уравнительного коммунизма. Этими же идеями вдохновлялись и Томас Мюнцер, и вожди Мюнстерской коммуны, впервые в истории попытавшиеся воплотить в жизнь коммунистический, хотя и утопический идеал.

Глубоко прав был Некрасов, показавший, что не лизоблюдоворова, который «благородной болезнью подагрой» страдает потому, что всю жизнь «допивал рюмочки» с барского стола, и не холоп примерный Яков верный, с его пассивным протестом —

самоубийством, но Савелий, тот, что «в землю немца Фогеля», управителя барского «живого закопал», есть подлинный богатырь святорусский, воплотивший в себе лучшие нравственные черты крестьянства.

И никакие преследования, пытки, казни, расправы не могут истребить это стремление к освобождению. Подлинная сущность эксплуататоров обнаруживается в их бешеной злобе, трусливой жестокости при подавлении крестьянских восстаний. Истерический вопль Лютера «Жгите, рубите, топите, убивайте их, как бешеных собак!», зверства ландскнехтов Трухзеса, кровавая вакханалия, учиненная «добрым» архиепископом Францем над вождями Мюнстерской коммуны — немногие, но типичные тому свидетельства.

Угнетенные массы, поднявшись на борьбу, обнаруживают величие духа, мужество, исключительную нравственную силу. Свидетельство тому — мученическая смерть Разина и Пугачева, гибель Томаса Мюнцера и многих тысяч безвестных и безымянных героев восстания Уота Тайлера, Жакерии, Великой крестьянской войны в Германии, сподвижников Разина и Пугачева.

Народ сохраняет, закрепляет в вековой практике отношений те нравственные качества, правила и нормы, которые переживают столетия, эпохи и постепенно составляют элементы общечеловеческой морали.

То бескорыстие, какого не мог обнаружить в светском обществе эпохи французского абсолютизма Ларошфуко, один из наиболее тонких и глубоких исследователей нравов и потому вслед за Монтенем произнесший исполненный горечи приговор над человеком, «прирожденным себялюбцем и эгоистом», было естественной нормой поведения труженика. Даже христианская мораль, приспособленная на потребу власть имущим и фарисейски толкуемая господствующими классами, в сознании крестьянина нередко отражалась простым и ясным нравственным требованием: «жить по правде», которое восхищало Льва Толстого. Но по сути дела это «жить по правде» коренилось отнюдь не в религии, а в той практике отношений, которая складывалась в трудовой деятельности.

Однако при всех положительных сторонах, выгодно отличающих мораль угнетенного, эксплуатируемого крепостного крестьянства от морали господствующего класса, она страдает противоречивостью, испытывает очень сильное воздействие господствующей крепостнической морали и пропитана религиозным духом. В семейно-бытовых отношениях традиции патриархального уклада обуславливают подчиненное, неравноправное положение женщины, подвергающейся двойному гнету: как раба господина и как мужняя раба. Устойчивость хозяйственного и бытового уклада жизни и ограниченность кругозора обуславливают консерватизм моральных норм.

С развитием городов, ростом обмена, усложнением и разнообразием ремесленного производства в феодальном обществе определенное и экономически все более важное место начинает занимать та социальная группа, которая во Франции эпохи XVII—XVIII вв. составила ядро третьего сословия.

Купцы, ремесленники, их подмастерья и ученики — те, кто жил «под охраной» владетельного сеньора, но не был от него в крепостной зависимости, — представляют своеобразные замкнутые корпорации — гильдии и цехи, со временем превращающиеся в большую экономическую силу. Переплетение экономических связей и общность интересов представителей купечества и «верхушки» цехов, по мере развития производительности труда и обогащения их, и все большее обнищание и несправедливость подмастерьев, обреченных пожизненно быть вне цеховой корпорации мастеров и превращающихся в наемных рабочих, приводит к образованию торгово-промышленной буржуазии и полупролетариата.

Особенности производственных отношений, своеобразие городского быта, весь уклад хозяйственной жизни определяют и своеобразные черты морали, отличающей купцов и ремесленников.

Чтобы добиться успеха, надо познать «тайны ремесла», приобрести опыт «деловых» (торговых) отношений и практические знания. Такие знания дают городские школы, где, в отличие от монастырских, основное внимание уделяется математике, языкам, географии, астрономии. Странствующий купец проникает в поисках рынков сбыта и обмена гораздо дальше рыцарей-крестоносцев. Он выступает посредником между западом и востоком, не смущаясь общением с «неверными». Широта его знаний и опыта, практическая сметка и постоянная необходимость проявлять крайнюю осторожность в отношениях с политически всемогущим сеньором проявляются в его моральных оценках.

Внешне изымая все знаки покорности и преданности феодалу, он презирает его за паразитизм. Для него самого труд — это средство, необходимое для создания или умножения богатства. Взаимоотношения между членами гильдии строятся на доверии и деловом сотрудничестве. Именно объединения купечества превращают это сословие в огромную финансовую силу, какую, например, представляли итальянские купцы во Франции времен первых королей из династии Валуа или союз немецкого купечества «Великая Ганза».

Труд, мастерство, энергия и настойчивость человека вызывают к нему уважение членов гильдии или цеха. Так, первоначально испытание подмастерья, желающего стать мастером, заключалось в умении создать шедевр (Kunststück).

Состояние, добытое в трудных и всегда рискованных торговых операциях или явившееся результатом успехов в ремесле,

не только вследствие личных успехов, но и благодаря эксплуатации, составляет предмет забот буржуа. К тому же чем богаче он становится, тем тщательнее скрывает свое богатство, на которое в любой момент может покуситься владетельный сеньор.

Бережливость, скромность — нравственное требование поднимающейся буржуазии, которая считает безнравственной бесполезную трату денег. Буржуа возмущен роскошью феодала и церкви, хотя он сам на ней неплохо «зарабатывает». Отсюда и бюргерское буржуазное требование «дешевой церкви», осуществляемое в реформации Лютером и Кальвином.

Честность, верность данному обещанию — необходимое условие успеха в торговых предприятиях — выдвигается как нравственное правило для внутрикорпоративного обращения, тогда как во всех других случаях хитрость, осторожность и обман не считаются предосудительными.

По мере накопления богатств в руках отдельных семейств, подобных банкирскому дому Фуггеров или дому Медичи, выделения верхушечной части в цехах, рамки строгой регламентации условий торговли и условий производства, служившие предупреждению конкуренции, разрушаются. Провозглашается принцип свободы частной инициативы, свободы конкуренции как реального воплощения буржуазного понимания свободы. Буржуа готов действовать сам. Но для этого ему нужна политическая свобода, которая закрепила бы экономическую самостоятельность, позволила бы беспрепятственно проявить частную инициативу. Ему нужны свободные рабочие руки — и он поднимает голос против условий жизни в феодальном обществе как несправедливых. Идеологи буржуазии провозглашают «естественные» и неотъемлемые права человека: право на частную собственность, «добытую своим трудом», свободу, равенство и братство... Наступает эпоха буржуазных революций.

Таким образом, уже в эпоху, предшествовавшую победе класса буржуазии, черты буржуазной морали обнаруживаются достаточно ясно.

Собственность, капитал буржуа рассматривает как результат своих личных усилий, своего труда — хотя бы это был «труд» по наилучшей организации эксплуатации его наемных рабочих. Для него собственность священна и неприкосновенна, ибо делает его тем, что он есть. Дворянин даже нищий, подобно одному из хозяев Ласарильо с Торреса, остается дворянином: он таков по своему рождению. И даже опускаясь до самого бедственного состояния, он презирает труд. Буржуа без собственности — ничто. И он прилагает все усилия для ее сохранения и умножения. Осуждение роскоши, разврата, «строгие нравственные устои», отличающие бюргерство средних веков, зиждятся на личном отношении к собственности.

«Бережливость!», — говорит буржуа. «Скупость!», — изде-

ваются над ним дворянин. «Воздержанье!», — говорит буржуа. «Трусость!», — утверждает дворянин. «Скромность!», — говорит буржуа. «Ханжество и лицемерие!», — смеется дворянин. И оба оказываются правы.

Эгоизм буржуазной нравственности приобретает новое качество: индивидуализм. Мораль буржуа двойственна, но характер этой двойственности своеобразен на разных этапах ее развития. Бережливость, воздержанье, скромность, уважение человеческого достоинства, уважение к труду (следует помнить, что человек, достоинство которого уважается, — это синоним собственника, а труд — это труд по созданию капитала, но подобная конкретизация отнюдь не есть выражение самосознания буржуазии в период, когда она идет к власти; напротив, ее идеологи провозглашают эти моральные нормы по отношению к «человеку вообще») — все эти моральные требования в эту эпоху буржуа обращают к самим себе, ибо они отвечают их коренным экономическим интересам.

Вместе с тем, выступивший на исторической арене буржуа воспринимает правило, выдвинутое Никколо Макиавелли и возведенное в принцип иезуитами: «Цель оправдывает средства».

Следует отметить и своеобразие семейно-брачных отношений третьего сословия. Для феодала брак был сделкой политической, а для представителей торгово-промышленной буржуазии он был, прежде всего, экономической сделкой.

Особенности такой сделки заключались в том, что женщина, обладавшая состоянием, получала на договорных основах гораздо большую независимость, чем в других сословиях. Эта независимость, однако, отнюдь не способствовала укреплению нравственных основ семьи: вместо феодального подчинения женщины мужчине здесь выступали чисто деловые отношения, весьма далекие от мира интимных чувств. Характерно, например, что в северонитальянских городах таким брачным договором нередко оговаривалось право женщины иметь одного или нескольких любовников.

Взаимоотношения отцов и детей прежде всего регулируются институтом наследства, который делает родительскую власть экономической силой и приводит в своем развитии к выхолащиванию всех нравственных основ связи детей и родителей.

Воплощением раннебуржуазного нравственного идеала является предприимчивый, энергичный, не брезгающий любыми средствами в достижении цели, свободный от сословных, религиозных и всяких иных предрассудков человек, неуклонно идущий к цели, во имя которой он способен на риск, смелость, беспощадность. Он прочно стоит на земле и всем, что имеет, и чем стал, обязан самому себе. Он образован, не чужд вопросам науки и искусства, однако, прежде всего, — это человек практических действий, проникший во все тонкости своей профессии. Таков, например, Козимо Медичи, банкир, неограниченный пра-

витель Флоренции в XV столетии, знаток искусств, покровитель художников и ученых.

Естественно, что своеобразие исторических условий отражается в нравственном облике итальянского, французского, английского буржуа или российского купца-промышленника феодальной эпохи. Бенвенуто Челлини, каким он предстает перед нами в своих мемуарах; Ангерран де Мариньи, великий коадьютор Филиппа IV Красивого; вычегодский купец Строганов, финансировавший поход Ермака в Сибирь; Никита Демидов, сподвижник Петра Великого и основатель уральской «династии Демидовых» по-своему своеобразны. Но в главном все «герои» первоначального капиталистического накопления сходны с Козимо Медичи.

*

* * *

Феодально-христианский нравственный идеал человека — раба божия, покорного «властям предержащим», слепо верящего в авторитет церкви, светской власти, принимающего все тяготы и несправедливости своего существования как наказания за грехи и безропотно «несущего свой крест», идеал, в котором отразились презрение к человеческой личности и совершенно определенный классовый интерес, оказался опрокинутым всем ходом исторического развития общества.

Развитие производительных сил с необходимостью выдвигает задачу активного отношения к действительности, ее преобразования и изменения. Обусловленные им великие географические открытия, распространение просвещения и пробуждение критической мысли человека вопреки всем кострам инквизиции и застенкам феодальных замков, зарождение и развитие капиталистических отношений приводят к развитию новых идей, взглядов, учений, в том числе и нового взгляда на человека и его назначение.

Наряду с этим наступает упадок феодальных отношений, наиболее ярко проявляющийся в аморализме феодально-церковных верхов.

Тунеядство, разврат монахов и католических священников становится притчей во языцех. Жадный, тупой, прожорливый и сластолюбивый монах — излюбленная мишень народных сатирических побасенок вроде немецких «Шванков», он осмеивается Боккаччо и Рабле, Чосером и Ульрихом фон Гуттенем. В «Вадиске или Римской Триаде» Ульрих фон Гуттен дает уничтожающую характеристику «города папы» — Рима: «Три вещи приносят с собой странники из Рима: нечистую совесть, расстроенный желудок и пустой кошелек. . . Три вещами торгуют в Риме: Христом, священническими местами и женщинами. . . Три вещи ценятся особенно дорого в Риме: женская красота, превосходные лошади и папские грамоты. . . Три вещи часто встречаются

в Риме: чувственные наслаждения, пышные одеяния и высокомерие. . . Тремя вещами подчиняет себе Рим все: насилием, хитростью и лицемерием. . . Три вещи в избытке в Риме: проститутки, священники и писцы». ⁴⁷

В «Декамероне» Боккаччо дает яркую картину нравственного облика «наместников святого Петра»: «Все они вообще прискорбно грешат сладострастием, не только в его естественном виде, но в виде содомии, не стесняясь ни укором, ни стыдом, почему для получения милостей влияние куртизанок и мальчиков было не малой силой. К тому же. . . все они были обжоры, опивалы, пьяницы наподобие животных, служившие не только сладострастию, но и чреву. . . Все они были так стяжательны и жадны до денег, что продавали и покупали человеческую, даже христианскую кровь и божественные предметы, какие бы ни были, относились ли они до таинства или до церковных должностей». ⁴⁸

Интриги, кровавые преступления, разнузданные оргии римской курии, скандальные и отвратительные «деяния» святейших пап, с калейдоскопической быстротой сменяющих друг друга в Ватикане и известных в истории под выразительными эпитетами: «Убийца», «Отравитель», «Жестокий», «Кровавый», бесстыдный грабеж мирян вызывают всеобщее возмущение. Джордано Бруно требует «изгнания торжествующего зверя».

Экономическая и политическая борьба принимает первоначально религиозно-нравственную форму: именно такова реформация в Германии. В сфере морали реформация способствует утверждению религиозно-буржуазного нравственного идеала, стремящегося соединить веру и знание, перевести вопрос о вере в область «интимного общения человека с богом» и утвердить достоинство человека, как обладателя «искрой божией» — бессмертной душой, вместе с тем покорного властям и полагающего свой долг в исполнении своего богом определенного предназначения.

Гораздо более радикален нравственный идеал гуманистов. Он состоит в страстном оптимизме и откровенном атеизме Джордано Бруно, говорившем, что человек должен чувствовать свое родство со всеми вещами и спокойно ждать смерти, чтобы слиться с бесконечной природой, в которой нет места ни длярая, ни для ада.

Человек — не раб божий, но лучшее из созданий природы; он должен быть свободен, ибо от рождения все люди равны, и лишь в последующем воспитании и развитии своих способностей они обнаруживают то, что заложено природой и обогащено воспитанием: потому равные возможности в воспитании есть неотъемлемое право человеческой личности, утверждает Ян Амос Коменский и, опережая на века развитие общества, требует

⁴⁷ Ульрих фон Гуттен. Диалоги, публицистика, письма. М., Изд. АН СССР, 1959, стр. 73—124.

⁴⁸ Д. Боккаччо. Декамерон. М., 1955, стр. 57.

равного образования для всех людей — мужчин и женщин, независимо от их сословной принадлежности. Человек — вот высшая ценность! — утверждают своим творчеством Леонардо да Винчи и Рафаэль, Микеланджело и Тициан, Петрарка и Франсуа Вийон. Никаких преклонений перед авторитетами, ибо это унижает человека, отучает его от самостоятельности мысли, а только свободная мысль достойна человека! — таково гуманистическое требование Монтеня и Эразма. Идеалист Декарт и материалист Спиноза утверждают торжество разума над невежеством и страстями, разума человека — в противоположность авторитету религиозного откровения. И все это вместе есть утверждение буржуазного нравственного идеала «свободной личности», понимаемой как идеал общечеловеческий.

Требование полноты, богатства человеческой жизни, общее всем великим гуманистам эпохи Возрождения, истолковывается ими различно: это или свобода мысли, или свобода творчества, или свобода любви, или свобода умственного развития. Но всегда это свобода *личная*, как естественное право человека; и всегда это благо *личности*, индивидуальное совершенство, обусловленное исключительно реализацией личных возможностей; и всегда это уважение к другой личности, как к равной по возможностям, по тем правам, которые «естественно присущи человеку». Бенедикт Спиноза со страстной убежденностью отстаивает естественное право человека на наслаждение жизнью: «...только мрачное и печальное суеверие может препятствовать нам наслаждаться... Дело мудреца пользоваться вещами, насколько возможно, наслаждаться ими (но не до отвращения, так как это уже не есть наслаждение).

Мудрецу следует, говорю я, поддерживать и восстанавливать себя умеренной и приятной пищей и питьем, а также благовопиями, красотой зеленеющих растений, красивой одеждой, музыкой, играми и упражнениями, театром и другими подобными вещами, которыми каждый может пользоваться без всякого вреда другому... указанный строй жизни является всего более согласным и с нашими началами и с общим обычаем. Поэтому если и есть другие образы жизни, то этот все-таки самый лучший».⁴⁹

Буржуазный гуманизм, даже в самом высоком своем выражении, это гуманизм индивидуалистичный, интеллектуалистичный, созерцательно-абстрактный.

Таким образом, еще в недрах феодального строя сложилась весьма определенная по своим экономическим и политическим устремлениям личность буржуа с соответствующими нравственными качествами. И отображением потребностей и стремлений этой личности явились религиозно-нравственный идеал протестантизма и нравственный идеал гуманизма эпохи Возрождения.

⁴⁹ Б. Спиноза. Избр. философские произведения, т. I. М., Госполитиздат, 1957, стр. 559—560.

Нравственность эпохи капиталистического строя

«Свобода, равенство и братство!» — начертала на своем знамени революционная буржуазия. Во всех революциях — от Нидерландской до Великой французской — она говорила от имени народа, и ее идеологи глубоко верили, что с уничтожением феодального строя наступит эпоха вечной справедливости.

Нравственные идеалы, провозглашенные французскими энциклопедистами и в особенности Ж. Ж. Руссо, сыграли огромную мобилизующую роль в подготовке событий 1789 г.

И в своих идеалах, и в своей деятельности вожди и герои Великой буржуазной революции — Робеспьер, прозванный Неподкупным, друг народа Марат, бескорыстный Сен Жюст — были весьма далеки от житейской, «массовидной» нравственности буржуа.

Великий порыв необходим, чтобы разрушить старые учреждения. Но буржуазия отнюдь не стремится к буквальному воплощению провозглашенных лозунгов. Ей нужна политическая власть, чтобы закрепить экономическое господство, обезопасить свою собственность от посягательств, получить простор для развития своей экономической мощи и безудержной эксплуатации трудящихся.

Ее подлинным героем является Наполеон, а не Робеспьер, и выразителем сокровенного сгедо ее житейской морали выступает не Гельвеций, а Иеремия Бентам.

Свобода, провозглашенная как естественное право человека, на другой день после победы буржуазной революции воплощается в свободе частного предпринимательства. Равенство становится формально-юридическим равенством товаровладельцев, «свободно» обменивающих свой товар. Что касается братства, то буржуа предоставляет полную свободу разглагольствовать об этом священникам перед прихожанами и парламентариям во время дебатов; в его практических отношениях братство оказывается совершенно излишним.

Его подлинная стихия — рынок, его «святая святых» — получение прибавочной стоимости как средства создания капитала. Естественно, что в сфере моральных отношений буржуа все пронизано торгашеским духом.

Мораль Бентама превращает в нравственные идеалы принципы буржуазной политэкономии. Карл Маркс в «Капитале» показывает, насколько тесно связаны основные положения «Деонтологии» Бентама с характером отношений между товаропроизводителями в буржуазном обществе: «Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям

своей свободной воли... Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса».⁵⁰

Было бы, тем не менее, глубоко ошибочным характеризовать мораль эпохи капитализма, как исключительно буржуазную.

Отвечая на плоские и высокопарные сентенции Дюринга о «вечных моральных истинах», Энгельс в «Анти-Дюринге» подчеркивает сложность картины нравственной жизни в буржуазном обществе: «Какая мораль проповедуется нам в настоящее время? Прежде всего христианско-феодалная, унаследованная от прежних религиозных времен; она, в свою очередь, распадается в основном на католическую и протестантскую... Рядом с ними фигурирует современно-буржуазная мораль, а рядом с последней — пролетарская мораль будущего...»⁵¹

Наряду с этими тремя основными видами морали, отражающими прошлое, настоящее и будущее, существуют и ее многообразные разновидности, оттенки, направления, обусловленные сложной структурой буржуазного общества и всей предшествующей историей человечества.

Сохраняются и местами обладают огромной жизненной силой черты морали родового строя, особенно периода патриархата.

«За несколько дней, проведенных в Ирландии,— пишет Ф. Энгельс в одном из примечаний к четвертому изданию „Происхождения семьи, частной собственности и государства“,— я снова живо осознал, в какой степени еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи. Землевладелец, у которого крестьянин арендует землю, представляется последнему все еще своего рода вождем клана, обязанным распорядиться землей в интересах всех; крестьянин полагает, что уплачивает ему дань в форме арендной платы, но в случае нужды должен получить от него помощь. Там считают также, что всякий более богатый человек обязан помогать своим менее состоятельным соседям, когда они оказываются в нужде... собственность, у которой одни только права и никаких обязанностей, просто не уместается в голове ирландца. Но понятно так-

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 187.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 94.

же, что ирландцы, внезапно попадающие со столь наивными, свойственными родовому строю, представлениями в большие английские или американские города, в среду с совершенно иными нравственными и правовыми воззрениями,— что такие ирландцы легко оказываются совершенно сбитыми с толку в вопросах морали и права, теряют всякую почву под ногами и часто в массовом масштабе становятся жертвами деморализации».⁵²

Подобную картину с огромной силой изобразил Глеб Успенский в своих очерках о капитализации российских «медвежьих углов».

Но не только сохранившиеся в силу определенных условий пережиточные формы нравственности осложняют ту действительность нравственной жизни буржуазного общества, с которой сталкивается социолог, психолог, экономист, художник. Неоднородность классов и внутренние противоречия между социальными группами (например, финансовой олигархии и мелкой буржуазии в Германии 20—30-х годов XX в.; компрадорской и национальной буржуазии в Китае эпохи революционных войн); своеобразие социальных прослоек (интеллигенции), национальные традиции; черты, которые накладывает на моральный облик человека принадлежность к определенной профессии и т. д., — все это вносит свои штрихи в общую картину нравов мира капитализма.

На этой сложности жизненных взаимоотношений, трудностях конкретного социологического анализа пытаются спекулировать новоявленные защитники буржуазного строя, обвиняя, как это делают, например, французские экзистенциалисты (Сартр), марксистов в «абстрактно упрощенном», «не соответствующем действительности» «схематизме». При этом они договариваются до утверждения, что классы — это лишь теоретическая и достаточно произвольная абстракция, не дающая объективного отражения истинных взаимоотношений людей в обществе. При этом сознательно смешиваются определяющие, основные взаимоотношения людей (отношение к средствам производства; производственные отношения) со всеми остальными, второстепенными и даже третьестепенными.

При характеристике особенностей нравственности определенной исторической эпохи, разумеется, следует учитывать всю сложность реальных людских отношений. Но мы вправе также выделить в первую очередь основное. Поэтому, памятуя, что «буржуазная мораль» или «пролетарская мораль» отнюдь не исчерпывает даже тех трех форм морали, которые указаны Энгельсом, мы сосредоточим внимание только на этих формах, как наиболее типичных для буржуазного общества.

---

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 133.

Эгоизм и индивидуализм — основные принципы буржуазной морали. Подлинная стихия буржуазных отношений — «bellum omnia contra omnes», в которой «homo hominem lupus est».

Бернар де Мандевилль в начале XVIII в. опроверг улаждительные речи Шефтсбери о всеобщей любви и гармонии, показав, что в мире свободного предпринимательства зло не только естественный, но и необходимый принцип: «Не чувства приязни и любезности, свойственные человеку, и не действительные добродетели, которые он может развить при помощи рассудка и самоотречения, являются основами общества, но именно то, что мы называем злом в мире (в сфере ли морали или в области природы), оказывается великим принципом, который делает нас общественными созданиями, в этом прочный базис, жизнь и поддержка занятий и профессий — всех без исключения. Здесь нужно видеть истинное начало всех искусств и наук, и лишь только это зло прекратится, общественная жизнь запустеет, если только не подвергнется полному разложению».⁵³

Для буржуа выгода, умножение капитала — единственная цель, оправдывающая любые средства. Ко всему, что не сулит выгоды, буржуа безразличен.

Буржуазный моралист, американец Орисон Свет Марден обращается к молодежи, призывая ее следовать примеру тех, кто «сумел взять свой шанс». В качестве образца он приводит историю миллионера Армора: «Молодой Филипп Армор присоединился к большому каравану 49-го года, с которым прошел „великую американскую пустыню“, все его имущество ехало за ним на паре мулов. Упорным трудом в рудниках и строгой бережливостью он сколотил небольшой капитал, так что 6 лет спустя имел уже возможность завести оптовую торговлю зерновым хлебом в Мильвоки. Еще через 9 лет у него было 500 000 долларов капитала. Но главный шанс его карьеры заключался в приказе Гранта „На Ричмонд!“ И он это понял. Однажды утром в 1864 г. он постучался у дверей Планкинтона — своего К⁰ по заготовке свинины. „Со следующим поездом я еду в Нью-Йорк распродавать нашу свинину. Грант с Шерманом подавят состояние и тогда свинина упадет до 12 долларов“. В этом и состоял его шанс. Он приехал в Нью-Йорк и пустил в продажу свинину по 40 долларов за бочонок. Свинину брали нарасхват. Опытные дельцы — спекуляторы Уолл-Стрита смеялись над молодым смельчаком дальнего запада и предсказывали ему, что свинина поднимется до 60 долларов, т. к. до окончания войны еще далеко. А Армор продавал да продавал.

Грант продолжал наступление. Ричмонд пал, а вместе с ним

⁵³ Б. де Мандевилль. Изыскание о природе общества. Цит. по Н. Д. Виноградову: Философия Д. Юма, т. 2. Спб., 1911, стр. 167—168.

ников, представителе британского колониализма, вдохновителе истребления зулусов и англо-бурской войны.

В своей практической деятельности они просто отбрасывают нормы морали, растаптывают даже те элементы нравственности, которые имеют характер всеобщности. А их идеологи, от Ницше до Ясперса, провозглашают, что «по праву сильного» они стоят «выше морали», «по ту сторону добра и зла».

«Все люди — враги» — таково внутреннее убеждение капиталиста, такова практика его отношений. В мире, где все продается и покупается, исчезают подлинные человеческие чувства — в том числе и нравственные. Когда банкир и промышленник, один из «сильных мира сего», Шудлер в тяжелой финансовой схватке уничтожает соперников, сам подвергаясь риску, он обращается к своему секретарю и доверенному лицу, бывшему с ним до конца в этой борьбе: «Вы все же не изменили мне... Благодарю». «Потому что Вы хорошо платите мне», — отвечает ему секретарь.⁵⁸

Нет и не может быть у буржуа истинных, нелицемерных и непроданных друзей. Утверждение «все люди — враги» справедливо, если эти люди — капиталисты. М. Горький приводит слова миллионера Гульда, определившего трест, как группу непримиримых врагов, которые «собрались в одной тесной комнате, ярко осветили ее, держат друг друга за руки и только поэтому не убивают один другого. Но каждый из них зорко ждет момента, когда можно будет напасть врасплох на временного и невольного союзника, обезоружить, уничтожить его, и каждому друг рядом с ним кажется опаснее врага за стеною».⁵⁹

Вопрос о добре и зле, справедливости и счастье разрешается для буржуа все с тех же позиций собственника.

«Счастье» — это обладание. А так как деньги, с точки зрения буржуа, позволяют сделать решительно все объектом обладания, они есть самое надежное воплощение счастья.

Возрастание счастья равнозначно росту капитала, и на умножении капитала сосредотачиваются все помыслы наиболее цельного по характеру буржуа — того, кто относится к создателям буржуазного могущества, «сильным мира сего», будь то «один из 1000 американцев», член «властвующей элиты», или один из стальных или химических королей Западной Германии, вытеснявших фашизм и вдохновляющих ныне тех, кто истошно кричит о реванше, или один из членов «двухсот семейств» Франции.

«Добро» — это состояние буржуа и все то, что способствует его могуществу: гонка вооружений, грабеж колоний, атомный психоз, война — все это «добро», на всем этом можно «заработать».

---

⁵⁸ Кинофильм «Сильные мира сего», по роману М. Дрюона «Великие семьи». Франция, 1958.

⁵⁹ М. Горький. Соч. в 30-ти томах, т. 25, 1953, стр. 42—43.

«Справедливость» — это право сильного. Все остальное — вредная сентиментальность. Безработные, голодающие сезонники, бездомные сами в своем положении виноваты. Ведь у всех равные возможности, и только глупцы и лентяи не могут «взять свой шанс». Если они гибнут, туда им и дорога.

«Зло», разумеется, все, что сокращает дивиденды: забастовки, коммунизм, мирное сосуществование и теории о социальном равенстве.

«Долг» — это священная обязанность тех, кто охраняет капиталы буржуа, кто их умножает. В 80-е годы прошлого столетия еще восхищались подвигами героев долга, тех, кто в качестве верных ландскнехтов капитала создавал «Великую империю» — Британию:

Несите бремя белых
И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридцать морей.
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу полудетям
А может быть — чертям...
Несите бремя белых!
Пожните все плоды —
Брань тех, кому взрастили
Вы пышные сады,
И злобу тех, которых
Так медленно — увь!
С таким терпеньем к свету
Из тьмы тащили вы...⁶⁰

Тогда этим ландскнехтам, которые «служили» «угрюмым племенам», поголовно истребляя их, как делали бельгийцы в Конго, англичане — в Индии и Судане, ставили памятники: генералу Гордону, генералу Китченеру и т. д.

Теперь разбиты многие из колониальных оков, и ландскнехты сброшены с пьедесталов освободившимися и в действительности поднявшимся к свету из тьмы, на которую их обрекали колонизаторы, народами.

Но буржуа не хочет уступать своих позиций ни в колониях, ни в идеологии, и Р. Эмерсон, профессор социологии из Гарвардского университета, пытается в прозе на пятистах страницах вновь доказать то, о чем в конце прошлого столетия писал Киплинг.⁶¹

Правда, современных «героев» исполнения долга в буржуазном понимании трудно воспевать: это солдаты иностранного легиона или кубинские контрреволюционеры, о которых даже прожженные буржуазные журналисты говорят не без безгневности.

⁶⁰ Р. Киплинг. Избранные стихи, стр. 93—94.

⁶¹ R. Emerson, *From Empire to Nation. The Rise to Self-Assertion of Asian and African Peoples*. Harvard University Press. Cambridge—Massachusetts, 1960.

Что же касается самого капиталиста, то он знает только один долг: умножение своего состояния. И когда он преуспевает в этом, его совесть чиста. Потому что задолго до того, как экзистенциалисты изобрели концепцию «полной свободы» от обязанностей перед другими и провозгласили абсолютный субъектизм как новейшее решение проблемы совести, буржуа «свой» долг и «свою» совесть рассматривал лишь с точки зрения соответствия своих поступков умножению своих капиталов.

Объективно все это обличает аморализм буржуа, обусловленный принципом эгоизма и индивидуализма и лежащим в его основе отношением к частной собственности как священной и незыблемой основе миропорядка.

Практический аморализм буржуа нуждался всегда, а сейчас более, чем когда-либо, в теоретическом морализировании с тем, чтобы идеологи буржуазии могли проводить «моральную обработку» широких масс.

Полный аморализм и цинизм — это привилегия только «сильных мира сего».

Двести пятьдесят лет спустя после памфлетов Бернара де Мандевилля американский прогрессивный публицист Райт Миллс в книге «Властвующая элита» показал всю глубину аморализма высших кругов и нравственный упадок современного буржуазного общества: «Общество, в котором широко распространено убеждение, что его высшие и средние круги образуют собой сеть взаимно переплетающихся групп, занимающихся ловким жульничеством, не способно формировать людей, отличающихся чувством морального долга; общество, не обладающее ничем другим, кроме деловой хватки, не может формировать людей, обладающих чуткой совестью. Общество, сводящее понятие «жизненного успеха» всего лишь к обладанию крупными деньгами (и с этой точки зрения осуждающее материальную неудачу как главный порок), возведшее деньги на уровень абсолютной ценности, неизбежно плодит продувных дельцов и темные дела. Благословенны циники, ибо только они располагают тем, что необходимо для достижения жизненного успеха».⁶²

«Средний буржуа», восторгаясь «сильными мира сего» и содрогаясь перед ними как капиталистическими акулами большого бизнеса, живет, исповедуя на практике не нищенский и не экзистенциалистский, а утилитаристский, бентамовский нравственный идеал. Он эгоистично добивается личного блага, уверяя, что тем самым умножает благо всех людей. В жизни средний буржуа далеко не представляет собой цельную в своем аморализме и цинизме личность.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Немецкой идеологии» подчеркивают, что двуличие — типичнейшая черта буржуазной

⁶² Р. Миллс. Властвующая элита. М., ИЛ, 1960, стр. 463—464.

морали: «Буржуа относится к установлениям своего режима, как еврей к закону: он обходит их, поскольку это удается сделать в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все другие их соблюдали. Если бы все буржуа, всей массой и сразу, стали бы обходить буржуазные установления, то они перестали бы быть буржуа, — такое поведение, конечно, не приходит им в голову и отнюдь не зависит от их желаний и произвола. Распутный буржуа обходит брак и предается втайне нарушениям супружеской верности; купец обходит институт собственности, лишая других собственности посредством спекуляций, банкротства и т. д.»⁶³ Фальшь, лицемерие, торгашеский дух, эгоизм пронизывают все отношения буржуа, отражаются в законодательстве, системе воспитания, семейно-брачных отношениях.

М. А. Энгельгардт обличает лицемерие буржуазной морали: «Способность проливать слезы над возвышенным принципом, которому не следуешь в жизни, а затем спокойно проделывать гадости и на упрек в негодяйстве отвечать с полной искренностью: „какой же я негодяй, когда я уважаю добродетель?“ Это иезуитское отделение возвышенного принципа от низменных дел есть то новое и оригинальное, что внесла европейская цивилизация в историю морали. Никогда раньше подлость не достигала такого законченного, выработанного состояния и никогда она не въедалась так глубоко в натуру человеческую, как в Европе. Никогда и нигде преступление не драпировалось так искусно в мантию добродетели».⁶⁴

Однако разделяя иллюзии народников 90-х годов, Энгельгардт считает причиной разрыва между проповедуемыми нормами и действительным поведением буржуа фатально происходящую, коренящуюся в природе человека эволюцию жестокости.

В действительности источник двойственного характера буржуазной морали — частная собственность и особенность буржуазного отношения к этой собственности.

«Отчуждение» человеческой личности в буржуазном обществе обнаруживается на обоих полюсах, и если рабочий оказывается нищим в буквальном смысле слова, ибо он низводится до положения придатка к машине и становится физически и умственно искалеченным и ограбленным, то буржуа становится нищ духом: он опустошен той единственной пожирающей его страстью, какой является стремление к обладанию. Бертрам Рассел называет это «страстью к стяжательству», но в отличие от марксизма, дающего социальное объяснение этой моральной патологии, Рассел полагает «стяжательство» природным, биологическим импульсом любого человека, подобно голоду или жажде.

Воздействие частной собственности на личность человека, ее уродующее влияние так охарактеризовано Марксом: «Частная

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 168.

⁶⁴ М. Энгельгардт, ук. соч., стр. 181—182.

собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его *потребляем*, — хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения в свою очередь рассматривает лишь как *средство к жизни*, а та жизнь, для которой они служат средством, есть *жизнь частной собственности* — труд и капитализирование.

Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств — чувство *обладания*. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутреннее богатство.

Поэтому упразднение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств. . .»⁶⁵

Из этого следует, что нравственное убожество буржуа неустранимо в условиях буржуазного общества и буржуазного миропонимания. Только порывающий со своим классом выходец из буржуазного общества, переходящий на позиции борьбы с буржуазным строем, может возратить себе духовное богатство личности.

В практике действительных отношений моральные качества буржуа противоречивы, нередко исключают друг друга.

Прежде всего, это следствие системы воспитания. Нравственное воспитание в буржуазном обществе является делом служителей культа.

Если в Италии католицизм и сейчас пронизывает все школьное воспитание, то в США дети могут следовать вере своих родителей, при условии, что они слушают проповеди на собраниях религиозной общины или в церкви и т. п. Запрещается только воспитание в атенстическом духе.

Христианская проповедь любви к ближнему приходит в столкновение с действительными условиями жизни, как только подросток непосредственно с ними сталкивается. Следует почти неизбежно кризис, очень остро переживаемый подростками. Американский психолог-марксист А. Фурст вполне основательно полагает, что в этом социальном конфликте заключен один из источников того необычайно высокого процента нервных заболеваний, которые отличают молодежь в Соединенных Штатах.

Одни преодолевают этот разлад весьма радикально, отбрасывая все, что внушалось в детстве и юности. Другие пытаются найти объяснение противоречивости требований морали и жи-

---

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, стр. 592.

тейской практики, приспособиться к жизни, не поступаясь принципами, согласовать несогласуемое, что приводит к пессимизму, сомнениям, порой самоубийству. Третьи так и живут с душевным надломом, отличаясь непоследовательностью поступков.

Хьюлетт Джонсон точно характеризует этот конфликт, хотя рассматривает его как победу «стяжательского инстинкта» над альтруистическим, а не как результат социальных отношений, обусловленных отношением к средствам производства: «Наша молодежь в начале своего пути проникнута благородными инстинктами, воспитанными семьей и школой. Однако в дальнейшем жизнь притупляет эти более возвышенные инстинкты. Сколько людей, движимых в молодости сильными и благородными побуждениями, забывает их в зрелые годы и совершенно утрачивает в старости. Ими овладевает дух стяжательства.

Приведу один пример. Первые годы моей священнической службы протекали среди сверхбогатых людей. Это были превосходные и по нашим обычным меркам вполне честные люди.

Их сыновья прониклись в закрытых школах сознанием необходимости быть полезными обществу, быть великодушными и справедливыми. Эти юноши по окончании школы обычно начинали работать в семейном предприятии. Что-то в атмосфере его им не нравилось. „Мне противно торговаться из-за гроша, — говорили они мне. — Если бы у меня был небольшой доход, я бы удалился от дел и стал вести жизнь, подобающую джентльмену“. „Какая сумма, по вашему, для этого достаточна?“, — спрашивал я. „Ну, триста — четыреста фунтов стерлингов“, — отвечали они (в 1910-х годах деньги имели иную цену).

Это были молодые люди из хороших семей, образованные, с хорошими манерами, и многие из них очень способные. Они усердно работали, чтобы добиться обеспеченного положения.

Когда эта цель была достигнута, я говорил им: „Теперь у вас такой капитал, что вам обеспечен доход в триста—четыреста фунтов в год. Собираетесь ли вы оставить дело?“ „Разумеется не собираюсь“, — следовал ответ. „Расходы мои увеличились. Теперь мне нужна тысяча фунтов в год“.

Спустя несколько лет я говорил наиболее способным из них, которые сумели к этому времени подняться весьма высоко: „Сколько же вы отложили? Ваш капитал, без сомнения, приносит более тысячи фунтов в год. Собираетесь ли вы теперь удалиться от дел? вспомните, что вы говорили несколько лет назад?“.

В ответ на это они разражались смехом и, пожав плечами, говорили: „Это была всего лишь мечта идеалистически настроенного юноши. А теперь я мужчина, наделенный силой и честолюбием, подобающим мужчине“.

Наиболее способный из этих людей со временем, быть может, будет издавать газеты или займет место в парламенте, дабы дер-

жать в узде идеалистически настроенных юношей, окружающих его и представляющих ныне угрозу ему в его зрелости».⁶⁶

Сложность жизненных отношений, неустойчивость положения среднего буржуа, тем более мелкого буржуа и буржуазного интеллигента, идеологическая обработка, которой он подвергается со стороны прессы, кино, телевидения, литературы; противоречивость идей и мнений, с которыми сталкивает его жизнь; винегрет старых и новых идей, моральных проповедей, жизненных прописей, воспринятых за годы ученья, вносят путаницу, хаос и смятение в душу «массовидного» буржуа, являющегося излюбленным объектом изучения фрейдистов, социологов, институтов общественного мнения.

Для «добродетельного» буржуа, которого в XIX в. в Германии Гейне и Маркс называли филистером, нравственным идеалом был подновленный Кантом и романтизированный буржуазными писателями и поэтами вроде Жана Поля Рихтера религиозно-нравственный идеал реформации: «человек — и червь, и бог». Человек есть не средство, но цель, ибо у него есть «искра божья» — бессмертная душа, в которой, как набат, звучит голос «категорического императива».

Неокантианцы очень кстати пояснили филистеру, что этот самый категорический императив более всего похож на католического исповедника: главное — покаяться в грехах, после чего можно грешить до следующего покаяния.

О нравственном облике филистера с откровенным презрением сказал Гете:

Что такое филистер?

Пустая кишка,

Полная страха и надежды на милосердие божие.⁶⁷

Среднего буржуа отличают стремление к покою, порядку и внутренний консерватизм: он есть явление международное, определенное довольно точно как мещанство. Немецкий филистер, французский рантье, английский джентльмен, российский мещанин, средний американец есть конкретное проявление среднего и мелкого буржуа.

Революционность его испарилась после событий 1848 года, с тех пор, как буржуа воочию увидел революционного пролетария и поспешил «под крылышко» Кавеньяка во Франции и «железного канцлера» в Пруссии.

Буржуа — обыватель, живое воплощение лицемерия буржуазной морали. То, что «сильный мира сего» осуществляет в «мировом масштабе» или по крайней мере в масштабе нации, обыватель осуществляет в быту, в личных отношениях. Облик его мельче, грязнее, гаже: трус, жестокий с теми, кто слабее его или беззащитнее; беспринципный приспособленец, оглушающий

⁶⁶ Х. Джонсон. Христиане и коммунизм. М., 1957, стр. 107—108.

⁶⁷ Гете. Кроткие ксении.

трескучими фразами о гражданском долге, справедливости, чести; тиран в семье, охраняющий ревностно «устой» брака и втайне развратничающий; бессовестный эгоист, сокрушающийся по поводу падения нравов и отсутствия благородства и дружбы между людьми; мелочный и жадный, но превозносящий бескорыстие, «мещанин — существо, ограниченное тесным кругом издавна выработанных навыков мысли и в границах этого круга мыслящее автоматически.

...Пружину, которая приводит в движение колесики мещанских идей, приводит в движение сила тяготения мещанина к покою.

Все молитвы мещан могут быть сведены без ущерба их красноречию к двум словам „Господи, помилуй!“.

Как требование к государству, к обществу и в несколько развернутой форме молитва эта звучит так: „Оставьте меня в покое, дайте мне жить, как я хочу“.

.. А в общем этот „лучший“ гражданин „культурного“ мира совершенно похож на того дикаря, который будучи спрошен миссионером „чего ты хочешь?“ ответил „очень мало работать, очень мало думать, очень много кушать“». ⁶⁸

Мещанин многолик, но всюду его можно узнать: в жителях Гедлиберга, таких добродетельных до тех пор, пока не потребовалось обнаружить элементарную честность, какой не оказалось ни у одного из них; ⁶⁹ в обывателях городка Окурова, ⁷⁰ в «портрете уважаемого человека», ⁷¹ жителя Швейцарских Альп и в «Верноподданном» Дидериксе Геслинге. ⁷² Среди фашиствующей банды «пивных путчистов» он тоже «свой человек» и при Гитлере идет в гору — это Бруно Тихес. ⁷³ В Испании — он опора Франко, в Португалии — Салазара. В южных штатах он в балахоне ку-клукс-клановца ночью, а днем — владелец маленького бара на окраине Нового Орлеана.

В 90-е годы XIX в., после того, как филистер в Германии пережил увлечения Шопенгауэром, Гартманом и Ницше, он потерял жалкие остатки религиозно-нравственного идеала буржуа времен реформации и «славных войн» 1813—1814 гг. Запутавшись в жизни и философии, он стал нигилистом и анархистом, по-прежнему тоскуя по «порядку» и оказывая всюду поддержку тем, кто обещал ему этот «порядок».

Сегодня его культ — доллар, его идеал — комфорт (понимаемый весьма различно, но всегда как нечто связанное с покоем, развлечением и антиинтеллектуальное), а сумма его нравствен-

68 М. Горький. Соч., т. 25, 1953, стр. 18.

69 М. Твен. Соч. в 12-ти томах, т. 11, 1960.

70 М. Горький. Соч., т. 9, 1950.

71 О. Штейгер. Портрет уважаемого человека. М., ИЛ, 1959.

72 Г. Манн. Соч. в 8-ми томах, т. 3, 1957.

73 Кинофильм «Мы вундеркинды», режиссер Курт Гоффман, выпуск Глазкинпроката, 1960.

ных норм сводится к утверждению: «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо», причем человек рассматривается как фрейдистский комплекс инстинктов, разумеется, безо всякой «сублимации», и модному сартровскому выражению: «Бога нет — стало быть все дозволено». Впрочем, последнее лишь на словах, а на деле он по-прежнему верен порядку, сплетням и мелкому разврату. Характер его нравственного бытия, хотя и в мистифицированной форме, но весьма метко выразил немецкий экзистенциалист Хейдеггер в характеристике «повседневного бытия» или «*Maß*»: «В первоначальное совместное друг с другом пребывание проникают прежде всего сплетни. Каждый наблюдает, прежде всего, за другим — как он будет себя вести, что скажет. Совместное пребывание в „*Maß*” вовсе не является равнодушным бытием друг возле друга, а напряженным двусмысленным наблюдением друг за другом, слежкой, тайным взаимным подслушиванием. Под маской „друг для друга” скрывается „друг против друга”». ⁷⁴

Как в непреложной истине, буржуа убежден, что все люди эгоисты от природы: «Не воображайте, что люди двинут хотя бы одним пальцем, чтоб услужить вам, если не будут от того иметь никакой выгоды: этого никогда не бывало и никогда не будет». ⁷⁵

Буржуа в решении всех нравственных вопросов выступает как собственник. Последовательный эгоизм, индивидуализм и стремление к обладанию превращают членов буржуазной семьи в сообщество конкурентов, взаимоотношения которых продиктованы только эгоистичными расчетами.

В этом отношении нет принципиальной разницы между грубым соперничеством, приводящим к преступлениям, в среде российских золотопромышленников (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы; В. Шишков. Угрюм-река), мелким, иссушающим душу подличаньем и душной атмосферой взаимной ненависти внутри французской буржуазной семьи (Ф. Мориак. Клубок змей), внешней респектабельностью, уважением, покорностью, прикрывающими взаимную ненависть или выражающими бессилие и страх в семье английского буржуа (Диккенс. Тяжелые времена; Кронин. Замок Броуди).

Даже в самых крайних проявлениях любви и ненависти буржуа прежде всего — собственник. Его любовь — это чувство, подобное тому, какое Шейлок испытывает к деньгам; его ненависть — это ненависть человека, у которого украли то, что ему принадлежало; радуется и испытывает чувство оскорбления собственник, а не человек (Голсуорси. Сага о Форсайтах).

Женщина буржуазного мира либо жертва, либо хищница и стяжательница; отношения между полами основаны на расчете

⁷⁴ Хейдеггер. Бытие и время. 1927, стр. 174—175.

⁷⁵ И. Бентам. Деонтология. Цитир. по М. Гюйо. Собр. соч., т. I. Спб., 1898, стр. 26.

или грубой чувственности. «Теоретически» эротизм обосновывается пропагандой фрейдизма и абсолютизацией сексуального начала в человеческом поведении.

Прогрессивный буржуазный публицист Р. Миллс с беспощадной откровенностью говорит о том, что «стандарт американской девушки» — это женщина, для которой надменный, всепокоряющий «эротизм стал жизненным призванием... она обладает... дорогостоящей внешностью женщины, уверенной в том, что она стоит дорого. У нее наружность девушки, знающей, что ее судьба целиком и полностью зависит от действия, какое эта наружность может произвести на мужчин определенного типа».⁷⁶

Семейные отношения в современной буржуазной семье настолько обесчеловечены, что у сожительствующих мужа, жены и детей нет никакой духовной близости: «Мой дом...? У нас нет больше домов, у нас есть места где мы спим», — говорит американский студент итальянскому журналисту.⁷⁷

Юноша Холден использует все возможности и предлоги, чтобы подольше не возвращаться домой, где все, кроме маленькой сестренки-школьницы, ему совершенно чужие, и только душевная слабость приводит его на опостылевший порог отчего дома.⁷⁸

Маурицио Феррара, итальянский журналист, проведший несколько лет в США, вскрывает причины распада «благополучной» буржуазной семьи: «В Америке далеко зашел процесс распространения благосостояния буржуазного типа — благосостояние, как самоцель, а не средство индивидуального развития.

Поэтому в средних американских семьях происходит то же, что и в европейских зажиточных семьях: система жизни основывается на комфорте, который превращается в основную необходимость, почти домашнюю философию.

Все более часты случаи, когда семья становится лишь чисто административным кооперативом, где каждый сам по себе, каждый имеет свой „центр“ (университет, клуб, приходская церковь, „ганг“). Телевидение присоединилось к работе по дальнейшему возведению стены молчания среди и так уже слабо соединенного механизма американской семьи.

Эта жизнь «совместная», но вне семьи, без сомнения, порождает преждевременное развитие молодежи. Отсюда травмы, холодность чувств и ума. Семьи обречены на распад еще до появления, потому что у молодежи любовь к семье подчинена идеалу совсем особенной семьи, центр которой уже не очаг или камин с книгами, а буфет с напитками, автомобиль, домашние электроприборы, садик с электрической жнейкой, по возможности моторная лодка — словом весь комфорт, подсказанный журнала-

⁷⁶ Р. Миллс. Властвующая элита. М., ИЛ, 1959, стр. 117.

⁷⁷ М. Феррара. Комфорт и бессилие. Изд. «Молодая гвардия», № 9, 1960, стр. 150.

⁷⁸ Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи. «Иностранная литература», 1960, № 11.

ми. Уже не семья, как незаменимое моральное ядро, является мотивом, связывающим молодые пары, а что-то другое. Мужчина — это тот комфорт, который он может дать своей жене и притом немедленно. . . дома полны всяческих приспособлений, облегчающих работу, но семей становится все меньше и меньше, семейное счастье все более подчиняется финансовой возможности создать его искусственно, покупая как можно больше товаров. Поэтому неизбежно, что в средних американских домах, как в магазине, господствует скука. Поэтому мужья удирают в клуб, жены — в церковь, дети — в какой-нибудь „ганг“, где можно дышать „идеальной“, пусть даже по существу и криминальной атмосферой.⁷⁹

Наконец, своеобразную картину нравственной опустошенности и разложения представляют собой так называемые «прожигатели жизни». В отличие от буржуа-обывателя, «на людях» провозглашающего незыблемость моральных устоев, озабоченного тем, чтобы все выглядело пристойно и не более как на словах жонглирующего «модными» и «страшными» изречениями новейших «философов морали», «прожигатели» делают явным тайное, получают удовольствие от публичных скандалов, так сказать, «демонстрируют» свой аморализм. Их жизненная философия — возрожденная философия римлян эпохи упадка империи или французского двора накануне Великой буржуазной революции: «После нас — хоть потоп».

Французские и итальянские журналисты сделали «подвиги» этих «прожигателей жизни» достоянием широкой общественности. Они составили фактический материал, на котором Федерико Феллини создал фильм «Сладкая жизнь»: вакханалия распутства, всевозможнейшие извращения нормальных человеческих потребностей, «развлечения», аморализм которых граничит с патологией, совершенная моральная деградация личности, наркомания, завершающаяся самоотравлением, алкоголизм, бессмысленные преступления, садизм, или наиболее безобидное — «красивый уход из жизни».

Одним из наиболее «безобидных» увлечений «от пресыщенности» является ажиотаж вокруг «звезд экрана».

Американский либеральный социолог Л. Гурко анализирует эту сторону жизни в Соединенных Штатах Америки: «Личная жизнь кинозвезд оказывает почти такое же сильное влияние на зрителей и для многих болельщиков так же увлекательна и важна, как и сами кинофильмы. Это нечто большее, чем простое любопытство к выдающимся лицам; оно доходит до безумия. Ни один тайный или интимный уголок их повседневного быта не избегает его слепящего прожектора. . . Возникло множество журналов, паразитически наживающихся на жизни актеров и антрепренеров, с которых они взимают постоянную дань. Эти листки,

⁷⁹ М. Феррара, ук. соч., стр. 149.

распространяющиеся огромными тиражами, специализируются на описании наружности, сплетнях, биографических подробностях, детальных сведениях о романах, свадьбах, разводах; они постоянно сосредотачивают свое внимание на самых грубых формах „человеческих интересов”. . . Горе актеру, который откажется пойти навстречу и откровенно рассказать о себе или проявит сдержанность в отношении своих личных дел.

О нем появится отрицательная статья; картины с его участием будут холодно рецензироваться; его могут даже обвинить в самом неблагоприятном поступке — „измене интересам Голливуда”. Результаты такого отношения к артисту могут быть самыми катастрофическими: все прекрасно понимают это, и лишь немногие артисты так смелы, чтобы позволить себе что-нибудь, кроме сладкой улыбки, когда редакторы киножурналов являются получать интервью». ⁸⁰

Отсутствие действительных и действенных нравственных идеалов, бесперспективность и аморализм «тех, кто наверху», и «средних буржуа» приводит к неверию, нигилизму, пессимизму и отчаянным попыткам «найти себя», «проявить себя» и «заявить о себе» в среде буржуазной и мелкобуржуазной молодежи.

В своих заметках о моральной деградации буржуазной семьи уже упоминавшийся ранее итальянский журналист Маурцио Феррара говорит: «Цинизм, который все чаще встречается среди юношей и девушек Запада, получивших изысканное воспитание, является результатом сочетания комфорта и бессилия». ⁸¹

Американские «битники», французские и итальянские «золотые рубашки и черные фуфайки», шведские «краккеры», английские «teddy-boys» в разной мере, но достаточно сходно характеризуют эти настроения.

Еще более угрожающим является рост преступности в среде несовершеннолетних и молодежи: банды молодых гангстеров в Америке, массовая торговля наркотиками («Наркомания детей и подростков — стихийное бедствие, захлестнувшее штаты», — говорится в одном из отчетов комиссии конгресса по борьбе с торговлей наркотиками), убийства, совершаемые «просто так». «для забавы», кражи, насилия, подобно снежной лавине, увеличивающейся в своем падении, растут от года к году: по специальному докладу министра здравоохранения США Рибикова президенту Кеннеди с 1948 г. число молодых людей, подвергшихся аресту и привлеченных к суду за совершенные уголовные преступления, возросло более чем в два раза. ⁸²

Понятны поэтому усилия буржуазных социологов, философов, политических деятелей укрепить веру в непреходящую ценность буржуазных идеалов, возродить некоторые из старых этических теорий и создать новые, которые могли бы способствовать «мо-

⁸⁰ Л. Гурко. Кризис американского духа. М., ИЛ, 1958, стр. 241—242.

⁸¹ М. Феррара, ук. соч., стр. 150.

⁸² «Комсомольская правда», 1961, 13 мая

ральному оздоровлению» или «моральному обновлению» общества.

Английские интуитивисты, французские, итальянские и германские неотомисты выступают с проповедью вечности, вневременности и незабываемости морали: для англичан она есть «непосредственный факт сознания», обнаруживаемый интуитивно, для неотомистов — вечная заповедь, данная богом в откровении. По мнению последних, необходимо вновь со рвением обратиться к богу, и он укрепит пошатнувшиеся устои вечной (чисто буржуазной) нравственности.

Фрейдисты и экзистенциалисты, напротив, утверждают, что аморализм не обусловлен социалью, а есть выражение вечных природных сил человека — игра биологических, подсознательных инстинктов, сдерживаемых внешней человеку силой «давления общества». По временам эти силы давления ослабевают, и «зверь, заключенный в человеке», вырывается на свободу (такова, в частности, по Фрейду, причина второй мировой войны — почему бессмысленно пытаться предотвращать войны, так как «биологию не изменить»).

Давно в Америке звучат призывы дать новые идеалы, которые могли бы вдохновить новые поколения. Уже не раз американские буржуазные публицисты писали, что Америке нужен новый Киплинг, но этих новых идеалов, «новых лозунгов», «творческих идей» нет и не может быть.

Капитализм бесплоден, он изжил себя исторически. Аморализм — закономерное и неизбежное явление империалистической стадии развития капитализма. Еще в конце прошлого столетия французский буржуазный этнограф и социолог Летурно писал: «...Исключительная страсть к деньгам совершенно несовместима с какими бы то ни было возвышенными нравственными стремлениями. Унизительная сама по себе, страсть эта придает нравам вообще характер низости. Народ или племя, для которого она служит главным двигателем, регулятором обычного хода жизни, несомненно находится на пути к разложению: ему угрожает неизбежная гибель, если события или усилия не зараженного меньшинства не изменят общих нравов».⁸³

Не народ, как полагал Летурно, но определенная социальная группа, именно класс буржуазии, охарактеризован здесь с точки зрения его нравственной несостоятельности и не народу, но классу собственников Летурно неожиданно верно предсказал неизбежную гибель.

С отрицанием частной собственности и уничтожением последнего в человеческой истории класса эксплуататоров отрицается и мораль собственников — мораль буржуазная.

Возникнув как выражение защиты интересов личности от феодального гнета, как утверждение ценности человека, провоз-

⁸³ Ш. Летурно. Прогресс нравственности, стр. 65.

гласив «свободу, равенство и братство» людей, буржуазная мораль претендует на реализацию общечеловеческого нравственного идеала.

Однако уже в XIX в. обнаруживается, что ее нравственный идеал не «человек вообще», но «человек-собственник», а защищаемые ею «нравственные отношения» суть отношения собственника, определяемые его эгоистической и индивидуалистической позицией. Это приводит к внутренней противоречивости буржуазной морали, к разрыву теории, пытающейся сохранить видимость «общечеловеческой» морали, и практики, приводящей к последовательной защите эгоистических интересов собственника, к аморализму, как последней форме самозащиты собственника. В этом смысле философия Ницше и практика фашизма есть «последнее слово» буржуазной морали, превратившейся в свою противоположность: ибо теперь она утверждает «безличность» человека, третируя людей как «стадо» и превращая собственника в «сверхчеловека»; она уничтожает все остатки свободы человека, утверждая безграничный авторитаризм собственника; отказывается даже от юридического признания равенства и утверждает изначальность неравенства, обусловленную «биологической неполноценностью» тех, кто составляет «расу рабов», и «особую породу» расы господ, «властвующей элиты». Конечный этап в деградации буржуазной морали находит свое выражение в попытках теоретически обосновать аморализм правящих классов и деморализовать угнетенный эксплуатируемый класс. Подобно скорпиону, буржуазная мораль, погибая, жалит, пытаясь отравить то, что живет.

Пролетарская нравственность

История первоначального капиталистического накопления и возникновения промышленного пролетариата во всем ее трагизме и бесчеловечности рассказана Марксом в «Капитале». Тем, кто сомневается в огромном воздействии на человеческое сознание и поведение нравственного негодования, полезно перечитать страницы, на которых поколения пролетариев учились классово-и, сознательной ненависти к своим поработителям.

Английский рабочий поэт Юэр дал картину этой эпохи в небольшом стихотворении:

Свободны были предки,
Трудились, новь деля,
И урожай богатый
Давала им земля...
Но хищный, жадный джентльмен,
Стяжатель ловкий джентльмен,
Бесспорно честный джентльмен,
Украл у нас поля.
Из деревень свободных
Обманом нас прогнал,

Поставил на заводы,
Здоровье украл, —

Зато текстильщик — джентльмен,
Шахтовладелец — джентльмен,
Банкир и маклер — джентльмен
Теперь богатым стал.⁸⁴

Пролетариат появляется вместе с буржуазией, как ее тень, и впоследствии становится ее могильщиком.

Ограбленные, разоренные крестьяне и ремесленники, вырванные из привычной для них жизни, вынуждены продавать свою рабочую силу мануфактурщику.

Роберт Оуэн в очерках «Об образовании человеческого характера» рассказал историю возникновения текстильного производства в графстве Нью-Ленарк в конце XVIII в.: «Когда фабрикант Дэль решил создать бумагопрядильную фабрику в графстве Ленарк... фабричная деятельность возбудила такое всеобщее отвращение, что только лица, не имеющие ни друзей, ни определенных занятий, ни репутации, решались попытать счастья на вновь образующейся фабрике... Община при таких условиях постепенно падала, каждый делал то, что ему казалось правильным; порок и разврат достигли чудовищных размеров... Долги и болезни еще более увеличивали бедствие...»⁸⁵ Взятые из благотворительных заведений дети «для оплаты издержек на содержание учрежденного для них дома принуждены были работать за станками с 6 часов утра до 7 вечера летом и зимою... Невозможно было ожидать, чтобы 6—8-летние дети, пробывшие за станком на ногах с 6 часов утра до 7 вечера... могли делать успехи в учении... Многие из них сделались карликами телом и умом, другие же вышли совершенно изуродованными. Труд днем и воспитание ночью так опротивели детям, что многие из них беспрестанно убегали...»⁸⁶

Такова картина жизни на фабрике времен промышленных революций в Англии — даже не совсем типичная, так как Дэль был «добрым фабрикантом», старался все делать «к лучшему».

Деморализация вчерашних крестьян и ремесленников в условиях фабричного производства — следствие крушения привычных условий жизни и результат безграничной эксплуатации, отнимавшей у рабочих все время, кроме нескольких минут для еды и нескольких часов для сна.

Английские буржуазные моралисты XVII—XVIII вв. с благородным возмущением описывают безнравственность обитателей рабочих домов, приютов и фабричного люда. Жесточайшими законами, по свирепости разве подобными только тем законам, что рабовладельческое государство устанавливает для охраны собственности рабовладельцев, английская буржуазия принуж-

⁸⁴ Антология английской поэзии. Гослитиздат, 1938, стр. 338.

⁸⁵ Р. Оуэн. Об образовании человеческого характера. М., 1893, стр. 41.

⁸⁶ Там же, ук. соч., стр. 41, 43.

дала разоренных огораживанием крестьян идти на мануфактуры, но даже страх перед виселицей за «бродяжничество» не везде оказывался сильнее, чем отвращение перед трудом на капиталиста.

Однако, по справедливому замечанию Л. Фейербаха, «...моральность зависит не только от моей произвольной деятельности, но также и от внешних благ, от природы, от тела. Добродетель так же, как и тело, нуждается в питании, в одежде, в свете, в воздухе, в жилище. Там, где люди скучены друг с другом, как, например, на английских фабриках и в рабочих жилищах, если только можно назвать жилищами свинные стойла, где людям недостает в достаточном количестве даже кислорода — воздуха (см., Маркс. «Капитал»), там для морали не остается места, там добродетель самое большое — монополия господ, фабрикантов и капиталистов.

Там, где недостает необходимого для жизни, там отсутствует и нравственная необходимость. Основа жизни — это основа для морали».⁸⁷

Ограбленный физически, духовно, обреченный на деморализацию рабочий не видит исхода, не понимает, какая страшная сила высасывает его соки, и принимает за этого Молоха самую фабрику, машины. Первое проявление протеста рабочих — бунт против машин, бунт бессмысленный, безнадежный, но все же протест, а не рабская покорность.

Никакая субъективная добродетельность отдельного капиталиста не может изменить бесчеловечной сущности капиталистических производственных отношений.

Когда Песталоцци в конце XVIII в. в Швейцарии, в Нейгофе попытался создать приют для бедных детей, чтобы учить их, а средства на содержание дети должны были зарабатывать собственным трудом, то в очень короткий срок он был разорен — разорен потому, что не желал эксплуатировать детей, чтобы сделать прибыльным свое хозяйство.

Однако, как правило, капиталист никогда и ничего не делает для рабочих из добрых побуждений, рабочий для него — лишь один из элементов производства и все издержки на его содержание — лишь накладные расходы, которые следует свести к минимуму.

Бернар де Мандевилл высмеивал буржуазную благотворительность, как прикрывающую корыстные интересы правящего класса: «В свободной нации, где рабство недозволено... благосостояние обеспечивается массой трудолюбивых бедняков...»

Чтобы сделать общество счастливым и народ обеспеченное,

---

⁸⁷ Л. Фейербах. Избранные философские произведения, т. I. М., Госполитиздат, 1955, стр. 614—615.

необходимо, чтобы большая часть этих людей были невежественны и бедны».⁸⁸

Но, лишив рабочих всего, капитал уравнивает их, соединяет вместе и рабочие в крошечном аду фабрики познают общие мучения, на всех падающие общие обиды, притеснения, штрафы. Объединенная условиями труда масса, протестуя, обнаруживает в себе неведомую до того великую силу совместного действия.

Труден и долог путь к осознанию общности интересов, к пониманию того, что у рабочего нет иного средства борьбы с произволом хозяина, кроме организации, объединения усилий. Под давлением эксплуатации, в совместном труде, от поколения к поколению утрачиваются прежние частнособственнические, мелкобуржуазные иллюзии, выковывается сознание пролетария. Жестокая школа жизни вырабатывает в среде самого угнетенного, самого бесправного класса новые, неизвестные другим социальным группам нравственные качества.

Первое из них — пролетарская солидарность. И рабы армии Спартака были едины, пока их связывала общая цель; но не успели они ее достигнуть, закрепить свою победу, как различие интересов разобщило их; точно так же и в великих и малых крестьянских восстаниях единство масс было временным, непрочным. Даже спаянная религиозным и национальным единством армия гуситов, выстоявшая против самых сильных и свирепых врагов, погибла в междоусобице, обнаружив резкое расхождение интересов составлявших ее социальных групп.

Буржуазия тоже знает единство лишь на короткий период борьбы за власть: вслед за тем на первый план выступает конкуренция с ее волчьими законами.

Только пролетариат выковывает солидарность свою как могучее оружие в борьбе и как новое, ему присущее нравственное качество.

Пролетарскую солидарность не столько поняли, сколько почувствовали и предвидели Сен-Симон и Фурье. Сен-Симон говорил, что необходимо «поставить человека в такое положение, чтобы его личные интересы и интересы общественные постоянно находились в согласии».⁸⁹ В таком новом социетарном строе человеческие страсти, получающие извращенное развитие при строе цивилизации (капиталистическом), по учению Фурье, будут служить всему обществу: так, страсть соревнования, приводящая к жесточайшей конкуренции, будет способствовать увеличению количества и улучшению качества продукции... И произойдет это потому, что интересы будут общими.

Ф. Энгельс увидел пролетарскую солидарность в Англии и был потрясен ею: взаимопомощь, забота, совместные усилия в борьбе

⁸⁸ Б. де Маидевилль. Опыт о благотворительности и благотворительных школах. Цит. по Н. Д. Виноградову: «Философия Д. Юма» (т. II, М., 1911, стр. 165).

⁸⁹ Сен-Симон. Соч., т. I, М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 115.

за улучшение экономических условий, в борьбе за образование — во всем этом он видел силу нового, могучего оружия рабочих. И прогремевший на весь мир призыв «Коммунистического манифеста» «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!» был выражением пролетарской солидарности.

Братская солидарность проявилась во всех классовых битвах пролетариата: в поддержке немецкими и английскими рабочими героев Коммуны, в забастовках солидарности — этом испытанном оружии трудящихся.

Солидарность, как чувство единства с братьями по классу, стала могучим нравственным мотивом, определяющим поведение, ориентиром, благодаря которому рабочий безошибочно выбирал то, что важнее, — и вместе с тем это всегда было высоко-нравственным.

...Я бы хотел,
Не к чему тут хитрить?
Страшно хотел бы, честное слово!
Золотоглазой девчурке своей подарить
Скромный букетик
Хоть один букетик —
фиалок лиловых.
Я видел, как на улице их продавали.
Я даже приценился
к букетикам жалким.
Но ничего не поделаешь: друзья бастовали
И я отдал им деньги,
отложенные на фиалки.⁹⁰

Осознание своей солидарности, своего единства с коллективом делает бесправного и слабого пролетария могучим и сильным. Рождается доверие к братьям по классу и исчезает доверчивость в отношении к «доброму хозяину», иллюзия, которая стоила стольких жертв рабам и крепостным, иллюзия, от которой пролетарий освобождается только в огне классовых битв.

Еще Сен-Симон и Фурье полагаются на «доброе фабриканта», отражая иллюзии пролетариев, развеянные лишь после событий во Франции в 1831 и 1848 гг. Но уже немецкий социалист-утопист Вильгельм Вейтлинг призывает рабочих к вере в собственные силы: «Не надейтесь на то, что соглашением с вашими врагами вы чего-нибудь достигнете. Ваши надежды только на собственный меч. Всякое соглашение между вами и ними будет только во вред вам. Горький вековой опыт научил вас этому. Пора извлечь пользу из этой науки».⁹¹

Развивается и укрепляется у пролетария чувство человеческого достоинства — того, что безнадежно утратил буржуа, ибо его достоинство не в нем, а в том, чем он владеет: он личность лишь постольку, поскольку он собственник.

⁹⁰ Н. Хикмет. Избранные стихи. М., Библиотека журнала «Огонек», 1950, стр. 22.

⁹¹ В. Вейтлинг. Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть. Спб., б. г., стр. 22.

Пролетарий — личность постольку, поскольку он революционер. Но пролетарий не индивидуалист, его нравственная сила неизмерима и несравнима с тем, что есть «за душой» буржуа, именно потому, что он всегда и во всем ощущает свое единство со своим классом. Он говорит «мы», объединяя свое «я» с миллионами других но не растворяясь в этом «мы», поскольку он сознает свою личную ответственность перед своими товарищами. И гордость его — особенная гордость:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой:
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.⁹²

Сфера нравственных отношений пролетария становится все шире, в то время как сфера нравственных отношений буржуа сужается или становится сферой отношений безнравственных.

Принципиально различно у буржуа и пролетария отношение к труду. Для буржуа, пока он создает, накапливает свой первоначальный капитал, обязанность трудиться выступает как моральная заповедь. Впоследствии под трудом буржуа полагает свои усилия по организации производства для наиболее эффективного «потовыжимания», выколачивания прибавочной стоимости; в этом смысле весьма много и успешно трудился Генри Форд, о чем он рассказал в автобиографии, представляющей пример самовосхваления. Однако новые поколения «трудятся» лишь играя на бирже, предоставив организацию производства специалистам. И, наконец, для буржуа-рантье, для «прожигателя», для члена «властвующей элиты» труд остается лишь в форме стрижки купонов. Он презирает труд и если произносит сентенции о христианской заповеди трудиться, то полагает, что лично его эта заповедь не касается, но полезна для «тех, кто внизу».

В этом отношении наглядным примером является та сфера деятельности корпораций и буржуазного государства, которая получила название политики «человеческих отношений». Эта политика имеет своей целью создание у трудящихся таких искусственных чувств, как «чувство принадлежности» к буржуазному «коллективу», «чувство долга» перед ним, выработку разного рода мер превращения рабочего в послушного и преданного раба капитала. Этой цели служит организация разного рода «объединенных консультаций» и «дружественных» бесед под председательством специалистов в области «социальной психологии», где рабочих пытаются убедить в том, что экономическая конъюнктура монополии и перспективы ее развития требуют от них приложения и даже энтузиазма в труде. Этой же цели служит и «перевоспитание» управленческих кадров, превращение грубых надсмотрщиков в искусных обманщиков — манипуляторов, улы-

⁹² Э. Потье. Избранное. М., Гослитиздат, 1950, стр. 100.

бающихся, вежливых и, что самое главное, стремящихся влезть в душу своих подчиненных.⁹³

Область производственных отношений, в которой скрещиваются интересы буржуа и пролетария, есть «чисто экономическая». Такова она объективно. Однако с нравственной точки зрения отношение буржуа к рабочему всегда аморально, независимо от того, «добрый» он или «злой» хозяин, ибо «секрет» его обогащения в присвоении неоплаченной части труда рабочего.

С тех пор, как Маркс «грабящих прибавочную стоимость за руку поймал с поличным»,⁹⁴ буржуазные экономисты исписали горы бумаги для того, чтобы опровергнуть выводы автора «Капитала». Но слова — не аргумент против фактов.

У рабочего двойственное отношение к труду. В этом трагизм положения пролетария. Труд подневольный, труд иссушающий и калечащий его, труд на хозяина ненавистен ему.

И вместе с тем он любит труд как выражение своей творческой силы, того, что он мог бы сделать, и того, что он создает вместе со своими товарищами. В процессе труда осознает он силу товарищеской спайки, взаимопомощи, он гордится тем, какие великие свершения посильны для коллективного труда.

«Человек умеет работать! Маленький человек, когда он хочет работать, — непобедимая сила! И поверьте: в конце концов этот маленький человек сделает все, чего хочет».⁹⁵

Взаимная выручка, самопожертвование, забота о товарище — эти нравственные качества пролетария вырабатываются именно в сфере производства.

Связь семейно-бытовых отношений с характером отношений, складывающихся в сфере производства, и с отношением к собственности обнаруживается в отличии семейно-брачных отношений в среде пролетариев по сравнению с буржуа.

У буржуа характер бытовых отношений определен собственностью — он и в семье прежде всего собственник.

Пролетарий и в семье труженик. И в семейные отношения труженики — муж и жена — вносят дух солидарности и взаимопомощи. Они равны по своему имущественному положению: оба не имеют собственности. Ни политические, ни корыстные расчеты не имеют силы по отношению к ним. Вот почему «половая любовь может стать правилом в отношениях к женщине и действительно становится им только среди угнетенных классов, следовательно, в настоящее время — в среде пролетариата...».⁹⁶

Чувство солидарности, единство интересов и целей в классово-вой борьбе и половая любовь создают прочные основы брака, и

⁹³ Ю. А. Замошкин. Бюрократизация буржуазного общества и судьбы личности. «Вопросы философии», 1961, № 4, стр. 76.

⁹⁴ В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 6. М., Гослитиздат, 1957, стр. 253.

⁹⁵ М. Горький. Соч., т. 10, 1951, стр. 19, 21.

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 74.

высокая нравственность интимных отношений рабочих выступает разительным контрастом с аморализмом и распадом буржуазной семьи.

Дети — предмет внимания и забот обоих супругов, будущие соратники в борьбе. Моральный долг родителей по отношению к ним — подготовить их к грядущим классовым битвам.

Внимание, забота и любовь к детям, и не только к своим детям, отличает пролетария.

В «Сказках об Италии» М. Горький сумел в истории о детях Пармы показать и силу пролетарской солидарности, и глубину любви трудящихся к детям: «„Кого встречают“? „Детей из Пармы“! Там забастовка, в Парме. Хозяева не уступают, рабочим стало трудно, и вот они, собрав своих детей, уже начавших хворать от голода, отправили их товарищам в Геную.

...Высокий человек в кожаном переднике, с голыми огромными руками, держит на плече девочку лет шести, серенькую, точно мышь, и говорит женщине, идущей рядом с ним, ведя за руку мальчугана, рыжего, как огонь.

„Понимаешь, если это привьется... Нас трудно будет одолеть, а?“». ⁹⁷

Пролетарий — классово-сознательный пролетарий, вопреки всем невероятным тяготам сегодняшней жизни, — настоящий и убежденный оптимист. Он оптимист с тех пор, как создал свою рабочую партию, познал силу международной пролетарской солидарности. Прошедший суровую школу труда и классовых битв пролетарий закален и всегда готов к действиям.

И буржуазный интеллигент со смешанным чувством страха и восхищения лепечет о «железных батальонах партии Бебеля», тут же пытаясь их пролетарскую солидарность и классовое самосознание выдать за проявление «истинно социалистического прусского национализма». ⁹⁸ Или тщится оклеветать пролетариев, изображая их как «недочеловеков», не «созревших для постижения истинной свободы», «не способных мыслить критически и подающихся воздействию стадного инстинкта». ⁹⁹

За всю историю человечества не было до пролетариата класса, представители которого проявили бы большее мужество, стойкость и героизм в борьбе.

Глубокая убежденность в своей исторической миссии придает пролетарию нравственную силу, какой не знала история человечества:

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда.

⁹⁷ М. Горький. Соч., т. 10, стр. 12—14.

⁹⁸ О. Шпенглер. Пруссачество и социализм. М., 1922.

⁹⁹ Таковы рассуждения французских экзистенциалистов.

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей!¹⁰⁰

Для того, чтобы сказать так — мало было быть поэтом. Надо было быть пролетарским поэтом, ибо Эжен Потье сумел выразить в «Интернационале» нравственное величие, исторический оптимизм, боевую солидарность и несокрушимую веру в победу всемирного пролетариата.

Превосходство пролетарской морали над буржуазной отражает направление общественного прогресса. Класс, историческая миссия которого — уничтожение эксплуатации человека человеком, сохраняя лучшие нравственные качества и моральные нормы, выработанные и выстраданные поколениями людей труда, отличается новым, более высоким уровнем нравственности и создает новые принципы морали. Пролетарская мораль — есть начало коммунистической, а коммунистическая — прообраз подлинной общечеловеческой морали будущего.

---

¹⁰⁰ Э. Потье. Ук. соч., стр. 100.

ПРАВСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Развитие общества приводит к постоянному изменению форм производства, общественных отношений людей, духовной культуры. Изменяются и нравственные отношения, нормы и принципы моральной жизни, оценки поведения.

Но является ли это изменение морали прогрессивным в истории человечества? Есть ли поступательность, прогресс в развитии нравственности или каждая эпоха выдвигает только свои неповторимые и несвязанные с прошлым принципы человеческих взаимоотношений? Что именно в отношениях между людьми обречено на отмирание и что будет совершенствоваться и укрепляться в будущем? Имеет ли нравственный идеал, провозглашаемый коммунистической моралью, объективно истинное, общечеловеческое содержание или является выражением преходящих классовых интересов пролетариата? Эти и многие другие проблемы всегда волновали людей, ибо вопрос о прогрессе нравственности связан с определением перспектив развития морали, тенденции в изменении нравственных норм, линии совершенствования отношений между людьми.

Проблема нравственного прогресса имеет несколько различных аспектов исследования.

Историко-социологический анализ нравственной жизни человечества на различных стадиях общественного развития позволяет установить существовавшие в прошлом нравственные отношения людей. Попытку обобщить историю нравственного развития человечества сделали Ш. Летурно¹ и М. Энгельгардт.² В их книгах приведен богатейший исторический материал, свидетельствующий о нравственной эволюции человечества. Летурно интересуется происхождением нравственности, он пытается определить, в какой период социаль-

¹ Ш. Летурно. Прогресс нравственности. Спб., 1910.

² М. Энгельгардт. Ук. соч.

ного и умственного развития она появляется, в силу каких причин складываются у людей чувства, совсем чуждые животным: справедливость, гуманность, сострадание, стыдливость. Но если Летурно убежден, что нравственное развитие человечества приводит к освобождению от звериных инстинктов и привычек, то Энгельгардт выбирает из истории совсем иные факты.

Рассмотрение истории нравственности он подчиняет одной идее — эволюции жестокости. Он убежден, что жестокость является специфической, общей, массовой чертой человечества, биологическим свойством рода, что история человечества — это эволюция постепенного озверения людей. Чтобы получить правильное представление о развитии цивилизации, он предлагает составить статистические исследования о проявлениях зверства людей, каталоги пыток, перечни наказаний и жестокостей, войн, преследований, ограничений и т. д. Иллюстрации этой идеи он и подчиняет свое исследование.

Несмотря на тенденциозность изложения, оно представляет несомненный интерес, ибо воссоздает трагическую историю жизни угнетенного человечества в эпохи классового господства.

Маркс писал по поводу этой предыстории человечества, что *«всякий прогресс духа был до сих пор прогрессом в ущерб массе человечества, которая попадала во все более и более бесчеловечное положение»*.³

Итак, один аспект исследования закономерностей и особенностей нравственного прогресса заключается в изучении истории нравственной жизни человечества. Он позволяет выделить те специфические для каждой эпохи черты нравственности, которые имели особую ценность. Кроме того, на основании такого изучения становится возможным выявить те нравственные качества, которые приобретали общечеловеческое значение, считались необходимым условием бытия во все эпохи существования человеческого общества.

Прогресс является выражением развития нравственности. историчности ее норм, принципов и категорий. В. Н. Колба-новский логически воспроизводит исторический путь, который прошла мораль человечества со времени ее возникновения. Сначала появились в истории человеческого общества практические нормы поведения, которыми пользовались люди для урегулирования своих отношений. Они еще не осознавались обществом как особые, моральные. В дальнейшем постоянное употребление привело к закреплению их в правила человеческого общежития, передаваемые от поколения к поколению, кристаллизованные в виде нравов, обычаев, традиций. На этой основе возникали нравственные чувства и абстрагированные

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 92.

от них определенные принципы, обладавшие силой общественного воздействия. Предельно абстрактными являются этические понятия — категории. «Таково логическое, т. е. освобожденное от многих несущественных деталей и случайностей воспроизведение того исторического пути, который прошла мораль человечества со времени ее возникновения».⁴

В непосредственной связи с историей нравственной жизни находится история этических учений.

Установление линии прогрессивного развития в истории этических учений составляет другой аспект исследования этой проблемы. Конечно, нельзя примитивно вульгарно ставить вопрос: кто выше, прогрессивней — Эпикур или Каутский? Но в истории нравственных идей, в истории теорий, объясняющих факты нравственной жизни, призывающих к определенному типу поведения, несомненно, можно обнаружить линию эволюционного изменения. Какой тип личности считается идеалом, какое поведение добродетельным, какие качества признаются необходимыми, во имя каких целей добывается человек совершенства — все эти проблемы характерны для истории нравственных идей.

Сама идея общественного прогресса всегда была центром идеологической борьбы. В зависимости от объективного хода истории и положения класса решался вопрос о его будущем. Поэтому, помимо основного деления на материалистическую и идеалистическую линии в философии, в вопрос о прогрессе всегда включалась оптимистическая или пессимистическая оценка перспектив развития.

Теории нравственного изменения тесно связаны с представлениями о развитии общества в целом. Наиболее очевидно это при сопоставлении различных концепций общественного и нравственного прогресса.

Английский философ XIX в. Г. Спенсер выдвинул идею исторической эволюции, где дальнейшее развитие общества представлялось как автоматический, самопроизвольный процесс. Это соответствовало интересам буржуазии, объявлявшей капитализм конечной целью исторического развития. Тесно связанной с его идеей общественного развития была эволюционная теория нравственности. Он рассматривал нравственность как врожденное свойство человека, природу которого составляют инстинкты, утверждая, что будущее развитие должно сделать нравственность рефлекторной, бессознательной, инстинктивной, что моральный прогресс совершится с той же необходимостью, что и прогресс, управляющий развитием животных.

Человек-автомат, снабженный готовыми решениями на все

---

⁴ В. Н. Колбановский. Категории марксистской этики. Сб. «Лекции по марксистско-ленинской этике». МГУ, 1960, стр. 66.

случаи жизни, объявлялся им идеалом человека в будущем. Наследственность, по его мнению, совершит чудо, люди будут рождаться и умирать добродетельными.

Заблуждения Спенсера заключались в том, что он механически перенес теорию Дарвина на общественные отношения людей. Его эволюционная теория предполагала на самом деле мир, остановившийся в своем развитии. Однако она была попыткой материалистического объяснения развития нравственности и относилась к теориям нравственного оптимизма, справедливо подчеркивая устойчивость нравственных норм.

Немецкий реакционный философ Ф. Ницше пессимистично расценивал развитие нравственности. Он сожалел об утрате обществом идеалов жестокости, ненависти к людям, презрения и вражды. Усиление чувства солидарности, сострадания, уважения, самопожертвования, считал он, ведет человечество к нравственному упадку. Ницше зовет к культуре сильной личности, восстающей против общества во имя узко эгоистических, корыстных целей собственного возвышения. Всей полнотой жизни может пользоваться только кучка сильных, жестоких и властных людей. Ницше выразил идеологию крайне реакционной буржуазии, стал глашатаем зарвавшегося индивидуализма и эгоизма, презрения к другим народам.

Русского писателя и философа Л. Н. Толстого глубоко волновали перспективы нравственного развития человечества. Он явился выразителем нравственного протеста против деспотичности самодержавия, искренне верил в возможность улучшения нравственной жизни людей. Но в качестве пути изменения нравственности он предлагал глубокое развитие христианской совести, подавление эгоизма, самоотречение и любовь к ближнему, смирение и непротивление злу насилем. Своим философским героем в романе «Война и мир» он делает Платона Каратаева. Толстовское непротивление злу насилем и нравственное самоусовершенствование возводилось толстовцами в идеал человеческого поведения.

Толстой был идеалистическим оптимистом, он верил в добрые чувства людей, видел в народе источник прогрессивного развития нравственности. Но его оптимизм полон противоречий русской действительности XIX в., мечтательности, полигической незрелости и мягкотелости русского интеллигента.

Последний период капитализма привел к полной потере перспектив и целей в развитии общества. Капитализм не имеет объективной возможности для реализации прогрессивных нравственных идеалов (гуманности, взаимопомощи, равенства и т. д.). Скептицизм, разочарование, неуверенность отразились в позициях американских деятелей, высказавшихся в дискуссии, проведенной журналом «Лайф» в 1960 г. по поводу национальных целей Америки. Расточительный образ жизни, духовная нищета, жульничество, индивидуализм способствовали

тому, что многие американцы потеряли чувство исторической перспективы, утратили целеустремленность в осуществлении общественных целей.

Известный американский журналист У. Липпман, участвовавший в этой дискуссии, признает, что у Америки отсутствует всеобщая и вдохновляющая национальная цель. Цели, поставленные в прошлом, не соответствуют изменившимся условиям, не мобилизуют энергии американцев. Нужны новая политика, новая программа, новые средства и новые люди, чтобы разбить разочарование и равнодушие американцев. Он сравнивает Америку с человеком на распутье: «Мы ждем, — пишет он, — что нам будет показан путь в будущее».⁵

Американский писатель У. Фолкнер спрашивал: «Что случилось с американской мечтой? Не слышно более звуков единого мощного голоса, выражающего нашу надежду и волю. То, что мы слышим сейчас — это какофония ужаса, примирения и компромисса, пустая болтовня, громкие слова — „свобода, демократия, патриотизм“, из которых мы выхолостили всякое содержание».⁶

Макс Лернер,⁷ американский буржуазный социолог, пишет о моральном вакууме, о нравственной дезорганизации в буржуазном обществе. Вместо старой морали выдвинут новый код «высшей морали» (*funmoral*), который возводит в абсолют распущенность, нигилизм, отрицание идеалов. Это «обнаженная» мораль: для ее утверждения нужно вернуть человеку все его эгоистические, животные привычки. Нельзя загонять эмоции внутрь, что якобы делала старая мораль, нужно дать им выход в драках, убийствах, сексуальных, эротических фильмах, возбуждающих напитках и танцах. На службу этой «новой» морали поставлены все средства общественной связи: реклама, кино, книги.

Все приведенные теории не могли дать научного обоснования прогресса нравственности, не показали действительных перспектив развития нравственных отношений людей. Они игнорировали объективное развитие общества, рассматривая нравственность как врожденное свойство человека или абсолютизируя одну из ее сторон. Эти теории конструировались по типу «вечных» истин, исходили из идеалистических и метафизических позиций.

Для марксизма, как идеологии революционного класса, всегда был характерен исторический оптимизм. Он базируется на диалектико-материалистическом анализе действительной жизни — в первую очередь области материального производства. В. И. Ленин считал развитие производительных сил высшим критерием общественного прогресса. Но совершенствована-

⁵ Э. Багграмов. В поисках идеалов. «Правда», 1961, 22 марта.

⁶ Там же.

⁷ M. Lerner. *America as a Civilization*. N Y., 1957.

ние производства ведет к изменению самого человека, приводящего производство в действие, к изменению его социальных отношений, материальных и духовных потребностей. В ходе этого изменения совершенствуются отношения человека к природе, отношения между людьми в обществе, отношения между личностью и обществом. Линия общественного прогресса идет по пути увеличения свободы человека, господства над природой и над собственными социальными отношениями. Прогрессивное развитие содействует освобождению человечества от порабощения природными и социально-экономическими силами, от духовной неразвитости.

Марксистское понимание прогресса учитывает существование различных линий прогрессивного развития и исследует их во взаимосвязи. Каждая из сфер общественной жизни имеет свои особые специфические закономерности и критерии прогрессивного развития. Но в конечном счете все они тесно связаны с основным, главным критерием общественного прогресса в целом. Прогрессивно то, что способствует основному направлению развития общества, что способствует замене старого, отживающего строя новым и укреплению нового строя.

Не надо много слов, чтобы доказать прогресс материальной культуры, техники, науки, социальных и производственных отношений людей.

Более сложно определить прогресс в области духовной культуры, политики и идеологии, морали и права, искусства. Нам предстоит рассмотреть основные черты прогрессивного развития нравственности, выяснить тенденцию этого развития.

Марксистская философия, анализируя объективное развитие жизни общества, научно обосновала теорию нравственного прогресса человечества.

Энгельс писал, что «в морали, как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем и целом наблюдается прогресс».⁸ Это позволяет нам выделить в понятии прогресса две стороны.

Нравственный прогресс существует как объективная тенденция в развитии общественной жизни. Она не зависит от познания, а осуществляется в ходе объективного развития действительности, является научным отражением объективных процессов нравственной жизни.

Понятие нравственного прогресса выражает этическую оценку, мерилу, которое позволяет нам осудить или одобрить нравственные отношения и поступки людей. Многие буржуазные этики делают идеалистическую ошибку, сводя содержание прогресса только к этической оценке. Они отрывают идею от тех реальных, объективных отношений, которые выражают в действительности тенденцию нравственного изменения. В силу

---

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 96.

этого они приходят к выводу о произвольности оценок и объявляют прогресс иллюзией, определенным, целиком зависящим от вкусов и интересов личности.

Характерно высказывание американского социолога Питири-ма Сорокина: «Теории прогресса со своей оценкой того, что хорошо и что плохо, того, что прогрессивно и что нет, могут выражать только субъективные предпочтения их авторов и ничего больше».⁹

Понятие нравственного прогресса является сложной этической категорией. В нем сочетается возможность объективного исследования тенденции изменения нравственных отношений людей с оценкой этих отношений с позиций того класса, интересы которого выражает исследователь. Поэтому часто понятие нравственного прогресса оказывается затемненным этими интересами, а объяснение нравственной жизни поставлено в прямую зависимость от мировоззрения, идеологии, отношения к перспективам общественного развития, которые составляют идейные убеждения автора. Это особенно хорошо видно, если обратиться к исследованиям современных буржуазных этиков.

Идеолог современных правых социалистов Кроссман утверждает, что нет никакой продолжающейся вверх линии общественного прогресса, так как нормальное состояние человека — рабство, ибо он всегда остается животным, склонным делать больше зло, чем добро, и потому человек всегда остается врагом другому человеку: «Такой вещи, как моральный прогресс, не существует. Гораздо больше можно сказать в пользу христианской доктрины первородного греха, чем... в пользу марксова видения бесклассового общества».¹⁰ По его мнению, увеличение концентрации власти в форме ли технического развития или социальной организации, всегда будет производить эксплуатацию.

Истинно научное определение понятия нравственного прогресса возможно только с позиций революционного класса, заинтересованного в объективно правильном познании действительности. Ф. Меринг писал: «... этическая оценка лишь в тех случаях становится исторической и политической силой, когда опирается на свое социальное происхождение; когда этическая оценка претендует на „телеологическое дополнение“ причинного „хода вещей“, вес ее не превышает веса плывущего в эфире перистого облачка».¹¹

Итак, во-первых, понятие нравственного прогресса не является субъективно произвольным, а отражает объективные тенденции нравственной жизни общества, существующие неза-

⁹ P. Sorokin. Les theories sociologiques Contemporaines. P., 1938, p. 533.

¹⁰ Crossman. The Idea of Progress and Fallacy of Materialism. New Fabian Essays. L., 1952, p. 10.

¹¹ Ф. Меринг. Неокантианцы. В кн. «Марксистская этика». Госполитиздат, 1961, стр. 245.

всимо от того, выработали люди понятие прогресса, познали направленность, перспективу развития реальных нравственных отношений или нет.

Во-вторых, понятие нравственного прогресса является оценочным определением и возникает в человеческом сознании как отражение объективной реальности. Оно может быть объективно истинным, научным, правильно отражать объективное развитие действительности. Такое понятие нравственного прогресса возможно на основе материалистического понимания закономерностей общественной жизни. Но понятие нравственного прогресса может быть ложным, идеалистическим, реакционным. Поэтому так важно различать нравственный прогресс как объективное движение общественной жизни и понятие нравственного прогресса как определенной формы познания действительности.

Чешский философ Я. Энгст, определяя понятие прогресса, писал, что «оно может относиться только к тому, что объективно существует. Только опираясь на само объективное развитие общества можно дать объективно истинное определение того, что есть прогресс».¹²

В-третьих, выработка понятия нравственного прогресса зависит от социально-экономического положения класса, заинтересованного в правдивом и научном познании закономерности развития общества. Поэтому будет неверным утверждать, что такая заинтересованность существует только у пролетариата. Каждый революционный класс, осуществляя преобразование общественных отношений, был заинтересован в укреплении новой морали.

Правда, это не всегда совпадало с научным объяснением прогрессивного изменения. Такое соединение объективной тенденции нравственной жизни, научной обоснованности морального прогресса, заинтересованности пролетариата и прогрессивного человечества в укреплении новых нравственных норм происходит только в марксистской коммунистической этике.

В-четвертых, познание перспектив развития нравственности способствует активному изменению человеческих отношений, свидетельствует об увеличении роли субъективного фактора в развитии общества.

В чем же заключается *объективный источник* прогрессивного развития нравственности?

Разные философы и писатели по-своему подходили к решению этого вопроса, называя его понсками «истинной природы» человека.

Французский писатель Веркор в ряде романов размышляет по поводу специфических человеческих качеств. В романе

¹² Я. Энгст. Ук. соч., стр. 225—226.

«Могущество света» он приходит к выводу, что человека делает человеком неустанная борьба против врага. Зло в лице врага он называет «Тигром». Это может быть «бесстрастная и беспредельная тирания» стихийных сил природы, это холод, рак, убийцы, но это также наша слабость, наше ослепление, наши животные инстинкты. В борьбе против этого и заключается величие человека. Тот, кто отступает, переходит на сторону врага или в стан равнодушных, тот предает человечество. Поиски человеческой сущности продолжает Веркор и в философском романе «Люди или животные?». Он видит отличие человека от животного в характере отношения к природе: «Животное продолжало бездумно подчиняться природе, человек же вдруг начал ее вопрошать. Для того, чтобы мог произойти этот *переход от пассивной бессознательности к вопрошающему сознанию* (курсив наш. — С. И.) необходим был раскол, разрыв, необходимо было вырваться из природы».¹³ Животным неведомо их собственное невежество, сущность же человеческого заключается в активном, творческом, вопрошающем сознании. Человек способен ужасаться собственному незнанию, но в этом красота человека. «Честно именоваться человеком надо еще завоевать, и это звание приносит не только радость, но и горе. Но ни за какие блага мира я не променяю на их бездумное существование ни этого страдания, ни даже этого ужаса».¹⁴

Конечно, трудно считать определение Веркора научно обоснованным, но несомненно, что оно обогащает представление о нравственном прогрессе, о линии совершенствования человеческого в человеке. Оно вскрывает некоторые черты тенденции нравственного развития. Пытаясь найти сущность человека, философы обычно возводили в абсолют одну из черт нравственной жизни, выдавая ее за вечную и неизменную, вырывая само существование личности из всей совокупности общественных отношений.

Такая абстрактно-идеалистическая постановка вопроса не могла быть признана научной. Но сама проблема раскрытия в процессе познания человеческих отношений действительной сущности личности является крайне интересной и важной.

Ключом к познанию истинной природы человека служит положение Маркса о том, что сущность человека есть совокупность общественных отношений. Действительно, если прогресс общества выражается в смысле общественно-экономических формаций, то и нравственный прогресс должен быть связан с этим процессом. Только эта тенденция в развитии нравственности может быть признана объективной. Если это так, то содержание нравственного прогресса нужно искать не в отвлечен-

¹³ Веркор. Люди или животные. М., ИЛ, 1957, стр. 19.

¹⁴ Там же, стр. 21.

ченных понятиях гуманизма, свободы, наслаждения, а в сущности тех производственных отношений, которые определяют новую нравственность.

Производственные отношения могут быть названы объективной основой нравственности. Само понятие производственных отношений включает в себя определенный моральный аспект. Такие понятия, как взаимопомощь, сотрудничество или господство и подчинение, выражая существо сложившихся экономических отношений, характеризуют в самом общем виде и нравственные взаимоотношения в обществе. С другой стороны, нравственные отношения сотрудничества и взаимопомощи могут получить гарантию их соблюдения только при господстве экономических отношений социализма. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» раскрыл связь нравственных и производственных отношений. Он показал, как сами экономические отношения капитализма порождают враждебность человека к производственной деятельности, составляющей основу жизни общества, и вследствие этого возникновение враждебных отношений друг к другу, проявляющихся в росте классовой борьбы.

Анализируя проблему отчуждения, Маркс показал, что в капиталистическом и во всяком ином антагонистическом обществе у трудящегося человека отнимается его сущность путем бесчеловечной эксплуатации и человеческая жизнь низводится до уровня животного существования. Самым главным условием жизнедеятельности человека является возможность трудиться. Благодаря труду образуются и общечеловеческие связи людей, социальная потребность друг в друге. Но в процессе труда отношения между людьми могут сложиться так, что из жизненной потребности, доставляющей радость и удовлетворение, труд становится печальной обязанностью, к которой человек относится враждебно. Это происходит тогда, когда продукт труда не принадлежит работнику или обществу в целом, а присваивается собственником, не участвующим в труде, но обладающим капиталом как возможностью покупать чужой труд. «В результате получается такое положение, — пишет Маркс, — что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному».¹⁵

Итак, производственная жизнь, которая составляет сущность общественной жизни человека, превращается лишь в

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 564.

средство для сохранения физического существования. Или, как пишет Маркс, «сама жизнь оказывается лишь *средством к жизни*».¹⁶

В этом отделении сущности человеческого бытия Маркс видел величайшую трагедию, порожденную частной собственностью: «Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является *отчуждение человека от человека*. Когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит *другой человек*»,¹⁷ т. е. отчуждение как определенное отношение человека к процессу труда проявляется в его отношениях к другим людям. Чуждым существом, которому принадлежит труд и продукт труда, является другой человек. Поэтому отчуждение, сложившееся в процессе труда, распространяется и на все нравственные отношения и оценки людей. Все бытие человека, все его потребности и интересы сводятся к общему знаменателю — приобретению капитала, обогащению. Собственность, капитал буржуа объявляет единственной ценностью, ибо, с его точки зрения, благодаря капиталу он приобретает всемогущество: любовь, уважение, власть можно купить.

Стремление к восторженному развитию личности и ее способностей лишается смысла, все индивидуальные качества и достоинства человека как человека могут быть успешно заменены счетом в банке, «деньги осуществляют братание невозможностей; они принуждают к поцелую то, что противоречит друг другу».¹⁸

Поэтому подлинный идеал буржуазной политэкономии «это — *аскетический, но занимающийся ростовщицеством скряга и аскетический, но производящий раб*... Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупашь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т. д., тем больше ты *сберегаешь*. тем *больше* становится твое сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем, — твой *капитал*».¹⁹

Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше твои духовные интересы, чем больше времени и сил тратится на приобретение, на обладание имуществом, тем ты моральнее. Но это означает, что человек утверждает себя не через реализацию своих истинно человеческих возможностей, не через раскрытие своего духовного многообразия, а через внешнее проявление человеческих отношений, через постороннее человеческому существованию — через деньги, через обладание вещью. Нрав-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 565.

¹⁷ Там же, стр. 567.

¹⁸ Там же, стр. 620.

¹⁹ Там же, стр. 602.

ственные отношения приравниваются к вещным. Так завершается отчуждение человеческой сущности при капиталистических производственных отношениях.

Ликвидация частной собственности является первым этапом ликвидации отчуждения, ибо сохранение заработной платы означает, что «самый труд выступает не как самоцель, а как слуга заработка».²⁰ Труд еще не осуществляется ради самого труда. Поэтому на первой стадии коммунизма сохраняются многие нравственные пережитки отчуждения труда — недобросовестность, рвачество, погоня за длинным рублем, халатность. На этой стадии еще существуют тяжелые виды трудовой деятельности, сохраняются различия между умственным и физическим трудом. Но главная сторона отчуждения — капиталистическое присвоение — канула в Лету. Производитель, работник стал хозяином своего производства, все произведенное общественное богатство принадлежит ему. Это существенным образом меняет психологию человека, его нравственное сознание, развивает в нем чувство хозяина, вызывает заинтересованность в труде чувство гордости и рабочей чести. «... возникшее общество, — пишет Маркс, — производит, как свою постоянную действительность, человека со всем этим богатством его существа, производит *богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях* человека».²¹

Отношение к труду становится одним из критериев оценки нравственного поведения человека. На основе новых взаимоотношений в труде складываются и истинно человеческие чувства. Каждое из них является проявлением личных способностей и заслуг человека. Оценкой трудовых заслуг человека перед обществом являются почет, уважение, а не его имущественное достояние. Принципами поведения в обществе провозглашаются гуманные отношения и взаимное уважение между людьми. Именно такие отношения людей являются выражением истинного гуманизма, настоящего раскрепощения личности, освобождения ее от всех форм гнета. Коммунизм представляет объективные возможности для осуществления истинного гуманизма, для раскрытия действительной сущности человека, развития и совершенствования всех человеческих чувств. «Такой коммунизм, как *завершенный натурализм, = = гуманизму...*; он есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком...».²²

Таким образом, объективную основу нравственного прогресса составляет природа экономических отношений, характеризующих данный общественный строй. Это позволяет сделать вывод, что гуманистическая природа коммунистических обще-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 570.

²¹ Там же, стр. 594.

²² Там же, стр. 588.

ственных отношений делает их и моральным идеалом, что в самом объективном развитии общества, в самом ядре общественных отношений, определяющих существо формации, имеются такие стороны, которые не могут порождать иных нравственных отношений. Как могут осуществляться экономические отношения коммунизма, если не в форме сотрудничества и взаимопомощи, выражающих не только политико-экономическую, но и нравственную характеристику отношений людей? Именно это определяет объективный характер нравственных идеалов различных эпох. Нам кажется странной позиция чешского философа Я. Энгста, который разделяет китайской стеной общественные отношения и присущие им нравственные качества. Энгст слишком абсолютизирует противоположность материального и идеального, правомерную лишь в рамках решения гносеологического вопроса. Он обвиняет в объективном идеализме тех, кто утверждает, что носителем морального качества может быть принят также социалистический общественный строй, в отличие от капиталистического, общественно-экономические отношения взаимного сотрудничества, в отличие от отношения эксплуатации, и заявляет: «В действительности, однако, общественно-экономические отношения сами по себе не являются носителем морального качества, а то, что мы приписываем им моральное качество, является результатом нашей моральной оценки, приписыванием нами им морального качества только *ex post*».²³ Это и служит Я. Энгсту основанием для обвинения некоторых авторов в объективно-идеалистической интерпретации явлений нравственной жизни.

Но дело заключается как раз в том, что сами по себе общественные отношения, существующие объективно, являются и экономическими, и политическими, и нравственными. Производственные отношения нельзя считать только экономическими. Они одновременно и нравственные, без чего их характеристика будет неполной.

С другой стороны, Энгст сводит понятие нравственного качества только к идейным отношениям, выраженным в форме моральной оценки. Это является определенным сужением нравственности, включающей в себя как практические нравственные отношения, так и моральные оценки, идеи, взгляды. Моральная оценка, конечно, не входит в понятие общественных отношений, но является продуктом, отражающим в сознании людей и идеологов существующие объективно нравственные отношения. Без такого обоснования она будет произвольной и субъективной.

И, наконец, нельзя говорить, что только общественные отношения социализма, в отличие от капиталистических, являются

---

²³ Я. Энгст, ук. соч., стр. 85.

носителями нравственного качества. Нравственные отношения входят в состав общественных отношений любого общества, но при этом являются качественно различными. Качественное различие их объясняется как раз изменением общественно-экономических отношений, определяющих природу нравственных явлений, а не разнообразием оценок.

Таким образом, объективное обоснование нравственных идеалов эпохи находится в существующих общественно-экономических отношениях. Предметом нравственного идеала в них становится та сторона, которая обеспечивает развитие и совершенствование нравственных отношений между людьми.

После того как выяснен источник и критерий нравственного прогресса, необходимо остановиться на основных чертах, составляющих его содержание, определяющих тенденцию прогрессивного развития нравственности.

История развития нравственности есть история постепенного раскрытия личности в человеке. Раб не был личностью для рабовладельца, крепостной — для феодала, негр не является личностью для расиста, женщина — для мусульманина, представитель неарийской расы для фашиста. Человек и личность — разные понятия. Советский философ В. П. Тугаринов указывает: «Человек есть носитель качества, признака личности, а личность — свойство человека».²⁴ Нравственный прогресс определяется увеличением нравственных обязанностей и возможностей, предоставляемых обществом каждой личности. Луначарский писал, что последняя цель коммунизма — есть высшее развитие богатства, т. е. наибольшего развития всех заложенных в человеке способностей — умственных, художественных, жизненных.²⁵ Чем большее число людей вовлекается в активную общественную деятельность, чем выше роль и ответственность каждого человека не только за собственные поступки, но и за общественные события, тем прогрессивнее нравственное состояние общества.

Нередко, говоря о том, что коммунизм дает человеку неограниченные права, умалчивают о тех огромных обязанностях, которые связаны с ростом возможностей и свободы личности. Необходимо подчеркивать гуманистическую природу моральных обязанностей человека, которые, увеличивая его ответственность в делах общества, делают его полновластным хозяином.

Прогресс нравственности связан с укреплением человеческой солидарности на основе гармоничного сочетания личных и общественных интересов. Долгое время эти две сферы человеческой жизни считались противоречащими друг другу. Кроме

---

²⁴ В. П. Тугаринов. Коммунизм и личность. «Вопросы философии», 1962, № 2, стр. 16.

²⁵ А. В. Луначарский. О народном образовании. Учпедгиз, 1958, стр. 274.

того, солидарность не могла быть полной, пока существовал антагонизм классовых, сословных, национальных, расовых противоречий. Солидарность ограничивалась существованием противоречий между умственным и физическим трудом, городом и деревней. В действительности человек всей своей жизнью и поведением связан с другими людьми. Маркс писал, что индивидуальная и родовая жизнь человека не являются чем-то различным, что они взаимно дополняют друг друга. Разделение их является следствием социальных отношений антагонистического общества и должно исчезнуть с ликвидацией социальных антагонизмов.

Нравственное совершенствование предполагает не только разносторонность и полноту развития самой личности, но и гармоническое сочетание индивидуальных и коллективных интересов. Конечно, это не означает подавления, растворения творческой индивидуальности каждой личности в коллективе.

В Программе КПСС принцип коллективизма «один за всех, все за одного» дополняется требованием товарищеской взаимопомощи, гуманных отношений и взаимного уважения между людьми, когда «человек человеку — друг, товарищ и брат». Коллективу даны большие права. Но это накладывает на коллектив и большую ответственность за принятые решения, обязывает к чуткости и доброжелательности при оценке поведения человека.

Проявлением мещанской идеологии является требование нивелировки интересов, уничтожения индивидуальных различий. Не подавление, а расцвет индивидуальности — лозунг коммунизма.

Унылое однообразие и ограниченность интересов, подавляющие человека, превращающие людей в строй оловянных солдатиков и порождающие атмосферу взаимной подозрительности, озлобленности и отчужденности, — излюбленный образ будущего общества, с точки зрения клеветующих на человечество буржуазных фантастов и социологов. Идеологи коммунизма, напротив, подчеркивают атмосферу радостного настроения, небывалого роста духовных потребностей и яркость каждой индивидуальности как характерные черты общественной жизни будущего. А это возможно при гармоничном сочетании личных и общественных интересов: «Если бы даже при известных общественных отношениях каждый индивид был отличным живописцем, то это вовсе не исключало бы возможности, чтобы каждый был также и оригинальным живописцем».²⁶

Следовательно, истинными, прогрессивными будут те отношения, которые способствуют укреплению связей личности и общества, цементируют между собой эти два необходимых элемента существования человечества. Гармоническое сочета-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 393.

ние интересов проявляется в том, что человек чужд эгоистических побуждений освободить себя от обязанностей перед обществом, которое дает ему возможность жить, а общество способствует расцвету и проявлению лучших способностей человека.

О. Берггольц²⁷ вспоминает об индийском учении о двух путях, которые должен пройти человек в жизни: путь выступления и путь возврата. На пути выступления он находится в тех своих личных границах, куда заключена только часть единой жизни. На этом пути он живет жаждой захвата, жаждой «брать» для себя, для своего племени, для своего народа.

На пути возврата теряются границы его личного и общественного «я» и все более растет жажда «отдавать» взятое у природы, у людей, у мира. В этом слиянии двух путей и состоит подлинное существование человека. Человек никогда не должен устать брать и отдавать, но стремление отдавать взятое должно преобладать. Индивидуализм, эгоизм, себялюбие, жизнь исключительно ради своих интересов не могут считаться прогрессивными чертами нравственности.

Э. Хемингуэй выносит приговор индивидуализму словами умирающего Гарри Моргана: «Человек один не может. Нельзя терпеть, чтобы человек один. Все равно человек один не может ни черта... потребовалась немало времени, чтобы он выговорил это и потребовалась вся его жизнь, чтобы он понял это»,²⁸ — заключает автор.

Итак, содержание нравственного прогресса в основных чертах определяется *увеличением роли и ответственности каждого человека во всех сферах общественной и индивидуальной жизни, таким изменением нравственных обязанностей и возможностей каждой личности, которое обеспечивает ей всестороннее развитие, утверждением в отношениях между людьми истинного гуманизма, укреплении человеческой солидарности на основе гармоничного сочетания личных и общественных интересов.*

Необходимо также указать на ряд признаков, свидетельствующих о прогрессе в области нравственности.

Важным показателем нравственного развития является степень соответствия морального сознания и практического поведения людей. В буржуазном обществе моральный кодекс христианства объявляется нравственным идеалом, а фактически он используется для прикрытия самых вероломных поступков против человека и человечности. Действительная нравственная жизнь не соответствует проповедуемым идеалам. Всякие представления о честности, порядочности, моральной

²⁷ О. Берггольц. Дневные звезды. М., «Советский писатель», 1961.

²⁸ Э. Хемингуэй. Избранные произведения, т. 2. Гослитиздат, 1959, стр. 426.

чистоте в реальной жизни оказываются неприемлемыми и потому объявляются устаревшими и старомодными.

Американский социолог Вайнберг, исследуя причины преступности в США, приходит к выводу, что лицемерие, продажность официальных лиц дурно влияет на молодежь. «Многие преступники понимают цинизм, бесчестность и коррупцию некоторых высокопоставленных официальных лиц. Они понимают, что это люди, „которых мы знаем“, но не то, „что мы о них знаем“, что они есть на самом деле, ибо „все есть рэкет“». Другой социолог Баррон утверждает, что цели преступников и не преступников одинаковы: «Успех, престиж, положение, популярность, досуг и власть — только эти две группы используют различные средства для достижения этих целей».²⁹

Чтобы оправдать такое различие между проповедуемой моралью и реальным нравственным уровнем, американский философ и публицист Эрвин Гоффман изобрел теорию «социальной роли». Подобно тому, как есть задний двор ресторана, отеля, телестудии и театра, где подготавливается представление, которое может выглядеть перед зрителями стройно, красиво, добропорядочно и возвышенно, хотя на самом деле его участники — равнодушные, часто грязные люди, так и в поведении личности якобы существуют эти два несовпадающих плана. Во внешнем поведении, в присутствии других человек возбуждает в себе желание казаться лучше, чем он есть, играет определенную роль и производит своим искусством впечатление искренности. На самом деле — это только маска его грязных, низменных намерений.³⁰ О том же поучает весьма популярная в США книга Карнеги Дейла, разошедшаяся в 5 млн. экземпляров, обучающая искусству «приручения людей», построенному на лицемерных, фальшивых отношениях.³¹

Иначе обстоит дело в социалистическом обществе. Это подтверждают ответы на анкету «Что ты думаешь о своем поколении?», проведенную «Комсомольской правдой» в 1961 г.

По данным опроса, 17 446 человек называют десять сильнейших черт поколения: патриотизм и любовь к родине, преданность партии и идейность, волю, мужество, правдивость, стойкость, героизм, стремление к знаниям, трудолюбие, веру в коммунизм, коллективизм, активность, чувство нового, стремление к миру.

97 человек из каждой сотни имеет перед собой конкретную цель в жизни. «Служить народу, приносить пользу людям», — так ответил каждый третий, т. е. 5589 человек. Почти столько же — 5533 человека — выдвинули на первый

²⁹ S. K. Weinberg. Social Problems in Our Time, N. Y., 1960, p. 113.

³⁰ См.: E. Goffman. The Presentation of Self in Everyday Life. В кн.: Martin Dale. American Society. N. Y., 1960, p. 62.

³¹ K. Dale. How to Win Friends and Influence People. N. Y., 1958.

план стремление стать мастером своего дела, 2595 человек пишут о желании стать настоящим коммунистом. Отношение молодежи к жизни проявляется в оценке дел своего поколения. 83,6% опрошенных ответили, что довольны своим поколением и его делами. Все это свидетельствует о единстве морального сознания, помыслов, желаний, идеалов личности и ее действительных поступков в жизни. На встрече с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 г. Н. С. Хрущев с законной гордостью говорил о советском человеке: «Высокая ленинская идейность, непреклонная воля, решимость на самопожертвование во имя торжества коммунистических идеалов — замечательные черты облика поколений советских людей, воспитанных Коммунистической партией. Советским людям чужды скептицизм, безволие и расслабленность, пессимизм и нигилистическое отношение к действительности».

Однако коммунистическая мораль не автоматически, стихийно овладевает сознанием и поведением людей.

Та же анкета выяснила, что есть и люди, исповедующие мещанские идеалы. «Найти состоятельного жениха и выйти замуж. Не думать о чувствах, забыть о любви, думать только о материальном благе»³² — пишет одна юная мещанка. А вот откровения многообещающего карьериста: «Цель моя — жить в свое удовольствие, строить карьеру. Кое-что уже сделано на судьбе 3—4 дураков. Скоро оформлю брак с дочерью ответственного работника. Это сулит мне „Волгу“ и дальнейшее продвижение по службе».³³

Хотя только 342 из 17 446 человек ограничили свое будущее исключительно «домашним уютом», а 23 человека объявили себя «прожигателями жизни», — это серьезное напоминание о том, что новое в нашей жизни не отделено китайской стеной от старого и это старое еще живет. Там, где нет борьбы за утверждение коммунистической нравственности, неизбежны рецидивы отживших, утративших социальные корни, но еще сохранных в сознании норм и принципов мещанской, по сути дела буржуазной, морали.

Задача, поставленная XXII съездом КПСС, — превратить нормы морального кодекса строителя коммунизма в нравственные убеждения каждого советского человека — имеет самое прямое отношение к дальнейшему подъему морального уровня трудящихся, к прогрессу нравственности.

Другим показателем нравственного прогресса является увеличение роли морали, моральных оценок во взаимоотношениях людей. Регулирование поведения с помощью морали означает увеличение свободы человека, уменьшение доли государственной, правовой, религиозной и другой регламента

³² «Комсомольская правда», 1961, 21 и 22 июля.

³³ Там же.

ции его жизни. Это означает также увеличение роли сознательности, добровольности в соблюдении правил человеческого общежития.

Если буржуазная мораль исключает моральную оценку источников дохода, не интересуется причинами материального благополучия, то при социализме общественное мнение осуждает людей, живущих нечестно, и объявляет беспощадную борьбу с ними. В сферу моральной оценки включаются все новые и новые области общественной жизни. Так, например, бездумное, бесполезное использование свободного времени также подвергается критике. Постепенное исчезновение областей, «безразличных» к морали, свидетельствует об увеличении роли морального фактора в нашем обществе.

Программа КПСС выдвигает курс на возрастание роли нравственных начал в жизни общества, на расширение сферы действия морального фактора и уменьшение доли административного регулирования отношений между людьми.

Итак, мы выяснили, как с позиций марксистской философии необходимо рассматривать объективный источник, критерий, содержание и некоторые признаки прогресса нравственности. При этом будет упрощением представлять развитие нравственности прямолинейно, как постоянное нарастание прогрессивных черт. В действительности развитие нравственности, как и вообще общественное развитие, идет чрезвычайно противоречиво, с возвратом к прошлому, периодами упадка, регресса, разложения. Ленин писал, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно».³⁴ В общих чертах регресса нравственности всегда были пренебрежение к личности, снижение ценности человеческой жизни, процветание физического насилия, невнимание к людям и отсутствие заботы о развитии всесторонней личности, расточительность и извращенность вкусов, духовная опустошенность и отсутствие высоких нравственных принципов и идеалов, попустительство к проявлению животных чувств и т. д.

Коммунистическая нравственность является высшей степенью нравственного прогресса. Объективно истинное содержание принципов коммунистической морали отвечает общечеловеческим интересам и стремлениям. Возникнув сначала как мораль рабочего класса, она постепенно приобретает абсолютное значение в регулировании отношений между народами.

В моральном кодексе строителей коммунизма отражена вся сложная диалектика морали, требующая утверждения новых нравственных отношений и непримиримой борьбы со

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 296.

старым. Впервые в Программе КПСС сформулированы моральные требования общества. Эти принципы явились обобщением существующих на практике отношений между людьми и вместе с тем выразили нравственный идеал, цель совершенствования личности. Принципы коммунизма благородны, прекрасны и привлекательны, они получили новое нравственное звучание в образе человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Эти принципы представляют дальнейшее углубление и совершенствование норм коммунистической морали, проникнуты духом любви и заботы к человеку, к созданию всех условий для роста не только материального изобилия, но и духовной красоты нового человека.

Моральный кодекс раскрывает этическое значение борьбы за построение коммунизма, а политика Коммунистической партии обеспечивает практическую возможность осуществления прогрессивных моральных принципов.

Но неверно было бы представлять коммунистическую нравственность как последний, окончательный этап нравственного прогресса. Такую точку зрения выразил английский философ Б. Рассел, сказав, что коммунизм означает застой, «конечное совершенство, после которого не будет необходимости в прогрессе».³⁵

Ленин, имея в виду подобные мнения, говорил: «... Как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *Большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни».³⁶

С уничтожением классовых противоречий, в эпоху, когда в бесклассовом обществе будущего — в обществе, представляющем собой всемирное братство трудящихся, изгладится и самый след классовых различий в практической деятельности, исчезнет и классовый характер морали. Это означает, что некоторые из черт коммунистической морали изменятся, некоторые — отомрут.

Однако совершенно очевидно, что именно коммунистическая мораль есть прообраз общечеловеческой морали будущего: «В нашу эпоху подлинное общечеловеческое и есть коммунистическое, так как именно в коммунистическом обществе происходит полное развитие личности, всех лучших человеческих свойств и качеств».³⁷

---

³⁵ The End of Idea of Progress. The Manchester Guardian Weekly, March, 19, 1953, p. 11.

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 443.

³⁷ Л. Ф. Ильичев. Искусство принадлежит народу. М., Госполитиздат, 1963, стр. 18.

СВОБОДА, НЕОБХОДИМОСТЬ И МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Вопрос о том, необходимостью или свободным выбором объясняется человеческое поведение, является одним из самых интересных и сложных вопросов этики. Его нельзя обойти, потому что он связан с другой важнейшей этической проблемой — *проблемой определения моральной ответственности человека за свои поступки.*

«Невозможно рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой»,¹ — писал Энгельс.

До возникновения диалектического метода мышления проблема свободы и необходимости в философии чаще всего принимала форму вопроса-антитезы: или мир (природа и общество) развивается по объективным законам и представляет из себя цепь необходимых явлений, и тогда человек несвободен в выборе своих поступков, так как является частью этого мира, или мир не закономерен, представляет собою совокупность случайных явлений, и тогда все происходящее в жизни человека можно считать результатом свободной воли.

Французские материалисты решали этот вопрос в пользу необходимого характера всех явлений, происходящих в природе и обществе: «В страшных судорогах, сотрясающих иногда политические общества и влекущих за собой часто гибель какого-нибудь государства, нет ни одного действия, ни одного слова, ни одной мысли, ни одного желания, ни одной страсти у участников революции — безразлично, активных деятелей ее или жертв, — которые не были бы необходимыми, которые не происходили бы так, как они должны происходить, которые не вызывали бы безошибочно тех именно действий, какие они

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 115.

должны вызвать сообразно занимаемому этими участниками месту в этом духовном вихре».²

Из этого с неизбежностью следует фатализм, отличающий учение Гольбаха: «Все наши поступки, — говорит он, — подчинены фатальности, управляющей нашей частной системой так, как она управляет совокупной системой вселенной; ничто в нас, как и в природе, не происходит случайно, ибо случай... представляет собой лишенное смысла слово».³

Рассуждения об абсолютном детерминизме неизбежно влекли за собой вывод: если человек не является причиной событий своей жизни, то он не отвечает за них морально. С наибольшей последовательностью развил эту мысль французских материалистов Роберт Оуэн в своем «Новом учении об образовании характера человека».

Французы, объявляя все события от больших до самых малых необходимыми, были уверены в том, что они возвышают необходимость в борьбе со всякого рода идеалистическими теориями.

Действительным же результатом такого рода утверждений оказывается, что «не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость снижается до уровня случайности».⁴

«Может быть, — писал, например, Гольбах, — в бесплодных равнинах Ливии собираются первые зародыши бури, которая, уносимая ветрами, придет к нам, сгущая нашу атмосферу и воздействуя на настроения и страсти человека, а человек в силу сложившихся обстоятельств может влиять на множество других людей и по своему произволу решать судьбу многих народов... хорошая книга, тронувшая сердце великого государя, может стать могущественным фактором, может повлиять необходимым образом на поведение целого народа и на счастье известной части человечества».⁵

Именно подобные апинаучные заключения, однако закономерные с точки зрения теории абсолютного детерминизма, высмеивал Энгельс, говоря о том, что согласно воззрению, по которому в природе господствует лишь простая непосредственная необходимость, то, что «хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию... что в прошлую ночь меня укусила блоха в 4 часа утра, а не в 3 или в 5, и притом в правое плечо, а не в левую икру, — все это факты, вызванные не подлежащим изменению сцеплением причин и следствий, незыблемой необходимостью, и притом так, что уже газовый шар, из которого произошла солнечная

² П. Гольбах. Система природы. М., Соцэкгиз, 1940, стр. 36.

³ Там же, стр. 131.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 534.

⁵ П. Гольбах. Система природы, стр. 36 и 129.

система, был устроен таким образом, что эти события должны были случиться именно так, а не иначе».⁶

Немецкий философ-идеалист конца XVIII в. Иммануил Кант, пытаясь опровергнуть детерминизм французских материалистов, утверждал, что хотя тело не свободно от причинных связей, дух человека обладает неограниченной свободой.

Аналогичную точку зрения высказал и немецкий философ-идеалист Артур Шопенгауэр, который считал, что человеческая воля свободна и связана не с миром материальных вещей, а с некой «космической волей».

Однако и теоретическая и практическая несостоятельность подобной теории очевидна. Только в области чистого теоретизирования можно, не подвергая себя опасности, отделить свободный дух от несвободного бренного тела, а в жизни такой возможности не существует. Дух человека всегда отягощен материей. В этом нетрудно убедиться: ведь для того, чтобы мыслить и выбирать, противопоставлять себя миру, человеку необходимо, прежде всего, подчиняясь законам жизни, есть, пить, словом, удовлетворять материальные потребности тела. Игнорировать эту необходимость, значит поставить под угрозу самую возможность духовного творчества и «свободного» воления.

Кроме того, человек действует в мире, подчиненном также необходимым причинно-следственным связям, игнорирование которых не означает их уничтожения. Познание этих связей, постоянный учет их является необходимым условием всякого разумного действия человека, который ставит перед собой цели и хочет добиться их осуществления.

Освобождение от причинно-обусловленных связей при жизни осуществляется разве только психически больными людьми и составляет самую печальную в мире «свободу» безумия.

Поэтому никакой *свободной от необходимости* воли нет и быть не может. Свобода человека сама является одним из моментов этой необходимости, формой ее обнаружения.

Как решается проблема свободы и необходимости в марксистско-ленинской философии?

Прежде всего, признание необходимого характера развития природы и общества не равносильно утверждению, что каждое событие от малого до большого абсолютно необходимо во всех своих чертах и свойствах.

Необходимый, причинно обусловленный характер мира с его относительно устойчивыми связями между явлениями не только не исключает или не затрудняет свободное действие человека, а, наоборот, создает для него реальную возможность.

Представим себе, что мир, в котором живет и действует человек, состоит из хаоса неповторимых явлений, не связанных

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 20, стр. 533—534.

между собой, иррациональным потоком обрушивающихся на человека.

Что было бы в таком случае со свободой человека? Практически она была бы равна нулю, так как человек не мог бы быть уверенным ни в одном своем шаге, не мог бы осуществить ни одного своего намерения.

Только наличие повторяющихся, устойчивых связей создает возможность познания и предвидения, без которых невозможна хоть сколько-нибудь свободная ориентация человека в окружающих условиях. «Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия»,⁷ — указывал Ленин.

Необходимый характер общественного развития проявляется как *общая тенденция, итоговое направление*, образуемое от скрещивания миллионов волевых действий отдельных людей.

Экономическая детерминированность общественного развития, по учению марксизма, означает, что экономический фактор определяет главное направление развития, но отнюдь не определяет содержание всех событий в жизни отдельных людей. Следовательно, признание необходимости в развитии общества не исключает, а предполагает наличие таких событий в жизни каждого человека, причиной которых является он сам, его воля, его сознание.

Однако осуществление этой возможности зависит от многих моментов, составляющих общественные условия жизни каждого индивидуума.

Прежде всего, свободное самоопределение человеком своих действий предполагает наличие возможных вариантов поведения, из которых человек выбирает для себя наиболее подходящий.

Чем же определяется объем и содержание этого выбора?

Первобытные люди находились в рабской зависимости от тех природных условий, которые их окружали. Искали ли они пищу, спасались ли бегством от погони, охотились ли на зверя — все это диктовалось суровыми условиями жизни, не оставляющими возможности для какого-либо иного поведения.

Первые шаги в развитии производительных сил создавали новые возможности для людей и тем самым означали расширение реальной свободы. Путь, который общество прошло от добывания огня трением до создания современных заводов-автоматов и электронно-вычислительных машин, — это путь к все более свободному определению человеком своего поведения.

Но объем свободы человека зависит не только от уровня развития производительных сил. В обществе, разделенном на классы эксплуататоров и эксплуатируемых, вместе с разделе-

---

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 400.

нием материальных богатств и политических прав происходит своеобразное разделение той реальной свободы, которой располагает представитель того или другого класса.

По существу получается, что все достижения в материальном развитии общества, которые обеспечивают расширение сферы относительно произвольного самоопределения людьми своей жизни, сосредотачиваются в руках немногих представителей господствующего класса.

Эксплуатируя народные массы, господа освобождают себя от необходимости трудиться. Средства экономического и политического принуждения, которые находятся в руках господствующего класса, сокращают до минимума свободу простого человека в классовом обществе.

На основании этого в определение реальной свободы каждого человека должно войти освобождение его от всех форм принуждения, насилия, угнетения, которые превращают человека в средство выполнения чьей-то воли.

Не следует обманываться красивыми словами идеологов буржуазии о свободе, так как в классовом обществе всеми формами свободного самоопределения монопольно владеют представители господствующего класса. Маркс писал: «Господа, не давайте обманывать себя абстрактным словом *свобода!* Чья это свобода? Это — не свобода каждой отдельной личности по отношению к другой личности. Это — свобода для капитала выжимать последние соки из рабочего».⁸

Поэтому революционная борьба против экономической эксплуатации, борьба за политические права, за свободу слова, вероисповедания, за право на образование, против запретов и ограничений в браке, борьба за национальную независимость — все эти формы борьбы являются в то же время необходимым условием расширения реальной свободы каждого человека, обеспечения возможности для осуществления его прав в самоопределении своей жизни.

Важнейшим условием действительной свободы каждого человека является познание закономерностей природы и общества. История развития человечества показывает, что невежество во всех формах всегда превращало человека в слепое орудие в руках темных реакционных сил определенной исторической эпохи. Сколько раз в истории человечества непонимание своих интересов, сущности происходящих событий вело к тому, что обманутый народ помогал господствующему классу расправляться со своими же братьями, восставшими против насилия. Многим из таких обманутых казалось, что они борются за свои права и поступают свободно, в то время как на самом деле они были лишь средством для выполнения враждебной им воли эксплуататоров. Веками сознание людей

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 416.

было затемнено суевериями и религиозным фанатизмом. Невежество налагало на трудящегося цепи духовного рабства. Именно поэтому познание необходимости является условием освобождения человека: «Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела».⁹

Принципиальное отличие марксистского понимания свободы от идеалистического заключается в том, что для идеалиста свобода является фактом сознания, состоянием духа. в то время как марксистская философия не ограничивает свободу сферой сознания, а определяет ее и как сторону общественного бытия человека.

Ограничение свободы областью сознания характерно для самых разнообразных идеалистических теорий. Кант, например, считал, что свобода человека ничего не выражает, кроме «автономии практического разума».

Анализируя идеалистические ошибки социолога Михайловского в решении проблемы свободы и необходимости, Ленин писал, что, «не желая отрицать законосообразности, он утверждал, что свобода воли — факт нашего сознания (собственно, идея Миртова, перенятая г. Михайловским) и потому может служить основой этики».¹⁰

Подобную позицию занимает современный французский философ-экзистенциалист Жан Поль Сартр. В книге «Бытие и ничто» Сартр выдвигает положение: никакие материальные помехи не могут ограничить человеческую свободу. Препятствия, по Сартру, являются таковыми только на пути к определенной цели, а цель человек выбирает сам, следовательно, и препятствия создает себе сам человек. Сартр ограничил понимание свободы одной лишь свободой выбора, которая совершается человеком в сознании, и противопоставил ее свободе действия.

В противоположность этому марксистская философия рассматривает *свободу действия*, которая включает в себя не только момент выбора, происходящий в сознании, но и практическое осуществление выбранного пути. Поэтому в определение свободы входит не только характеристика субъекта, но и анализ объективной обстановки, в которой он действует.

В понимании субъективной стороны свободы марксистская философия и философия экзистенциализма тоже резко расходятся. Анализируя соотношение необходимости объективного мира и свободы действующего в нем человека, Энгельс писал в «Анти-Дюринге», что свобода зависит от познания. Чем полнее и глубже человек знает законы общественного развития, тем свободнее он в самоопределении своего поведения.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 116.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 400.

Иного мнения придерживается Сартр. Он считает, что человек потому и свободен, что не знает причин и мотивов, обуславливающих поведение, аналогичное тому, которое он выбрал: «Я навсегда осужден существовать вне своей сущности, вне причин и мотивов моего действия. Я осужден быть свободным. Это значит, что нельзя найти никаких границ моей свободе, за исключением самой свободы, или, если угодно, мы несвободны перестать быть свободными».¹¹

Доведенное до своего логического завершения подобное определение свободы означает по существу ее отрицание, так как свобода поведения и слепоты практически равна несвободе. Это различие в теоретическом понимании свободы человека приводит к прямо противоположным практическим выводам.

Увеличение реальной свободы человека, согласно марксистской теории, достигается борьбой против всех форм угнетения, превращающих человека в орудие выполнения чуждой ему воли угнетателей, активным познанием сущности происходящих в обществе процессов; осознанием и реализацией возможностей, существующих для человека данного класса. Свобода действия, с точки зрения экзистенциалистов, возможна лишь как результат такого внутреннего выбора, который достигим в данных условиях как путь, лишенный препятствия. Так, Сартр говорит: «Отдельная скала, которая может оказать сильное сопротивление, если я пожелаю сдвинуть ее, и станет, наоборот, желанной вещью, если я захочу взобраться на нее, чтобы осмотреть окрестности».¹²

Подобное обоснование «свободы» является по существу обоснованием смирения человека, пассивного принятия им мира таким, каков он есть, и рабского приспособления к нему.

* * *

Без правильного понимания соотношения между необходимостью и свободой не может быть решена и проблема моральной ответственности человека. В самом деле, если признать, что все происходящее в обществе совершается по необходимости, от малого до большого, тогда и речи быть не может о моральной ответственности человека. И наоборот, если все происходящее в отношениях между людьми есть результат не с чем не связанной свободной воли человека, в таком случае в любом нравственном пороке виноваты сами люди, и мораль теряет свою социальную необходимость.

Именно так, по принципу альтернативы, противопоставляя необходимости свободу, пытается разрешить эту проблему

¹¹ J. P. Sartre. Being and Nothingness. N. Y., 1956, p. 439.

¹² Там же, стр. 482.

Ж. П. Сартр. Однако подобная постановка вопроса лишь обнаруживает его сугубо метафизическую позицию. Кроме того, Сартр путает необходимость с детерминизмом, а свободу с произволом.

Возникновение морали как определенной формы общественного сознания обусловлено необходимостью общества в регулировании отношений между людьми, отношения каждого человека к обществу в целом.

Так же глубоко закономерны основные нормы, которые составляют мораль того или другого класса в истории развития общества. Человек, укравший что-то у другого, несет ответственность за этот поступок. Но причина воровства как социального явления не лежит в чем-либо отдельном поступке и не заключена в «прирожденной преступности», как, например, полагал итальянский криминалист и социолог Ломброзо.

Человек, который помог товарищу овладеть тайнами профессионального мастерства, заслуживает высокой моральной оценки. Но то, что в социалистическом обществе подобный поступок становится типичным, обусловлено не особенностями психического склада того или другого человека, причина и в этом случае не заключена в каком-либо единичном акте «свободной воли».

Поиски причин, обусловивших типичность той или другой нормы нравственных отношений, неизбежно приводят исследователя к социально-экономической структуре общества, к материальным условиям жизни основных классов, к формам взаимоотношений между личными и общественными интересами.

Однако социально-экономическая структура общества, конкретно-исторически связанная с определенными материальными условиями жизни для каждого класса, создает лишь предпосылки для морального поведения людей, но совсем не определяет, каким будет это моральное поведение в каждом конкретном случае.

Так, практика борьбы рабочего класса с капиталистами, единство интересов рабочих в этой борьбе создают предпосылки для развития таких нравственных отношений, как взаимопомощь и солидарность, но это не значит, что все рабочие сразу начинают практиковать новые формы отношений.

Верно, что личность в обществе является тем звеном, действием на которое передают свое влияние на мораль все стороны общественного развития: и экономическая структура общества, и материальные условия жизни, и идеологическое воспитание, и сложившаяся в обществе практика нравственных отношений. Однако это не значит, что моральное поведение человека является каким-то автоматическим следствием всех этих воздействий и влияний. *Человек выступает в обще-*

ственной жизни не только как следствие всех испытанных им воздействий, но и как активная причина своего поведения. Это доказывается тем, что даже в одном коллективе, выполняющем одну и ту же работу и живущем приблизительно в одних и тех же условиях, не может быть двух людей с совершенно одинаковым моральным поведением.

Еще более сложную картину морального поведения людей дает общество в целом. Так, в нашем обществе труд является главным мерилom общественной ценности человека. И тем не менее, если высшим моральным уровнем в отношении к труду является доблесть и самоотверженность героев труда — «маяков», то существует еще и низший уровень, выражающийся в барском пренебрежении к труду, отлынивании от него тунеядцев и жуликов.

Перед действующим человеком каждый день, каждый час возникают многообразные возможности поступить так или иначе, но осуществляет он лишь одну. Именно это наличие объективной возможности выбора создает ответственность человека за свои поступки.

В своей жизни каждый человек сталкивается со многими формами ответственности: он может отвечать за порученное дело, в определенных случаях несет ответственность как специалист; говорят о политической ответственности человека, об уголовной ответственности и т. д. Все эти формы тесно между собою связаны, каждая из них имеет нравственную сторону, поэтому очень часто все они получают одно определение — моральной ответственности.

Однако подобные обобщения не совсем правомерны. На самом деле моральная ответственность обладает целым рядом специфических признаков и относится главным образом к области морального поведения каждого человека.

Если мы попробуем представить себе область морально ответственного поведения отделенной от всей остальной жизни, то у нас ничего не получится. Дело в том, что где бы ни был человек (дома, на работе, во время отдыха), он может совершить и совершает поступки, за которые несет моральную ответственность.

Каковы же в таком случае специфические признаки морально ответственного поведения?¹³

Одним из таких наиболее существенных признаков морального поведения человека является то, что оно концентрируется главным образом в отношениях каждого человека к интересам и судьбам других людей.

Можно перечислить все, что человек совершил за день или даже за неделю, и не найти в этих поступках основания для положительной или отрицательной нравственной оценки.

¹³ Этот вопрос частично рассматривался Т. В. Холостовой в статье: «Мораль как предмет этических исследований». Вестник ЛГУ, 1962, № 5.

Так произойдет в том случае, если в этих поступках не отражено отношение этого человека к другим людям. В самом деле, человек ест, пьет, спит, работает, развлекается — все это наполняет его дни, но еще не дает основания для того, чтобы сказать, что он поступил плохо или хорошо.

Однако стоит только проанализировать отраженное в этих поступках отношение к другим людям, как мы сразу же откроем сферу соответствующих моральных оценок и определений.

В одной французской пословице говорится: «Сам по себе человек всегда добродетелен, а для порока нужны по крайней мере двое».

Действительно, в каждом пороке — будь это ложь, жадность, предательство — мы сталкиваемся с отношением к другому человеку, к другим людям. Однако не только порок, но и любая добродетель человека теряет смысл, если ее приписывать человеку, изолированному от общества.

Вторым признаком морально ответственного поведения является его сознательный характер.

Поступок может влиять на судьбы других людей и не входить в область моральной ответственности в том случае, если человек, его совершивший, не мог предвидеть последствий своего поступка.

Гегель писал об этом: «Дети и дикари совершают также поступки, соответствующие морали, тем не менее эти поступки не являются еще моральными, ибо здесь не было никакого рассмотрения природы действия, хорошо оно или дурно».¹⁴ Однако это справедливо лишь в той мере, в какой дети или представители народа, стоящего на иной, чем, скажем, современней Гегелю немец ступени общественного развития, не знают тех моральных норм, которыми руководствуются соотечественники Гегеля. Гегель делает шаг вперед по сравнению с Кантом и кантианцами, ибо объявляет поведение детей и «дикарей» не аморальным, но находящимся вне морали. Но Гегель ложно объединяет детей и «дикарей». Дети усваивают моральные нормы своей эпохи от старших в процессе воспитания и в процессе общения с другими людьми. «Дикари» же руководствуются иными, свойственными их общественному укладу моральными нормами, и потому судить о моральности, аморальности или неморальности их поведения с точки зрения буржуазной морали — значит допускать грубую ошибку, впадать в метафизику.

В качестве необходимого признака морального поступка Гегель выдвигает предварительное рассмотрение природы действия — хорошо оно или плохо. Однако в жизни далеко не каждому поступку человека предшествует рассмотрение при-

¹⁴ Гегель. Введение в философию. М., 1927, стр. 41.

роды будущего действия. Гораздо чаще подобные рассматривания начинаются уже после его совершения.

Фейербах следующим образом объяснял, как люди совершают морально плохие поступки: «Перед действием и во время его человек видит только свой интерес, только удовлетворение своей страсти, своего вожделения, но только после совершения действия он приходит к обдумыванию, к познанию и нравственной критике».¹⁵ Поэтому необходимым признаком морально ответственного поведения точнее будет выдвинуть способность человека предвидеть общественные последствия своего поступка, влияние его на других людей: именно способность, так как при наличии такой способности нежелание думать о других, руководство одними лишь эгоистическими побуждениями является уже достаточным основанием для соответствующей моральной оценки его поведения со стороны общества.

Чтобы эта способность могла стать основой моральной ответственности человека, необходимы два условия: во-первых, чтобы общество в своем развитии поднялось до нравственной оценки поведения подобного рода и, во-вторых, чтобы человек по своему умственному развитию мог знать эти оценки.

В силу этого возможно говорить о закономерном возрастании моральной ответственности всех и каждого человека в процессе общественного развития. Она повышается под влиянием развития научного мировоззрения, которое путем образования становится достоянием все более широких народных масс. Моральная ответственность за происходящее возрастает также под влиянием жизненного опыта.

Некоторые философы, занимающиеся этическими исследованиями, выдвигали отсутствие внешнего принуждения в качестве необходимого условия для морально ответственного поведения.

Очевидно, что за поступок, совершенный по своему желанию, человек несет большую ответственность, чем за тот, который он совершил по принуждению.

Однако возможны такие ситуации, когда человек испытывает сильнейшее принуждение, грозящее в случае неподчинения смертью, и тем не менее это не освобождает его от моральной ответственности за все то, что он делает.

Так много раз бывало с партизанами, попавшими в плен от того, как они вели себя на допросах под страшными пытками, зависела судьба их товарищей. Тысячи героев, понимая свою ответственность перед товарищами и Родиной, предпочли смерть предательству. Поэтому нельзя освободить от моральной ответственности тех, кто совершает преступления, ссылаясь на насилие.

¹⁵ Л. Фейербах. Избр. философские произведения, т. I. М., Госполитиздат, 1955, стр. 631—632.

На Нюрнбергском процессе перед глазами всего мира предстали люди, виновные в гибели миллионов людей. А когда им предъявили обвинения, они чаще всего оправдывались тем, что выполняли приказ. Никакие ссылки на приказание свыше не освобождают от ответственности за совершенные преступления немецких врачей, проводивших бесчеловечно жестокие эксперименты на живых людях (операции по пересадке здоровых тканей и органов от живых людей, опыты насильственной стерилизации, опыты с вакцинами инфекционных заболеваний, эксперименты с глубоким охлаждением организма и т. д.);¹⁶ генералов и офицеров, отдававших приказания жечь, расстреливать, вешать; солдат, занимавшихся грабежами, зверскими издевательствами в концентрационных лагерях.

В преступлениях, совершенных фашизмом, виновны и те, кто отдавал приказы, и те, кто их выполнял. Можно говорить о большей или меньшей ответственности за эти злодеяния, но несомненно одно: виновны все, кто принимал в них участие.

После разгрома фашизма мир был потрясен еще одним преступлением — атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. И опять встал вопрос: кто виноват, кто несет ответственность за убийство ни в чем не повинных жителей этих городов?

Американский летчик Клод Изерли, сбросивший бомбу на Хиросиму, представленный правительством США и официальной пропагандой национальным героем, признал себя виновным и потребовал судебного разбирательства своего дела. Ему было отказано. В письме-завещании Клод Изерли писал: «Я решил разрушить образ героя. Этот образ был нужен „сливкам“ общества, чтобы утвердиться в своем самодовольстве... Они не хотели признавать моей вины, так как тогда им пришлось бы признать свою собственную гораздо более тяжелую ответственность».¹⁷ Власти объявили его сумасшедшим и заключили в психиатрическую лечебницу. Однако этот мужественный человек, недавно спасшийся из заточения, продолжает борьбу во имя справедливости. С тем, что он говорил и говорит, нельзя не согласиться. Гораздо более виноваты те, кто отдавал приказ, кто руководил этой злодейской операцией, обрекшей на гибель и мучения десятки тысяч людей.

Величина моральной ответственности человека в первую очередь зависит от того, насколько он своими решениями может повлиять на судьбы других людей.

Эту зависимость философы заметили еще очень давно. Древнегреческий философ-материалист Эпикур писал, что религиозное учение о всемогуществе и всеблагости творца равносильно признанию бога ответственным за все несовер-

¹⁶ См. книгу «СС в действии». (Документы о преступлениях СС. М., 1960, стр. 337—441.)

¹⁷ См. книгу А. Елизарова и Ю. Анохина. Поднявший меч. М., 1961, стр. 5.

шенство мира. Ведь если бог может победить зло и не хочет этого, значит он не добрый; если бог хочет победить зло и не может этого сделать, значит он не всемогущий; если бог может победить зло и хочет этого — тогда откуда же зло?

Эта закономерность позволяет вполне определенно говорить о различной величине моральной ответственности за происходящее у разных людей. В буржуазном обществе большая ответственность падает на тех, кто в силу своего экономического могущества контролирует и направляет все формы государственного управления в стране, на тех, кто в силу политической или административной субординации отдает приказы, решая судьбы людей.

Она больше у тех, кто, выполняя роль идеологов (писатели, художники, социологи), своими произведениями оказывает громадное влияние на сознание миллионов людей.

В этой связи очень прогрессивно звучат слова Сартра по поводу особой ответственности писателей. «Писатель неотделим от своей эпохи. Каждое его слово рождает отголосок. Молчание тоже. Я считаю Флобера и Гонкура ответственными за разгул репрессий после подавления Коммуны, потому что они не написали ни строчки, чтобы помешать этому. Скажут — их это не касалось. А Вольтера касался процесс Каласа? А Золя касалось осуждение Дрейфуса? Каждый из упомянутых мною писателей должен был в специфических обстоятельствах своей жизни взвесить, какова его ответственность писателя».¹⁸

Однако Сартр ограничивается констатацией «личной ответственности художника» исходя из абстрактно-гуманистического и субъективно-идеалистического толкования долга как того, что избирает сам человек по собственному произволу, именуемому «абсолютной свободой».

С позиций коммунистической морали, утверждающей необходимость классовой оценки поведения человека, говорил об ответственности деятелей искусства Н. С. Хрущев 8 марта 1963 г.: «Высший долг советского писателя, художника, композитора, каждого творческого работника быть в рядах строителей коммунизма, служить своим талантом великому делу нашей партии, бороться за торжество идей марксизма-ленинизма. Надо помнить о том, что в мире идет острая борьба двух непримиримых идеологий — социалистической и буржуазной.

Задача художника — активно содействовать своими произведениями утверждению коммунистических идей, наносить сокрушительные удары по врагам социализма и коммунизма, бороться против империалистов, колонизаторов».¹⁹

¹⁸ Л. Зонина. «Альтонские узники» Сартра. «Иностранная литература», 1960, № 9, стр. 220.

¹⁹ Н. С. Хрущев. Высокая идейность и художественное мастерство — великая сила советской литературы и искусства. М., Госполитиздат, 1963, стр. 34—35.

При моральной оценке того или иного поступка человека внимание может быть обращено на разные моменты совершаемого. Каким было внутреннее побуждение человека? Каковы средства, использованные для достижения цели? Какими были для общества последствия этого поступка?

Возникает вопрос, какой из этих моментов является главным для моральной оценки, за что в первую очередь человек несет моральную ответственность?

Основанием этики нравственного сознания, которая была впервые ясно сформулирована Кантом и противопоставлена им этике результата, является утверждение, что «центр тяжести заключен не в средствах, а в их мотивах». ²⁰ Если поступок совершен на основе категорического императива, безусловного нравственного требования «ты должен», то тем самым он имеет нравственный характер независимо от результата.

Неокантианец П. Генсель усиливает чисто субъективную основу нравственной оценки совершенного поступка: «Хорошим мы называем поступок только тогда, когда нам удастся проникнуть своим умственным взором в душу совершившего его и увидеть, что решение, вызвавшее его, было принято как обязанность. . . Даже там, где исполнение обязанности выражается в неразумных, нецелесообразных действиях, ценность моральной воли остается неприкосновенной». ²¹

И П. Генсель, строго следуя этому основанию, не останавливается перед парадоксальным утверждением, что медведь в известной басне, поступил высокоморально, так как хотел прогнать муху, мешавшую спать его благодетелю. . . А то, что он при этом разбил голову пустынноку, не имеет значения с моральной точки зрения. Ведь «во власти человека», по мнению кантианцев, лишь намерение, побуждение, но отнюдь не следствия его реализации.

Такова точка зрения кантианцев и «этических социалистов». Утилитаристы, напротив, утверждают, что сами по себе поступки не являются ни плохими, ни хорошими, моральная оценка зависит лишь от их последствий.

Рассмотрим первую точку зрения.

В том, что знать побуждения человека при его моральной оценке очень важно, сомневаться не приходится. Однако можно ли определить моральное лицо человека, основываясь только на том, каковы его побуждения?

В произведениях передовых русских писателей XIX в. была поставлена и разрешена проблема оценки бездеятельных порывов и пассивного прекраснорудушия отдельных людей. Турге-

²⁰ П. Генсель. Основные проблемы этики. Спб., 1905, стр. 40.

²¹ Там же, стр. 43.

нев, Гоголь, Гончаров, Герцен, Некрасов в своих романах, повестях и поэмах показали, что в среде либерального дворянства того времени были люди, чуткие к несправедливости, способные страдать при виде народных лишений, негодовать на зло, которое лично их не затрагивало. Но негодуя и возмущаясь, они оставались бездеятельными, их внутреннее бессилие и пустота заклечены в горьких словах Некрасова:

Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано.²²

Конечно, на основании одних лишь побуждений нельзя назвать человека высокоморальным. Внутренние побуждения человека становятся очевидными для нас только тогда, когда они воплощаются в его конкретных делах. «...По каким признакам,— писал В. И. Ленин,— судить нам о *реальных* „мыслях и чувствах” *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей,— а так как речь идет только об общественных „мыслях и чувствах”, то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*».²³

Поступки имеют значение не только потому, что они убеждают нас в истинности намерений. Мало этого, *моральное побуждение получает в соответствующем поступке не только внешнее выражение, но и осуществление, свою действительность*. Знание того, что бескорыстные и великодушные — прекрасные моральные качества, умение восхищаться ими еще не делают человека ни бескорыстным, ни великодушным.

Однако неправильна и точка зрения утилитаристов. Нередко бывает и так, что учет поступков человека и их последствий оказывается недостаточным для моральной оценки личности.

Советская писательница Галина Николаева в романе «Битва в пути» рассказала о девушках, работающих в литейном цехе большого завода на Урале: Людмиле Игоревой и Даше Лужковой. Людмила — мастер своего дела, стахановка, ее портрет можно увидеть среди портретов лучших людей завода, она работает быстро и красиво. Даша — новичок в цехе, пальцы ее не слушаются, из-под ее рук выходит много бракованных изделий.

Казалось бы, очевидно, что Людмила приносит большую пользу заводу и должна пользоваться заслуженным уважением товарищей. Но писательница тонкими и точными штрихами показывает нам всю непривлекательную корысть ее побуждений. Людмила работает ради денег и славы, в то время как Даша горячо переживает не только свои, но и коллектив-

²² Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. II. Гослитиздат, 1948, стр. 99.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 385.

ные трудности и готова помочь каждому, кто к ней обращается и даже не обращается, но явно нуждается в помощи. Забота об успехе всей бригады, участка, цеха отличает Дашу Лужкову. И выходит, что человек, подобный Людмиле Игоревой, объективно строит коммунизм, его доля вливается в общий труд, а внутренне, субъективно, ему глубоко безразличны и строительство коммунизма, и успехи своего коллектива. Такого человека можно высоко оценить как мастера своего дела, но для высокой моральной оценки здесь еще нет оснований. Подобные факты показывают, что моральное значение поступка не может быть сведено к его результатам или следствиям. Чтобы правильно оценить моральное содержание поведения, необходимо, кроме этого, знать подлинное намерение человека, получающее свое осуществление в соответствующем действии или ряде поступков.

Иначе говоря, это означает, что моральным поведением является лишь такое поведение, в котором намерение (субъективная сторона) совпадает с общественно положительным, способствующим прогрессивному развитию общества результатом (объективная сторона).²⁴

Определенная взаимосвязь существует между целью и средствами, которые используются для ее достижения. Цели, которые ставит перед собой человек, могут быть личными и общими всему народу, близкими и далекими, высокими и низкими.

История свидетельствует, что там, где перед человеком или перед народом встает великая цель, там больше всего подвигов, примеров личного героизма и негибимой воли. Великая цель рождает великие силы.

Возникает вопрос, может ли величие цели оправдать любые средства ее осуществления?

В 1917 г. в нашей стране свершилась революция, о которой веками мечтали лучшие люди мира. Победа революции была завоевана в острой борьбе, в которой пролетариату приходилось прибегать к насилию (к экспроприации и даже расстрелам врагов). Значит ли это, что великая цель революции оправдывала всякие средства? Нет! Насилие было вынужденной мерой. Чуждое самому духу революции, оно было вызвано насилием со стороны господствующих классов, которые любой ценой, кровью и жизнью миллионов хотели удержать свое господствующее положение. Насилие пролетариата было оправдано не целью, хотя она и величественна, а той цепью расстрелов, пыток, преследований, которую царское правительство обрушило на поднявшихся на борьбу. Лишь предатель мог в то время остановить руку пролетариата, отвечающего насилием на насилие. Красный террор был ответом на белый террор.

²⁴ Об этом говорится в книге В. П. Тугаринова: «О ценностях жизни и культуры». Изд. ЛГУ, 1960, стр. 131—136.

В послереволюционные годы советскому народу пришлось бороться с затаившейся контрреволюцией. Диверсии, убийства, вредительство — такими средствами контрреволюционеры пытались помешать строительству коммунизма. Казалось бы, в борьбе с такими врагами все средства хороши. Однако Дзержинский, возглавлявший эту борьбу, обращаясь к работникам ЧК, говорил, что у чекиста должны быть чистые руки. Великая цель несовместима с неразборчивостью в средствах.

В недавно опубликованном романе шведской писательницы Сары Лидман «Я и мой сын» наряду с острейшими проблемами расовой дискриминации поднята интересная морально-психологическая проблема: может ли любовь к своему сыну оправдать отвратительные поступки отца, которые он совершает якобы во имя счастья сына.

Автор убедительно показывает, что мерзость поступков главного персонажа не только не может быть оправдана этой любовью, но и ставит под сомнение саму любовь. Герой романа, отвратительный эгоист, никого, кроме себя, не любит, а сын служит для него моральным оправданием, своеобразной ширмой и источником наслаждения.

Таким образом, *моральная ответственность человека не ограничивается каким-нибудь одним моментом (цель, намерение, средства, результат), а распространяется на все совершаемое в единстве и взаимосвязанности отдельных его звеньев.*

События последних лет делают проблему моральной ответственности каждого человека одной из самых острых и актуальных проблем современности. Изобретение атомной и водородной бомбы в условиях откровенной враждебности империалистов к социалистическому лагерю создает реальную угрозу для жизни всего человечества. Современный мир отличается тем, что в нем нет и не может быть человека, безразличного к растущей опасности атомной войны.

Прогрессивный американский философ Джон Сомервилл в связи с этим выступил с книгой, в которой доказывает необходимость разработки нового гуманизма, предполагающего увеличение ответственности каждого человека. Практические меры, предложенные Сомервиллом, заключаются в следующем: «Во-первых, это принятие тотальной ответственности, ибо та проблема, которая сегодня стоит перед миром, никогда не может быть решена специалистами. Если философы не возьмут на себя обязательство подвергнуть анализу всеобщность взаимосвязанности, то от кого еще мы можем ожидать этого? Во-вторых, они должны принять ответственность в такой же мере за практику, как и за теорию. В основном — это вопрос мужества».²⁵

К сказанному Сомервиллом можно добавить, что в сложившейся обстановке происходит не только увеличение сферы мо-

²⁵ Джон Сомервилл. Избранное. М., ИЛ, 1960, стр. 102—103.

рально ответственных лиц, но и формирование новых форм моральной ответственности. Человек отвечает теперь не только за то, что он сделал, но и за то, что он мог бы сделать для предотвращения войны и не сделал.

Одним из самых опасных обстоятельств складывающейся обстановки является то, что угроза войны приобретает характер стихийной силы, видимость рока, который нависает над охваченным ужасом человечеством.

Однако это только видимость. На самом деле за этим «роком» стоят вполне определенные люди, деятельность которых объективно создает угрозу для жизни человечества. Это миллиардеры, которые наживаются на военных заказах, это генералы, строящие планы будущей войны и раздувающие военную истерию, это их идеологи, своими работами разжигающие национальную рознь и вражду между народами.

Поэтому очень важно в борьбе за мир в качестве одной из практических мер назвать имена этих людей и определить их личную моральную ответственность за все то, что они делают против человечества.

Большое практическое значение имеет проблема моральной ответственности каждого человека и в нашей стране. Программа КПСС, принятая на XXII съезде, подчеркнула одну из важных закономерностей развития советского общества в эпоху строительства коммунизма — увеличение роли морального фактора. Одним из проявлений этой закономерности является возрастание моральной ответственности каждого советского человека.

Уничтожение господствующих классов, воля которых сокращала свободу простых людей, раскрепостило личность труженика, обобществление средств производства создало экономическую основу для подлинной общности интересов свободных от эксплуатации людей, для формирования особой заинтересованности личности в том, чем живет общество в целом. Именно этим объясняется осознание все большим числом строителей коммунистического общества личной моральной ответственности за общее дело.

Вместе с развитием производительных сил, общим повышением образования и квалификации увеличилась доля каждого человека в общественном производстве, что также привело к усилению моральной ответственности человека за свой труд.

Взросшая моральная ответственность советских людей выступает не только как следствие этих и многих других социально-экономических изменений, но и как реальная сила, способствующая построению коммунистического общества в нашей стране.

ПРИНЦИПЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

Коммунизм есть нравственный идеал человечества. Осуществление его предполагает выработку новых средств борьбы, новых принципов в отношениях между людьми. Будучи непримиримым, отрицательным, обратным отражением буржуазного строя, пролетарская мораль выражает сопротивление существующему общественному устройству, и ее принципы отражают действительные условия борьбы пролетариата против буржуазии. Они не выдумываются, не привносятся извне в пролетарское сознание, не являются выражением каких-либо априорных моральных догм, а порождаются самой жизнью. Возникая первоначально на стихийной основе, принципы пролетарской морали получают свое теоретическое выражение в марксистской этике. В ней раскрываются объективные источники этих принципов, их классовая, партийная сущность, перспектива перерастания принципов пролетарской морали в принципы общечеловеческой, коммунистической морали.

В Программе КПСС, принятой на XXII съезде, сформулирован моральный кодекс строителя коммунизма, включающий основные принципы коммунистической морали. В программе не просто приводятся принципы, а раскрываются условия и средства их реализации. Вовлечение всего населения в творческий труд для создания материальной базы коммунизма, повышение активной роли населения нашей страны в управлении государством, развертывание широких международных связей с трудящимися всего мира в области экономической, политической и культурной и многие другие другие практические меры приводят к изменению нравственного облика каждого человека.

Важнейшим принципом коммунистической нравственности, вытекающим из условий жизни, труда и борьбы рабочего класса за свое освобождение, является принцип коллективизма.

Коллективизм. Коллективистские отношения людей за-

рождаются вместе с возникновением человеческого общества. Однако характер их дальнейшего развития настолько противоречив, что о коллективизме в подлинном смысле этого слова можно говорить лишь применительно к пролетарской среде, имея в виду формирование особой нравственности в среде пролетариев, нашедшей свое выражение в товарищеской солидарности, в уважении к интересам коллектива, в выработке строжайшей революционной дисциплины и самодисциплины. Особенно остро стоял вопрос о приоритете коллективных интересов перед индивидуальными, личными интересами в борьбе пролетариата против мелкобуржуазной стихии в революции, против влияния индивидуалистической буржуазной идеологии.

Представители буржуазной идеологии часто главным объектом своих нападок на марксизм делают идею коллективизма, пытаясь дискредитировать ее, изображая коллективизм как нечто отрицающее индивидуальность и оригинальность человеческой личности. Доводя идею обобществления человеческих отношений до крайности, вульгаризируя марксизм, идеологи буржуазии пытаются противопоставить идее коллективизма, как моральному принципу пролетариата, принцип индивидуализма, который якобы обеспечивает подлинное развитие человека как особенной неповторимой личности.

Еще К. Каутский в книге «Этика и материалистическое понимание истории» предпринял попытку биологического истолкования коллективистских отношений, рассматривая коллективистские отношения как наиболее примитивные, характеризующие непосредственную связь человека с животным миром.

Разделявшие подобную точку зрения не затрудняли себя разбором диалектики общего и особенного в сфере нравственных отношений. «Шарахаясь» от марксизма, они безапелляционно утверждали абсолютную противоположность личности и коллектива. Так, русский буржуазный интеллигент Г. И. Маркелов пишет, что «проблема культуры есть вместе с тем проблема индивидуализма».¹ А Карл Гофман все побудительные мотивы в действии людей сводит к «я».² Остальные мотивы в поведении людей считает лишь промежуточным этапом к этапу «я». Во всех сферах человеческой деятельности господствующим чувством называет эгоизм. Даже социализм, по его мнению, «есть классовый эгоизм рабочих».

В буржуазном обществе индивидуализм представляет собой вполне естественное явление, он выражает те экономические отношения, которые делают человека функцией собственности, персонифицированным, олицетворенным капиталом. Поэтому отсутствие собственности, отсутствие капитала расценивается общест-

¹ Г. И. Маркелов. Личность как культурно-историческое явление (Этюды по истории индивидуализма), т. I. Спб., 1912, стр. 3.

² К. Гофман. Эгоизм или социализм, или «я» и общество. Спб., Изд. «Мир», 1906.

венным мнением как утрата личного достоинства. Развращающее влияние частнособственнической психологии распространяется и на широкие массы населения, формируя у них желание «пробиться в люди», привычку не пренебрегать ради этого любыми средствами.

Индивидуализм превращен буржуазией в оружие своей классовой политики. Правящие классы, заинтересованные в разъединении, разобщении трудящихся, приучают человека с юных лет думать прежде всего о стяжательстве. Все это формирует особый тип человеческой личности.

Характерно, что буржуазные философы, социологи, психологи всегда стремились объяснить характер отношений между людьми в обществе «вечными» чертами человеческой природы. Стало обычным представлением о том, что человек строит свои отношения с другими людьми «сообразно характеру», индивидуальная форма проявления которого отрывается от исторически-классового содержания. Такой «вечной» принадлежностью человеческой природы и ее сущностью буржуазная наука считает эгоизм. «Эгоизм поначалу заставлял людей ожидать от других отеческой нежности, — развивает эту теорию Б. Рассел, — но когда они открыли с негодованием, что другие имеют свое собственное я, разочарованное желание нежности обратилось в ненависть и насилие».³

Доведенный до крайности индивидуализм буржуа нашел свое выражение в философии Ф. Ницше. Правда, Ницше не получил при жизни официального признания; буржуазное общество было шокировано слишком откровенной проповедью аморализма. Но, как правило, протест против «сверхчеловека» Ницше был протестом мелких собственников против «сверхсилы» крупных хищников. С развитием империализма Ницше провозглашается фашиствующими идеологами пророком и его идеал «сверхчеловека», трансформированный Шпенглером, широко пропагандируется германским фашизмом.

В культе «сверхчеловека» нашла свое отражение психология хищного, здорового, «особенного» буржуа, который «возвышается» над «стадом людей», к которому неприменимы мерки человеческих добродетелей и пороков, поскольку он руководствуется «волей к власти» — тем принципом, что находится «по ту сторону добра и зла».

Господство индивидуалистической морали в буржуазном обществе не означает, разумеется, что там полностью отсутствуют коллективные отношения. Это объединение одних групп людей против других Маркс называл «пауками в банке».

В эпоху гниющего капитализма постепенно рушатся иллюзии «маленького человека» буржуазного мира, связанные с индивидуализмом, умирает надежда на успех и наступает глу-

³ Б. Рассел. История западной философии. М., ИЛ, 1959, стр. 702.

бокое разочарование в жизни. Как тяжелую социальную трагедию переживают этот процесс многие люди современного буржуазного мира, которые пока еще стоят на распутье, не будучи способны окончательно преодолеть индивидуализм и перейти к коллективизму.

Коллективизм — специфическое явление социалистического общества. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» показали, что в условиях капиталистического общества возможно существование только «суррогатов коллектива», «совершенно иллюзорной коллективности». Настоящий коллектив имеет место только «при коллективности революционных пролетариев, ставящих под свой контроль как условия своего существования, так и условия существования всех членов общества».⁴

В борьбе против эксплуататоров у пролетария вырабатывалось сознание своих обязанностей по отношению к своему классу, солидарность, дисциплина, преданность общему делу. Классовая борьба пролетариата положила начало коренной перестройке человеческих отношений. Смысл этой перестройки заключался в том, чтобы «...вытравить проклятое правило: „каждый за себя, один бог за всех“... чтобы внедрить в сознание, в привычки, в повседневный обиход масс правило: „все за одного и один за всех“».⁵

В процессе борьбы за новую жизнь рабочий класс впервые в истории человечества сделал коллективизм основным принципом трудовой жизни. Широкие трудящиеся массы научились не только побеждать своих врагов с оружием в руках, не только строить новую жизнь, но и мыслить по-новому, по-коммунистически. «Что значит мыслить по-коммунистически? — спрашивает начальник цеха Кировского завода Герой Социалистического Труда г. Мирошников, — это значит слить понятие „свое“ с понятием „наше“. Это значит, если я сталкиваюсь с разгильдяйством, бесхозяйственностью, бюрократизмом, я не пройду мимо, хотя это прямо меня и не касается. Это значит, если в цехе грязь и беспорядок, я в этом виноват не меньше других; если хулиган распоясался на улице, я не пойду искать милиционера, а сам вмешаюсь в дело. Это значит, если товарищ мой отстаёт, я ему помогу...»⁶

Такое слияние понятий «мое» и «наше», единение личных и общественных интересов не только не принижает, не «усредняет» человеческую личность, но, напротив, создает для нее условия действительно полноценного и всестороннего развития. Возможность развития не для отдельной «исключительной» личности, а для каждого человека создает лишь такой общественный строй, который делает принцип коллективизма законом жизни.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 76.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 103.

⁶ «Комсомольская правда», 1959, 6 февраля.

Новый, бесклассовый строй возникает в горниле социальной революции, когда «на место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».⁷

Но как сплотить людей в настоящий коллектив? Коллектив, независимо от того, состоит ли он из нескольких человек, или из нескольких сотен людей, не может держаться и развиваться только на основе личной симпатии всех его членов. В коллективе объединяются разные люди, а чувства симпатии неустойчивы и подвержены быстрым изменениям. Для того чтобы сплотить людей в настоящий коллектив, нужно нечто большее: общность идей, единство цели, а это формируется только в процессе совместной борьбы рабочего класса за социализм, в процессе совместного труда. Совместный свободный труд освобожденных от эксплуатации людей порождает новые нравственные отношения, становящиеся примером подлинного коммунистического бытия.

В рассмотрении принципа коллективизма необходимо вычленить два аспекта соотношения личного и общественного.

Во-первых, в нашей литературе при раскрытии содержания этого принципа подчеркивается момент подчинения личного общественному. Индивидуализм и эгоизм чаще всего толкают людей на совершение антиобщественных поступков. Горький метко называл личный эгоизм «родным братом подлости». Эгоизм проявляется в форме безудержного тщеславия, в пренебрежении к общественному долгу, в равнодушии к чужой беде, в трусости.

В газете «Смена» от 24 мая 1961 г. была опубликована большая статья о распределении молодых музыкантов, окончивших ленинградскую консерваторию. Не соглашаясь с назначением в Барнаул, один из молодых людей заявил: «Почему я должен отказываться от своего счастья? Да, я комсомолец, но какое это имеет отношение к делу? Если я туда поеду, я дисквалифицируюсь как скрипач. Задачи семилетки по культуре? Ха! Поднять уровень самодеятельности до профессионального! В Барнауле еще пять—десять лет не будет приличного оркестра». Другой отказывающийся выразил свое кредо мещанина куда более лаконично: «Вот если бы я был бездарным музыкантом, я поехал бы куда угодно».

Выпячивание «я», пренебрежение и неуважение к окружающим, снобизм в самом худшем смысле этого слова, встречающиеся в нашей среде, заставляют серьезно задуматься над методами искоренения эгоизма. Передовые коллективы трудящихся, ставящие перед собой задачу не только работать, но и жить по-коммунистически, находят действенные формы воспитания чувства коллективизма, которая предполагает умение, способность личности подчинять личные интересы общим.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 447.

Заслуживает внимания в этой связи постановка вопроса о моральном смысле овладения смежными профессиями. В коллективах, где широкое распространение получает принцип взаимозаменяемости, люди чувствуют себя значительно увереннее. Силы каждого оказываются помноженными на усилия всего коллектива, и вместе с тем исчезает ореол «незаменимости», гипертрофированная личная гордость у некоторых рабочих.

Такой коллективизм в труде не принижает талантливую личность передового рабочего и не ведет к уравниловке. Напротив, он предполагает воспитание в каждом человеке осознания своих возможностей справиться с работой на любом участке, умение подчиняться коллективной дисциплине и руководить своими товарищами. Принцип взаимозаменяемости способствует развитию подлинного равенства между членами коллектива, он создает возможность преодоления пережитков индивидуалистической психологии. Подчинение личного общественному — это важная сторона принципа коллективизма. Остро стоял вопрос о таком подчинении в период революционной борьбы пролетариата за социализм, в период формирования новой пролетарской дисциплины и самодисциплины, в период борьбы с мелкобуржуазной стихией и ее влиянием на рабочий класс.

Но характеристика принципа коллективизма только как подчинение личного общественному является односторонней и не раскрывает перспектив развития этого принципа. Доведенная до крайности, такая односторонность становится призывом к «жертвенности» и дает повод настоящий, сознательный героизм борцов за коммунизм истолковывать как фанатизм.

Передовые мыслители прошлого всегда подчеркивали «противоестественность» отказа от личных интересов. Но от мыслителей старого общества ускользала тонкая диалектика личного и общественного.

Основоположники марксизма в теории научного коммунизма показали практическую возможность гармонии личного и общественного. Смысл развития коллективизма заключается не только в подчинении личного общественному, но и в слиянии личного с общественным. «Социалистическое общество основано на принципе коллективности, — писал А. С. Макаренко. — В нем не должно быть уединенной личности, то выпяченной в виде прыща, то размельченной в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива. В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива».⁸ Эту идею гармонии личности и коллектива прекрасно воплотил в педагогическую теорию и практику А. С. Макаренко. Поэтому его воспитанники никогда не были жертвами долга, дисциплины, идеи.

⁸ А. С. Макаренко. Соч. в 7-ми томах, т. 5. М., 1951, стр. 333—334.

Коллективизм формируется в условиях динамического коллектива, обладающего реальными перспективами для своего развития. Утрата перспектив, как правило, приводит к распаду коллектива. Трудности, возникающие в некоторых коллективах, борющихся за звание бригад или цехов коммунистического труда, нередко связаны с непониманием того, что ясная, понятная и вдохновляющая всех перспектива — обязательное условие укрепления и роста коллектива.

Мерилом успехов бригад коммунистического труда является выполнение принятых обязательств. Обязательство — это боевая программа, это реальная перспектива, зовущая вперед. Но к чему зовет, какую перспективу открывает обязательство, принятое в одном из строительных управлений г. Ленинграда: «Собравшись на собрание бригады, мы, члены бригады, постановили: включиться в соревнование за звание бригады коммунистического труда и впредь называться бригадой, борющейся за звание бригады коммунистического труда.

Уверены, что, включаясь в это соревнование, мы еще выше поднимем наши производственные успехи».⁹ Нет ничего странного в том, что бригада вскоре распалась, так и не получив звание, за которое она «боролась».

Упрочение коллектива зависит и от установления правильных взаимоотношений между людьми, от последовательного разрешения проблемы равенства. Развитие различных форм взаимозаменяемости, чуткое, внимательное отношение коллектива к каждому его члену, широта и общность интересов, привлечение всех членов коллектива к организаторской деятельности, к управлению сплачивают коллектив.

Разумеется, это не означает отказа от авторитета в коллективе, не снимает вопрос о его руководителях. Напротив, воспитание трудящихся в духе коллективизма во многом зависит от уровня и качества руководства. Это выдвигает один из важнейших вопросов в системе коммунистического воспитания — вопрос о высокой культуре руководства, претворяющей в жизнь ленинский завет руководителю — «жить в гуще, знать все!».¹⁰

В эпоху социализма, в период развернутого коммунистического строительства коллективизм становится органической чертой личности. В коллективизме, в органическом слиянии интересов личности с интересами коллектива индивидуум обретает подлинную свободу. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» подчеркивают эту роль коллектива: «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода».¹¹

⁹ «Смена», 1961, 4 февраля.

¹⁰ Ленинский сборник, XXXVI. М., Госполитиздат, 1959, стр. 398.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 75.

Коммунистическое отношение к труду. Раскрывая историческую сущность человека, Маркс и Энгельс впервые высказали и обосновали идею о том, что «труд создал человека». Человек отделяется от природы, «обретает» самого себя в процессе труда. Но развитие человеческого общества связано с возникновением классового, эксплуататорского общества, которое породило «бесчеловечные» формы труда. В условиях эксплуатации, в условиях господства частнособственнических отношений труд является тяжелой обязанностью человека, средством для поддержания его существования. Все это веками воспитывало у людей особое отношение к труду, как «тяжкой доле». Не случайно в толковом словаре Даля слово «труженик» истолковывается как «мученик».

Практика социалистического и коммунистического строительства опровергла старые представления о труде, о неспособности трудящихся к трудовому творчеству, с другой стороны, она не подтвердила и «прогнозов» Фурье. При социализме труд не превращается в забаву, он составляет сущность общественной жизни, характеризует смысл и цель жизни человека. Социализм освободил трудящихся от эксплуатации, ликвидировал противоположность между физическим и умственным трудом, в корне изменил отношение общества к тем, кто создает материальные ценности. В новых условиях жизни формируется новый человек, для которого труд — первая жизненная потребность.

Обязательным условием воспитания человека с коммунистическими убеждениями становится трудовое воспитание.

Во-первых, трудовое воспитание является непрерывным процессом, делом всей жизни человека, создает историческую преемственность в смене поколений, возможность передачи и накопления жизненного опыта.

Во-вторых, трудовое воспитание создает условия для формирования нравственной, цельной человеческой личности.

В трудовом коллективе человек овладевает мастерством, получает профессию, перенимает опыт, знания своих товарищей. В совместном трудовом усилии, как говорил А. С. Макаренко, воспитывается «не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям, — это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, который спокойно смотрит, как другие работают, пользуется плодами их трудов, — такой человек есть самый безнравственный человек в Советском обществе».¹²

Именно в силу этих обстоятельств сейчас, в период постепенного перехода к коммунизму, так серьезно стоит вопрос об организации трудового воспитания.

---

¹² А. С. Макаренко. Соч., т. 4, стр. 396.

В своей повести «В трудном походе» Любовь Кабо¹³ с большим мастерством показала отрицательное влияние чисто словесного воспитания, которое нашло свое проявление и в нашей школе. Многие замечательные идеи, принципы нашей морали усваивались ребятами-школьниками чисто словесно. Это порождало у некоторых из них раздвоенность, фальшь.

Особенно сказались недостатки нашего школьного воспитания на отношении молодежи к физическому труду. А ведь именно труд делает человека красивым и, как великолепно сказал А. Твардовский на Всероссийском съезде учителей, «ловкость и умение в физической работе украшают интеллигентного человека, сообщают ему черту какого-то хорошего демократического благородства».¹⁴

После принятия в нашей стране закона о новой школе, о соединении обучения с общественно полезным трудом, буржуазная печать опубликовала массу «комментариев» по этому поводу. Характерно, что почти все они пытались усмотреть в этой новой форме обучения и воспитания нашей молодежи какой-то скрытый меркантилизм или даже форму «эксплуатации». Но, разумеется, в осуществлении трудового воспитания—главное не экономический эффект, а моральный. Поэтому особенно велико значение мастера в развитии трудового воспитания. Большой производственный и жизненный опыт, высокая идейность, настойчивость в решении поставленных задач, самостоятельность и инициатива — вот что требуется сейчас от руководителя производственного коллектива.

Наша рабочая общественность все настоятельнее предъявляет к мастеру-руководителю требования, которые выходят за рамки производственной характеристики человека. Сейчас, как никогда, необходимо понимание чувств, настроений, дум людей, умение воздействовать на рабочий коллектив не только административной силой, но и силой морального авторитета, силой примера. Все чаще и чаще на рабочих собраниях, в заводских многотиражках в разговоре о мастере, начальнике цеха, бригадире упоминаются такие качества, как чуткость, человечность, доброта и отзывчивость в соединении с партийной принципиальностью, глубоким уважением к людям и требовательностью, которые создают ленинский стиль в руководстве коллективом. В. И. Ленин, говоря о новых советских организаторах производства, характеризовал их как «людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей».¹⁵

¹³ См. журнал «Новый мир», 1956, № 11—12.

¹⁴ А. Т. Твардовский. «Всероссийский съезд учителей», 6—9 июля 1960 г. Стенографический отчет. М., Учпедгиз, 1961, стр. 205.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 233.

Коммунистическое отношение к труду включает творческий характер труда, новаторство, умение, не останавливаясь на достигнутом, видеть возможности дальнейшего совершенствования процесса производства, повышение производительности труда. Массовое движение рационализаторов производства, охватывающее всех трудящихся от рабочего до инженера, экономиста, ученого, постоянное повышение мастерства, ощущение красоты труда и увлеченность трудом — явления непонятные и невозможные в буржуазном обществе — этому весомое доказательство. Недаром так горячо поддержала советская общественность предложение старых кадровых рабочих — героев труда — об учреждении почетного звания «Мастер — золотые руки».

Но главным, определяющим все остальное в содержании коммунистического отношения к труду, является забота об общем успехе, умение видеть и оценивать свой труд как необходимую часть общего труда, труд, результаты которого достаются «не работающим лично и не их „ближним“, а „дальним“, т. е. всему обществу в целом»,¹⁶ как сказал В. И. Ленин о первых коммунистических субботниках. С трибуны XXII съезда Герой Социалистического Труда В. Гаганова рассказала о своей землячке, накануне съезда принятой кандидатом в члены КПСС: «Это Галина Пушкиова — работница стеклозавода „Красный май“. В один из дней девушка пришла к руководителям предприятия и попросила, чтобы ей увеличили норму: она чувствует, что может сделать больше, чем предусматривали существовавшие тогда нормы. Галина понимала, что увеличение нормы как-то отразится на ее зарплатке, но она заботилась не о себе, а об интересах государства. Разве мыслимо что-нибудь подобное на Западе, в так называемом „свободном мире“?»

По примеру Галины Пушкиовой такой же высокий патриотизм проявили многие рабочие и работницы города и района. На заводе „Красный май“ благородному почину Галины Пушкиовой последовал 141 человек. Они дали государству за короткое время более 7 тыс. рублей экономии. Вот он, советский рабочий, который интересы государства ставит превыше всего! Разве это не убедительное подтверждение того, что уже сегодня главным в жизни, в работе советского человека стало соблюдение принципов морального кодекса строителя коммунизма...»¹⁷

Преданность коммунизму, социалистический патриотизм и интернационализм. Трудящееся человечество, прогрессивно настроенные слои населения издавна подвергали моральному осуждению людей, лишенных любви к родине, к своему народу. Развитие патриотических чувств у народа связано обычно с борьбой за национальную независимость про-

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 394.

¹⁷ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 2. М., Госполитиздат, 1962, стр. 28.

тив иноземных поработителей. Чувство патриотизма в классовом обществе носит сложный противоречивый характер. На патриотизм народа отрицательное влияние оказывают господствующие классы, «собственные» угнетатели. Поэтому, например, любовь к родине сочеталась в русском народе с ненавистью к самодержавно-крепостническому строю.

Крепостник-помещик всегда был либо тупым поборником «самодержавия, православия, народности», либо отвратительным в своем пресмыкательстве перед «заграницей» космополитом, чуждым подлинной национальной гордости и достоинства. Салтыков-Щедрин дал подобному «россиянину» беспощадную и меткую характеристику: «В России он (россиянин) ехал на перекладных и колотил по зубам ямщиков; за границей он пересел в вагон и не знает, как и перед кем излить свою благородную душу. Он заигрывает с кондуктором и стремится поцеловать его в плечико (потому, что ведь известно, что у нас нет середины: либо в рыло, либо ручку пожалуйте); он заигрывает со своим vis-a-vis и все-то удивляется, все-то удивляется, все-то акает! „Я россиянин, следовательно, я дурак, следовательно от меня пахнет“, — говорит вся его съезжившаяся фигура».¹⁸

Патриотизм как одно из наиболее древних глубоких чувств имеет определенную объективную, материальную основу. Люди стихийно, прежде всего в общественной психологии, отражают необходимость заботы о благе своих родных, близких, земляках, соотечественниках. Осознание этого чувства вызывало подъем патриотического движения — борьбы за счастье своего народа — и являлось всегда признаком высоко нравственной человеческой личности. Нельзя любить человечество вообще, не проявляя эту любовь в конкретных формах. Поэтому измена национальным интересам своего народа всегда воспринималась как глубоко аморальное явление. А. Н. Толстой называл человека, лишённого чувства любви к родине, «мертвым человеком». Он писал: «В таком человеке я вижу врага, сколько бы он мне ни говорил о любви к человечеству».¹⁹

В патриотических чувствах находится в сложном взаимодействии и проявление общенациональной и классовой психологии народа. Поэтому в патриотическом движении (например, в современном национально-освободительном движении), как ни в каком другом случае, возможно единение национальных интересов, выработка общей политической платформы.

Но развитие патриотических чувств в условиях капитализма связано, как правило, со стремлением господствующих классов закрепить, увековечить архаические стороны национального быта, отсталые традиции, привычки. Тем самым затормаживается духовный, культурный прогресс трудящихся масс, сохраняются ус-

¹⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин. Соч. в 12 тт., т. 3, 1951, стр. 142.

¹⁹ А. Н. Толстой. Избранные сочинения в 6 тт., т. 6. М., Госполитиздат, 1953, стр. 398.

ловия для укрепления психологии буржуазного национализма, нетерпимости по отношению к трудящимся других национальностей.

Борьба с пережитками реакционных национальных традиций (например, с остатками феодально-байского быта среди населения Узбекской и Таджикской ССР) есть составная часть коммунистического воспитания трудящихся.

В социалистическом обществе впервые в истории разрешаются противоречия национальных интересов в условиях существования многонационального государства, создается основа для осуществления высшей формы патриотизма — патриотизма социалистического. Патриотизм советского народа, освобожденный от неизбежной при эксплуататорском строе раздвоенности, превратился в могучую движущую силу развития нашего общества.

Родина для человека, живущего в социалистическом государстве, — не только родная земля, близкие люди, понятный язык, но и свобода, осуществленное практически равенство и братство, осуществление великих идеалов коммунизма.

Подтвердилось предвидение Ф. Энгельса, который свыше ста лет назад писал: «...член такого общества в случае войны... должен защищать *действительное* отечество, *действительный* очаг... он, следовательно, будет бороться с воодушевлением, со стойкостью, с храбростью, перед которыми должна разлететься, как солома, механическая выучка современной армии».²⁰

Советский патриотизм представляет собой огромную духовную силу, соединяя лучшие патриотические традиции прошлого с новым отношением к социалистической родине, к завоеваниям социализма.

Поэтому такое большое значение в нашей действительности придается воспитанию социалистического патриотизма, которое воспринимается как одна из важнейших сторон политического воспитания. Преклонение перед буржуазной культурой, бытом, культ «американизма» — все это обозначают иногда «преклонением перед иностранщиной». У нас в это выражение подчас вкладывается самый разный смысл. В некоторых случаях люди, отличающиеся обывательской, мещанской ограниченностью, подводят под это определение любое восприятие иностранной культуры, науки, техники. Но действительное патриотическое воспитание ничего общего не имеет с воспитанием национальной ограниченности, нетерпимости к быту, нравам, культуре других народов. Поэтому более точно может быть выражена эта задача воспитания как борьба с преклонением перед буржуазным бытом, реакционными тенденциями буржуазной культуры. Ведь не секрет, что поверхностное знакомство с жизнью Запада создает подчас ложное представление о действительном положении населения капиталистических стран. Такая информация на этот

---

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 539.

счет, как фильм «Рапсодия» или передачи радиостанции «Голос Америки», оказывает влияние на некоторую часть молодежи социалистических стран и способствует распространению иллюзий об «американском рае», «скандинавской исключительности» и т. д.

О том, какое роковое влияние на жизнь молодого человека могут оказать подобные представления о Западе, рассказал в своем романе чешский писатель Зденек Плугарж. Само название романа «Если покинешь меня» символично. Уход в «свободный» западный мир, предательство по отношению к социалистической Чехословакии искалечили и погубили жизнь многим так называемым «политическим эмигрантам», о которых рассказывается в этом романе.

Развращенные, дезинформированные буржуазной пропагандой герои этой книги Ярда, Вацлав и Гонзик покинули свой дом, близких, отечество. Когда их везли в немецкой машине к военному коменданту, они восхищались «культурой Запада». «Ярда, развалясь, положила руки на спинку сиденья. „Запад, ребята! Вы посмотрите на этот асфальт. Качество!“ Вацлав снисходительно улыбался. Ветер относил слова, и ему приходилось кричать: „Культуру, жизненный уровень народа определяют по двум вещам: уборным и дорогам...“»²¹

Но мучительно и беспощадно наступает прозрение. Гибнут и Вацлав, и Ярда. И только Гонзику после тяжких испытаний удалось вернуться на родину, которую он так бездумно покинул.

Воспитание социалистического патриотизма означает воспитание любви к истории своего народа, к его сложному, порою мучительному и полному лишений пути, к его борьбе за лучшую жизнь.

Социалистический патриотизм есть по существу разрешение самых глубоких противоречий в национальном сознании, порождаемых законами капиталистического развития. В. И. Ленин показывал в своих работах, посвященных национальному вопросу, что буржуазная действительность порождает неразрешимые противоречия двух тенденций в национальном движении: тенденции к национальной ограниченности, изоляции национального рынка и тенденции к установлению международных связей капитала, порождающих «бесчеловечную» форму «преодоления» национальной ограниченности средствами угнетения и порабощения отсталых народов.

На этой основе происходит сложное развитие национальной психологии: с одной стороны, усиливается стремление к национальной изоляции, что ведет к распространению идей буржуазного национализма у угнетаемых, зависимых народов; с другой стороны, широкое распространение получает идеология космопо-

---

²¹ Зденек Плугарж. Если покинешь меня... «Роман-газета», 1960. стр. 17.

литизма, которая всегда включает в себя и крайний шовинизм и расистскую нетерпимость к другим «неарийским» или «цветным» народам.

Социалистическая революция практически разрешает эти противоречия в национальном движении, осуществляя «полное равноправие наций; право самоопределения наций».²² Поэтому социалистический патриотизм в корне противоположен буржуазному национализму, он предполагает, по-существу включает в себя развитие последовательного интернационализма, чувства глубокого уважения ко всем трудящимся, независимо от их расовой или национальной принадлежности.

Преодоление пережитков буржуазного национализма — очень важная политическая задача, учет которой делает воспитательную работу партии, государства более действенной и эффективной. Особенно остро стоит этот вопрос в партийной работе тех социалистических стран, народы которых в силу особенностей своего исторического развития сформировались со стойкими националистскими убеждениями. Преодоление этих убеждений — дело сложной, кропотливой воспитательной работы. Учет особенностей «национального духа» народа совершенно необходим. Очень серьезно ставил этот вопрос на IX Пленуме Польской объединенной рабочей партии Б. Гомулка: «Специфической чертой, которую история оставила в психике польского народа, является, например, его особенная впечатлительность к суверенитету страны. Она происходит от разделов Польши, от вековой неволи народа, имеющего тысячелетние традиции своей государственности.

Одновременно на нашей национальной психике сказались пагубные традиции шляхетства, анархистской демократии, а также оставшегося со времени разделов строптивного неуважения власти, уклонения от выполнения ее распоряжений. Наш народ отличается крайним индивидуализмом в повседневной жизни и одновременно глубоким чувством солидарности перед лицом внешнего врага».²³

Высшим выражением сознания классовой солидарности с трудящимися всего мира является пролетарский интернационализм. Он становится принципом пролетарской морали в широком международном масштабе. В отличие от патриотизма отношения пролетарского интернационализма возникли сравнительно недавно, в середине прошлого века. Их возникновение было выражением той борьбы, которую пролетариат повел против международных союзов и объединений буржуазии. Осознание пролетариатом необходимости международной солидарности трудящихся нашло свое научное воплощение в «Коммунистическом манифесте», провозгласившем лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

²² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 423.

²³ Б. Гомулка. Выступление на IX Пленуме ПОРП. «Коммунист», 1957, № 7, стр. 44—45.

В. И. Ленин подчеркивал, что международная солидарность трудящихся отвечает их интересам в борьбе за завоевание своего политического господства: «Сторонники помещиков и капиталистов, буржуазии, стараются разъединить рабочих, усилить национальную рознь и вражду, чтобы обессилить рабочих, чтобы укрепить власть капитала... Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты».²⁴

Коммунистическая партия Советского Союза, воспитывая трудящихся в духе коммунистической морали, утверждает интернационализм как один из главных ее принципов. Дружба народов всего мира, братство всех трудящихся — это величайшая ценность, борьба за сохранение и укрепление которой возлагает огромную моральную ответственность на современное человечество.

Н. С. Хрущев, раскрывая сущность пролетарского социалистического интернационализма, подчеркивал, что он предполагает взаимную поддержку, бескорыстную помощь народов социалистических стран друг другу. Пролетарский интернационализм означает самую активную поддержку свободлюбивых стремлений народов всех стран. «Чем выше будет жизненный уровень всех свободных народов, чем полнее будут удовлетворяться материальные и духовные потребности людей, тем скорее и легче будут преодолеваться пережитки капитализма в сознании людей, успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью. Вопрос о границах, в нынешнем его понимании, постепенно перестанет существовать. Ни одна суверенная социалистическая страна не может замкнуться в своих границах и опираться лишь на свои силы, на свои богатства. Если бы это было так, мы были бы не коммунистами-интернационалистами, а стали бы национал-социалистами».²⁵

Социалистический гуманизм. Величайшие перспективы развития коммунистической морали раскрываются в принципе социалистического гуманизма, который провозглашает человечность основой всех многообразных отношений между людьми. Казалось бы, что принцип человечности естествен в отношениях человека к человеку и нет смысла наделять его каким-то более узким, специфическим содержанием. Именно так абстрактно, говоря о «человеке вообще», рассматривает принцип гуманизма христианская мораль. Идея абстрактного, внеисторического гуманизма имели широкое распространение в буржуазной морали и связаны были с утверждением права человека на полноценную, счастливую, земную жизнь. Идеологи буржуазного общества, отстаивая гуманизм как принцип человеческих отношений, апеллировали к личности, к «человеку вообще», вырывая его из усло-

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 268.

²⁵ Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войны. Т. I. Госполитиздат, 1960, стр. 182.

вий реальной жизни. Они сосредоточивали все внимание на необходимости внутренней перedelки индивида, на необходимости нравственного совершенствования. Лучшие гуманисты прошлого, несмотря на страстность и силу своих человеческих идеалов, в конце концов все же приходили к выводу, что человек является властителем лишь своей собственной души. Исключительное внимание старых гуманистов к внутреннему миру человека, тонкий анализ развития совести, морального самосознания имели значение в развитии нравственного сознания. Они подчеркивали ценность человека независимо от его социального, имущественного положения, независимо от множества жизненных обстоятельств, учили величайшему уважению к человеческой личности, к ее воле, чувствам, способностям.

А. Виноградов в романе «Три цвета времени» вкладывает в уста своего героя Анри Бейля слова, выражающие сущность абстрактного гуманизма: человек должен дорожить прежде всего тем, что никто у него отнять не может; человека можно лишить состояния и чинов, человек может потерять здоровье, приятную наружность, расположение родных и друзей, но есть «нечто», что никто у него отнять не может,— это его «я», его человеческая сущность, которая возвышает его над миром низменных отношений и чувств.

Но природа «я», сущность человеческого, в отрыве от социальной истории, от материалистического анализа личности раскрыта быть не может. Поэтому рассуждения о «человеке вообще» страдают крайней неопределенностью. Маркс еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» показал необходимость исторического анализа сущности человека и человеческих отношений.

В отличие от биологической эволюции, в ходе которой животное приспособляется к внешним условиям и влияет на природу, как говорил Энгельс, «одним своим присутствием», человек начинает свою историю активным преобразованием природы.

Таким образом, сущность человека заключается в его трудовой, общественной жизни. Это ответ на вопрос, который является основным содержанием романа видного современного французского писателя-гуманиста Веркора «Люди или животные?». Это ответ на мучительные раздумья о сущности человеческих отношений, которые характерны для современной буржуазной интеллигенции.

Толковать человека по его существу, значит толковать его как существо, которое трудится, творит, которое сознательно действует, выдвигает перед собой определенные цели. Однако с возникновением частной собственности трудящиеся лишаются созданных ими средств производства, органическая связь между сознательной целью, которую человек намечает в процессе труда, и средствами ее реализации порывается. Труд человека не является более реализацией его собственных целей, его личных

галантов. Он теряет сознательный контроль над целью своего труда, он реализует цели других.

Человек перестает быть тем, кто выдвигает цели, и становится средством, средством производства, моментом в объективном процессе производства. Маркс называл эти изменения первым аспектом «отчуждения» трудящегося человека.

Второй аспект — это отчуждение самого труда. Труд не является отражением внутренней потребности человека, он превращается в силу внешнего принуждения, выражая процесс превращения работника в придаток машины. Труд перестает быть выражением потребности человека в ее специфически человеческой форме — потребности созидания. Люди превращаются в средства друг для друга.

О неумолимую логику развития частнособственнических отношений разбивается центральный лозунг буржуазного гуманизма, выраженный в категорическом императиве Канта: «Человек никогда не должен быть средством, а только целью для другого».

Развитие частнособственнических отношений находится в глубоком противоречии с этим призывом, поскольку человек из субъекта истории превращается в объект. Отношения между людьми утрачивают свою человеческую основу и предстают как отношения между вещами.

Смыслом человеческого существования становится обладание вещами, такая жизнь разрушает человеческое в человеке, ведет практически к гибели всех лучших человеческих чувств: любви, дружбы, верности и т. д.

Этот процесс «овеществления» человеческих отношений находит свое многообразное отражение в лучших произведениях реалистов прошлого и настоящего. Гуманистический смысл романов Бальзака и Толстого, Салтыкова-Щедрина и А. Франса, Э. Триоле и многих других писателей заключается в страстном протесте против силы «вещественных» отношений, за торжество человеческого в человеке.

Но научную теорию процесса «отчуждения» создает марксистская наука, которая связывает возможность «действительного» человеческого существования с социалистической революцией, с ликвидацией частной собственности. На этой основе развивается реальный, пролетарский гуманизм, который раскрывает законы общественного развития, сущность человеческого бытия. Поэтому, утверждая необходимость любви и уважения к человеку, социалистический гуманизм раскрывает законы формирования свободной личности. Коммунизм является в этом смысле не обобществлением владения в рамках «отчуждения», а действительной реализацией сущности человека. Поэтому только коммунизм создаст практическую возможность сделать принципом человеческих отношений любовь (не в фейербаховском смысле и не «вселенскую» любовь христиан), дружбу и доверие.

Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми —

одно из важнейших требований морального кодекса строителя коммунизма.

Человек человеку — друг, товарищ, брат! Последовательное осуществление этого принципа требует внимания к воспитанию доброты, веры в человека, терпимости к индивидуальным особенностям человека. А терпимость, индивидуальный подход к человеку у нас еще часто отождествляется с беспринципностью, слабостью характера.

Одной из черт социалистического гуманизма является требовательность по отношению к людям. Эта черта не только по существу, но и по внешней форме выражения отличает социалистический гуманизм от идеи христианского всепрощения. Христианской идее всепрощения противопоставляется нетерпимость к врагам человечества, которую Горький выразил лозунгом: «Если враг не сдается — его уничтожают».

Действительный гуманизм, провозглашенный марксизмом, раскрывает практическую возможность осуществления такого общественного строя, где восторжествует добро, справедливость и человеческое братство.

Новое качество социалистического гуманизма в его активности — это гуманизм, тесно связанный с политической борьбой пролетариата.

А. М. Горький, раскрывая смысл практического осуществления гуманизма, предлагал дать понять человеку, что он творец и хозяин мира и на него падает ответственность за все зло на земле, но ему также принадлежит слава за все блага жизни.

КАТЕГОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

Связь категорий морали с принципами и критерием нравственности

Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата. Нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

«В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»,¹ — четко и недвусмысленно формулирует В. И. Ленин то, что называют критерием морали, выводя его не из общечеловеческих и вечных законов морали, но из конкретно-исторических условий политической борьбы.

Истинность марксистского критерия морали обусловлена тем, что борьба за коммунизм отвечает историческому развитию человеческого общества, прогрессу человечества в современных условиях. Он действителен для эпохи, охватывающей всемирно-историческую борьбу трудящихся с последним эксплуататорским классом — буржуазией вплоть до полной победы коммунизма во всем мире. После завершения строительства коммунизма, с полным исчезновением классов и всех пережитков в сознании людей, связанных с классовым обществом, с превращением морали коммунистической в общечеловеческую мораль, неизбежно изменится конкретное выражение для критерия этой морали будущего. Но сущность критерия морали останется неизменной: всегда нравственным будет то, что соответствует прогрессивному развитию человечества. В этом заключена одна из особенностей развития человечества с момента, когда, по выражению Маркса, завершается предыстория человечества и начинается его подлинная история: стихийное развитие в области морали, в частности, проявлявшееся в том, что длительное время «необходимое зло» было неизбежным спутником прогресса,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 270.

уступает место развитию, озаренному светом человеческого разума.

Критерий коммунистической нравственности предельно широк, так как охватывает всю область нравственного, и вместе с тем прост и конкретен, что позволяет применять его при обобщении ряда нравственных фактов, при выяснении тенденции нравственного развития и при формулировке наиболее общих положений коммунистической морали — ее принципов и категорий.

Своеобразие принципов коммунистической морали определяется их непосредственной связью с критерием; область принципов — та область морали, которая особенно близка к политике.

Критерий коммунистической морали и основной ее принцип — коллективизм отражают то новое, что присуще только коммунистической морали, как новой, качественно своеобразной исторической ступени в развитии нравственности, отражающей принципиально новые отношения людей бесклассового, коммунистического общества на его первой фазе развития. То же самое следует сказать и о двух других принципах: коммунистическом отношении к труду и интернационализме. Правда, отношения людей, обобщенным выражением которых являются эти принципы, возникают в пролетарской морали еще до победы социалистической революции. Общий источник коллективизма и интернационализма — чувство, а затем и сознание общности интересов, чувство и сознание пролетарской солидарности. Коммунистическое отношение к труду возникает лишь после свершения революции, с упрочением новых производственных отношений.

Наконец, два принципа — гуманизм и патриотизм — преобразуются в коммунистической морали, освобождаются от абстрактности и пассивности (гуманизм), ограниченности, эгоизма и нетерпимости расовой (патриотизм). Сохраняется и обогащается их общечеловеческое содержание (уважение человеческого достоинства; признание человеческой личности, как высшей ценности; любовь к родине, как выражение духовной и природной связи с народом и человечеством). И, наконец, их содержание обогащается новыми чертами (действенность любви к человеку; требовательность, как выражение уважения; ненависть ко всему, мешающему расцвету личности, развитию человека в Человека с большой буквы; понимание подлинного гуманизма, как борьбы за человека; действенность патриотизма; его широта; высокое развитие чувства гордости своим временем и непосредственное выражение патриотизма в трудовой деятельности по строительству коммунизма).

В содержании категорий коммунистической морали находит свое выражение преемственность, существующая между историческими формами нравственности; в изменении и обогащении их содержания обнаруживается исторический прогресс нравственности.

Отсюда следует и еще одно, правда уже чисто формальное, но именно потому сразу бросающееся в глаза отличие категорий морали от принципов.

Критерий коммунистической морали является новым и по содержанию, и по форме.

Из пяти принципов коммунистической морали к трем (коллективизм, коммунистическое отношение к труду, интернационализм) это относится в равной мере. Два принципа — советский патриотизм и социалистический гуманизм — обнаруживают измененную форму и преобразованное содержание.

Категории же коммунистической морали (по крайней мере те, о которых будет идти речь²) оказываются старыми по форме (по выражающему их понятию) и обогащенными, а в ряде случаев преобразованными по содержанию.

По тому, что нового коммунистическая мораль вносит в содержание этических категорий, и по тому, что в их содержании преобразуется, можно обнаружить опосредованность категорий критерием и принципами коммунистической морали.

Так, если под долгом понимать сознание обязанности, то для христианской морали это обязанность перед богом; для феодально-дворянской морали это обязанность перед сеньором, монархом; для буржуазной морали это формально обязанность «деловая» или «национальная», по существу «обязанность» по защите своей собственности. Коммунистическая мораль предусматривает под этой категорией долг личности перед обществом и конкретизирует его применительно к тем обязанностям, которые отличают труженика коммунистического общества, гуманиста, коллективиста, патриота, интернационалиста. Едущий на освоение целины выполняет свой патриотический и общественный долг. Честно трудясь, он выполняет свой трудовой долг перед своим производственным коллективом и одновременно свой общественный, патриотический долг. Выбирая наиболее трудный участок работы, он выполняет ко всему остальному еще и долг человечности, выступая действенным, реальным гуманистом.

Содержание категорий морали

Категории морали представляют собой высокую ступень отвлечения, и наполнение их конкретным содержанием требует чрезвычайно широко проведенного анализа.

То, что они возникают достаточно рано, во всяком случае о большинстве из них можно смело говорить как о существующих

² В некоторых работах советских философов и педагогов есть попытки предложить новые моральные категории. Например, в лекции В. Н. Колбановского «Категории коммунистической этики» (в сб. «Лекции по марксистско-ленинской этике». Изд. МГУ, 1960) рассматриваются категории «человечности» и «правды». Считая в принципе интересными и важными исследования такого рода, мы в настоящем изложении ограничиваемся наиболее традиционными этическими категориями.

уже в доклассовом обществе, требует выяснения их конкретно-исторического содержания.

С возникновением классового общества в категориях отражается наряду с общечеловеческим классовое содержание морали данной исторической эпохи. Если соединить эти два момента, то первой формой анализа содержания категорий будет исторически-классовый. При этом каждая категория рассматривается исходя из ее собственного содержания.

Поскольку каждая из категорий оказывается выражением определенной связи личности с обществом — непосредственной, когда речь идет о долге, или опосредованной соответствующим поведением (добро, зло), — возможен собственно этический анализ.

Как обозначение нравственного качества человека каждая из категорий выражает «отношение личности» в его психологическом содержании (определенное соотношение мышления, воли, эмоций; избирательная направленность; система мотивации). Это позволяет подвергнуть содержание категорий морали психологическому (точнее социально-психологическому) анализу.

Обнаружение в содержании категорий диалектики общего, частного и единичного является предметом философского анализа категорий морали.

Совершенно очевидно, что полное, последовательное проведение всех указанных видов анализа содержания категорий (исторически-классового, собственно этического, психологического, философского) невозможно в рамках одного очерка.

Цель настоящего очерка — представить общую картину взаимосвязи категорий морали и дать обобщенное описание содержания двух наиболее широких из них — добра и справедливости с элементами исторически-классового и этического анализа.³

Взаимосвязь категорий морали

Одно из современных направлений в буржуазной этике — английский интуитивизм — считает вопрос о взаимосвязи категорий важнейшей проблемой морали. Утверждая интуитивность, непосредственную данность нравственных категорий, превращая их в самостоятельные сущности, подобно платоновским идеям, интуитивисты ведут уже много лет спор о том, какая категория основная? По утверждению Мура, это добро, Причард и Росс настаивают на примате долга.

Их рассуждения весьма напоминают споры средневековых схоластов по поводу того, что возникло раньше — яйцо или курица, поскольку саму проблему они решают средствами чисто

³ В марксистской литературе наиболее интересный пример в основном исторически-классового анализа категорий морали (добро и справедливость) дан П. Лафаргом в книге «Экономический детерминизм Карла Маркса» (М., Изд. «Московский рабочий», 1923).

умозрительными, используя семантику и логику, но не связывая возникновение категорий морали с действительными отношениями между людьми.

Марксистская наука рассматривает категории морали как обобщенное отражение в сознании реальных человеческих отношений, а именно отношений между обществом и личностью.

Поскольку эти отношения неизбежно оказываются общественно полезными или общественно вредными, их обобщенное отражение в формирующемся моральном сознании включает в себя элемент оценки. Этим обусловлена полярность категорий морали: добро — зло, справедливость — несправедливость и т. п.

Однако совершенно очевидно, что первоначальные понятия о добре и зле, справедливом и несправедливом отличаются от той теоретической обобщенности, какую они приобретают позднее в этических учениях. История возникновения той или другой категории морали с необходимостью дополняется развитием ее содержания в последующие исторические эпохи. Противоречивость, двойственность и ограниченность отличают содержание категорий морали в антагонистических обществах.

При всей заманчивости построить систему категорий на историческом принципе, начав с той, что возникла прежде других, очень легко совершить ошибку. Так, по всеобщему мнению, совесть как категория морали имеет столь позднее происхождение, что даже в произведениях древнегреческих писателей и философов нет слова, ее обозначающего. Но все этнографы вместе с тем свидетельствуют о мучениях совести, испытываемых людьми, не умеющими «это назвать». Что же считать исходным пунктом возникновения категории: реальное отношение, обобщенным выражением которого она выступает впоследствии, или возникновение слова, обозначающего это отношение, или, наконец, тот момент, с которого соответствующее нравственное понятие начинает в своей развитой теоретической обобщенности отвечать категориальному значению?

Лафарг, давший пример марксистского генетического анализа категорий добра и справедливости, не говорил, однако, о «первородстве» той или другой из этих категорий.

В марксистской этике вопрос о взаимоотношении и системе категорий морали еще требует своего разрешения. В весьма ограниченном круге работ, прямо или косвенно касающихся проблемы категорий, обычно дается их перечисление, за которым следует характеристика каждой из них в ее «отдельности».

Не избежал этого и В. Н. Колбановский в своей во многих отношениях интересной работе: его предварительные замечания касаются особенностей возникновения морали вообще и в частности исторического возникновения некоторых категорий и логической схемы, по которой в сущности вообще идет образование понятий в истории человеческого сознания.

В. П. Тугаринов касается этой проблемы лишь в негативном

плане, утверждая, что неправомерно ставить вопрос об основной этической категории и абсолютизировать тем самым какую бы то ни было из них — все зависит от того, в каком отношении их рассматривать, ибо тогда окажется, что «главнее» в одном отношении — долг, в другом — добро и т. п.

Однако поскольку сам автор в книге «О ценностях жизни и культуры» касается категорий добра и справедливости, можно предположить, что, по его мнению, эти категории представляют наибольшую ценность для человека и общества.

Чтобы наметить взаимосвязь категорий морали и предложить хотя бы намек на систему категорий, необходимо обнаружить общий критерий, с какого можно было бы их рассматривать.

Для этого целесообразно обратиться к категориям морали не в их историческом прошлом, а в той форме, какую они представляют сейчас, и вскрыть некоторые характеризующие их особенности.

Во-первых, хотя все они есть наиболее широкие этические понятия, степень этой широты и всеобщности у них неодинакова.

Категории добра и зла как нравственно положительного и нравственно отрицательного наиболее общи, так как характеризуют всю область нравственного. Более того, своеобразным выражением их предельной широты является перенесение их из области человеческих отношений на характеристику природных явлений, воздействующих на человека: таковы «добрые» и «злые» духи, олицетворяющие силы природы в понимании первобытного человека. Такова «злая» засуха, «зло» смерти, «добрый дождь», т. е. «добро» как все благоприятствующее и «зло» как все, не благоприятствующее человеку.

Категория справедливости является отражением отношений равенства или неравенства в их конкретно-историческом содержании. Как и категории добра и зла, она относится ко всей области нравственного, но рассматривает каждое из нравственных явлений, нравственных фактов *только* с одной их стороны: соответствия или несоответствия принятым нормам равенства.

Категория долга уже не охватывает всю область нравственного, а лишь сферу *обязанностей* человека перед обществом, определенной социальной группой и т. п.

Еще уже категория совести, отражающая оценку личностью своего поведения. Совесть, достоинство и честь являются обобщенным выражением нравственного самосознания личности, выражают отношение личности к самой себе на основе общественного отношения, тогда как в долге выражено отношение общества к личности, а категории добра, зла и справедливости охватывают и ту и другую сторону этих отношений.

Как форма общественного сознания, мораль характеризуется своеобразием связи общего, частного и единичного. Так, в категории добра и зла с наибольшей силой выражено общее, в долге — частное и в совести, чести, достоинстве — единичное, хотя

абсолютизация этого положения, его отрыв от того, что каждая из категорий, в свою очередь, представляет собою единство этих моментов, привело бы к абстрактной логистике.

Переход от предельно широких к более узким категориям, соответствующий относительному уменьшению общего и накоплению единичного, что в совокупности делает более узкие категории наиболее богатыми конкретным содержанием, особенно показателен, когда мы обращаемся к категории счастья.

Категория счастья возвращает нас к исходному пункту — проблеме добра и зла, но во всем богатстве индивидуализации. Категория счастья выражает понимание смысла человеческой жизни, определяемое уровнем нравственного сознания и самосознания, которого достигает человек в конкретных общественно-исторических условиях.

Добро

Все философы прошлого, обращаясь к проблемам морали, неизбежно должны были выяснить: что есть добро и его противоположность — зло. В решении этого вопроса обнаружилось различие точки зрения. Философы-материалисты указывают, во-первых, на земной источник добра: либо это все то, что полезно человеку (Эпикур), или то, что он считает для себя полезным (Спиноза). При этом конкретное содержание добра включает собственно нравственный аспект — «ни одно существо в мире не полезно человеку так, как человек, который живет, руководствуясь своим разумом»⁴ (Спиноза), а также и материальные предметы, способствующие удовлетворению потребностей и стремлений человека. В этом смысле хорошая пища, надежный кров, чистый воздух, способствующие укреплению тела, являются благом, добром для человека, так же, как и дружба, занятия философией и атеизм, избавляющий от пустого страха перед богом, способствующие укреплению духа (Эпикур). Определение добра, по мнению Спинозы, оказывается субъективным и ложным, если страсти одерживают верх над разумом: дело в том, что «мы стремимся к чему-либо, желаем чего-нибудь, чувствуем влечение и хотим не вследствие того, что считаем это добром, а наоборот, мы потому считаем что-либо добром, что стремимся к нему, желаем, чувствуем к нему влечение и хотим его». Так, для корыстолюбивого благо — куча денег, для честолюбивого — слава, для завистливого — чужое несчастье.⁵

В древности Аристотель, а в XIX столетии Людвиг Фейербах рассматривают добро и зло как то, что может характеризовать только человеческие свойства или поступки: «... Благо человека заключается в деятельности души, сообразной с добродетелью. ...

⁴ Спиноза. Избр. философские произведения, т. I. М., Госполитиздат, 1957, стр. 582.

⁵ Там же, стр. 464.

и притом в течение всей жизни, ибо „одна ласточка еще не делает весны”». ⁶ «Где нет различия между счастьем и несчастьем, между радостью и горем, там нет различия и между добром и злом. Добро — это утверждение, зло — отрицание стремления к счастью. Мое моральное требование к людям ограничивается единственно тем, чтобы они не делали ничего злого», ⁷ — утверждает Фейербах.

Материалистическая позиция подразумевает возможность и необходимость исследования источника суждения о добре и зле и видит его в присущем природе человека стремлении к удовольствию и отвращению от страдания (Эпикур, Спиноза, Локк, Гельвеций, Фейербах, английские утилитаристы).

Противоположная, идеалистическая точка зрения настаивает на божественном происхождении идей добра и зла. «Божественный разум... источник добра», ⁸ — писал Марк Аврелий. Христианская этика устами Августина Блаженного и Фомы Аквинского провозгласила бога единственным носителем и творцом добра: мир погружен в зло, ибо человек отпал от бога; после грехопадения человек утратил свободу воли к добру и свободно он может лишь грешить, усугубляя свою вину перед богом; все, что остается человеку, — это уповать на безграничное милосердие бога.

Философы-идеалисты нового времени попытались сгладить это крайнее противопоставление, по которому получалось, что на земле не существует добра. Напротив, утверждали они, всеблагость и безграничное милосердие бога обнаруживается в том, что мир устроен наиболее целесообразно, а бессмертной душе богом дана способность познавать добро и стремиться к добру (Лейбниц, Шефтсбери, Вл. Соловьев); бог — источник добра, он сообщает человеческой душе стремление к добру и отвращение от зла. По словам Канта, «нигде в мире невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только доброй воли», но эта добрая воля направляется, определяется к действию категорическим императивом, который есть не что иное, как голос бога в человеке.

Что касается зла, то, как предусмотрительно объяснял в «Теодицее» Лейбниц, оно также свидетельствует о божественной доброте: все проявления зла суть не более, как испытания, посылаемые богом человеку, чтобы еще больше укрепить его в вере. Словом, «все к лучшему в этом лучшем из миров!» — как постоянно восклицал Панглосс — созданная Вольтером язвительная карикатура на подобных мыслителей.

В отличие от идеалистов XVIII в., идеалисты XIX в. отдавали пальму первенства не добру, но злу. Клерикальный фанатик, бе-

⁶ Аристотель. *Этика*. Спб., 1914, стр. 12.

⁷ Л. Фейербах. *Избр. философские произведения*, т. 1. М., Госполитиздат, 1955, стр. 466, 641.

⁸ «Размышления императора Марка Аврелия Антонина о том, что важно для самого себя». Тула, 1882, стр. 70.

жавший от французской революции в Петербург, Жозеф де Местр вновь возродил идею Августина о всеобщей греховности мира.

Он оправдывал землетрясения, наводнения, войны, инквизицию как результат божеской мести за попытки ниспровергнуть установленный богом порядок и считал, что человек обязан покориться и целовать руку, которая его бьет.

Мир полон зла, это зло множится, растет, ибо страдание порождает все новые страдания; единственное добро заключается в прекращении жизни, этого изначального страдания, — таков окончательный вывод Шопенгауэра и Гартмана.

Утверждалась ли идеалистами абсолютность добра или абсолютность зла — им одинаково придавалось иррациональное, религиозно-мистическое содержание.

В XX столетии неотомисты (Маритен, Жильсон) возрождают учение Фомы Аквината о божественном источнике добра, постигаемом верующей душой. Мур в завуалированной форме «интуиции», «непосредственной данности» добра защищает его иррациональное, божественное происхождение.

Наконец, субъективные идеалисты утверждают, что добро и зло объективно не существуют. Наиболее полно этот взгляд выразил Ницше, по мнению которого только слабый обращается к категориям добра и зла, полагая с их помощью обуздать сильного. Напротив, для сильного существует лишь одна страсть — воля к власти. Французские экзистенциалисты пытаются доказать, что добро есть то, что выбирает человек как свое. Никаких объективных критериев к поступкам человека приложить нельзя. На основании этого Сартр считает, что два человека, один из которых в годы сопротивления был в «маки», а другой сотрудничал с нацистами, правы, если и тот и другой были свободны в своем выборе: просто каждый из них по-своему понимает добро и зло.

Итак, добро и зло суть то, что полезно или вредно человеку как в окружающем его мире, так и в поступках людей. Источником понимания добра и зла — природа человека как отдельного, естественного существа (домарксовский материализм).

Добро и зло и их понимание человеком имеют божественное происхождение или по крайней мере не могут быть предметом опытного исследования, ибо иррациональны по источнику (идеализм). «Добро» и «зло» существуют лишь как произвольные оценки, не имеющие объективного значения. Настоящий, сильный человек — сверхчеловек находится по ту сторону добра и зла (субъективный идеализм).

* * *

Домарксовский материализм преодолевает представление о неизменной божественной сущности моральных категорий для

того лишь, чтобы объявить их свойством неизменной природы человека: «Я не отрицаю... мудрость, добро, красоту, — пишет Фейербах, — я отрицаю лишь, что они в качестве этих родовых понятий являются существами, в виде ли богов, или свойств бога, или в виде платоновских идей, или гегелевских самополагающих ее понятий... они существуют лишь как свойства людей».⁹

Если в конце XIX и XX столетий буржуазные философы и социологи говорят о социальном содержании этических категорий, то лишь постольку, поскольку само это социальное сводится к природному, инстинктивному, биологизируется: «зло», каким является война, есть результат прирожденного человеку инстинкта драчливости (Мак-Дауголл), разрушительного инстинкта (З. Фрейд), страсти соперничества или любви к власти (Ницше, Рассел). Обращение к диалектике категорий морали с неизбежностью приводит их к крайнему субъективизму и релятивизму в сочетании с той же биологизацией социальной сущности человека (Сартр).

Буржуазная этика не смогла решить проблему «добра» и «зла», поскольку выдвигаемые ее представителями точки зрения оказывались односторонними, абсолютизирующими либо исторически преходящее (добро — это собственность, священная и неприкосновенная), либо мистифицированное человеческое отношение (добро — это любовь бога к людям). Даже «натолкнувшись» на относительный характер добра и зла, буржуазный идеолог абсолютизирует и извращает эту относительность, провозглашая, что ни добра, ни зла не существует вообще.

Сложный и противоречивый характер содержания категорий добра и зла отметил Ф. Энгельс, критикуя метафизическую точку зрения Дюринга на проблемы морали: «Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому. — Но, возразит кто-нибудь, добро все-таки не зло и зло не добро; если добро и зло валить в одну кучу, то исчезает всякая нравственность, и каждый может делать и поступать так, как ему угодно. — Таково именно мнение г-на Дюринга, если освободить это мнение от оракульского наряда. Но так просто вопрос все-таки не решается. Если бы это было действительно так просто, то ведь не было бы никаких споров о добре и зле, каждый знал бы, что есть добро и что есть зло».¹⁰

Причина разного понимания содержания этих категорий заключается в исторически-классовой обусловленности морали.

Марксизм, таким образом, требует конкретного социального анализа содержания категорий морали в их исторически-классовом противоречивом развитии.

⁹ Л. Фейербах. Избр. философские произведения, т. 2. М., Госполитиздат, 1955, стр. 628.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 94.

* *
*

Поль Лафарг начинает анализ добра с выяснения, что этим словом обозначается, и приходит к заключению, что для варвара добро существует как неразрывное единство материального и морального: первоначально добро — это то, чем человек владеет; но очень скоро этим понятием начинают обозначать качества, благодаря которым человек может владеть тем, что у него есть — вот почему мужество, храбрость, а вслед за тем и ум (хитрость) рассматриваются как добро: в «Илиаде» храбрейший из храбрых Ахилл, а в «Одиссее» хитроумный Улисс — главные из героев.

Однако эта слитность существует еще до возникновения частной собственности. Более того, как раз возникновение частной собственности приводит к обособлению материального и морального аспектов понимания добра. Уже Аристотель говорит: «Богатство, совершенно перестав быть наградой за добродетель, освобождало от обязанности быть добродетельным».¹¹

В доклассовом, родовом строе добро понимается как полезное, а зло как вредное для рода, а потому и для человека — члена рода. Юноша-австралиец, убивший коалу, испытывает мучительные переживания потому, что «будет засуха и бедные негры умрут с голода». Девушка-эскимоска, столкнувшаяся в пропасть большую старуху, убеждена, что сделала хорошо, потому что таков обычай, порожденный необходимостью, а стало быть, полезный для племени. Собственно моральное содержание добра и зла в этот период определяется соответствием или несоответствием обычаю. В этом смысле добрый поступок — это правильный, тем самым справедливый поступок, хотя еще нет обозначения справедливого и доброго как особых понятий. Зло — то, что наносит вред; как правило, это внешняя роду сила: стихийные бедствия, враждебное племя. Для сознания человека родового строя характерны непротиворечивость и несовместимость доброго и злого.

* *
*

Фридрих Энгельс, говоря о неизбежной гибели родовой общины, перечисляет низменные побуждения и гнусные страсти, подтачивающие ее нравственные устои. Но он одновременно показывает и те экономические причины, которые привели к столь разительной перемене нравов, в то время как даже прогрессивный, передовой философ-буржуа не идет в исследовании причин, порождающих зло, дальше идеологических оснований.

---

¹¹ См.: П. Лафарг. Экономический детерминизм Карла Маркса. М., Изд. «Московский рабочий», 1923, стр. 155.

«Я пришел к тому выводу, — говорил Гельвеций, — что бедствия народов можно всегда объяснить несовершенством их законов и, следовательно, незнанием ими некоторых моральных истин».¹²

Однако уже утописты-коммунисты XVIII в., современники Гельвеция, Мабли и Морелли указали, что подлинным источником самого незнания, невежества является частная собственность.

«Знаете ли вы, что является основным источником всех несчастий, угнетающих человечество? — Собственность имущества».¹³

«Всякий раздел имущества, равный или не равный, всякая частная собственность на эти доли представляет собою во всяком обществе то, что Гораций называет *summi materia mali* (зла исток величайшего). Все политические и моральные явления суть следствия этой губительной причины».¹⁴

Марксизм, в согласии с утопическим коммунизмом, полагает источник социального зла в частной собственности, порождающей с необходимостью эксплуатацию человека человеком и все антагонизмы в развитии человеческого общества.

Вера в бога, в котором в конечном счете и церковник, и философ-идеалист заключают источник добра, блага, а буржуазный просветитель видит следствие невежества, обусловлена в классовом обществе, прежде всего, потребностями господствующих классов.

Максим Горький указывает на социальное разобщение — следствие возникновения частной собственности — как на общий корень морального зла и религиозного учения о том, что «бог есть добро»: «Если б бог был — добро для всех, не было бы смысла кому-то бороться против него. Он был „добрым“ только для тех, кто нуждался в сверхразумном укреплении своей власти, и злом для разума, воспитанного процессами труда. Стало быть — его ввели в игру после того, как совершилось социальное разобщение — источник и возбудитель „всякого зла“».¹⁵

Буржуазные моралисты, будь то лорд Шефтсбери или супруги Сидней и Беатриса Вебб, организаторы Фабианского общества в Англии в конце XIX столетия, или современные проповедники «теории человеческих отношений» в ее американско-прагматистском или итало-католическом выражении, непрочь поговорить о зле в мире и даже о разных видах социального зла: скажем, росте преступности, невежестве, роскоши, разврате «избранного общества», безработице, войнах. Для устранения этих зол они предлагают всевозможные рецепты: моральную проповедь, просветительство, установление «человеческих отношений»,

¹² К. А. Гельвеций. О человеке. Соцэргиз, 1936, стр. 357.

¹³ Мабли. Избранные произведения. М.—Л., 1950, стр. 309.

¹⁴ Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М.—Л., 1956, стр. 121.

¹⁵ М. Горький. Соч., в 30-ти томах, т. 27, стр. 497.

даже общественные работы по строительству дорог и городскому благоустройству, пацифизм.

Для всех буржуазных моралистов характерна иллюзия, которую Маркс отметил у Прудона: стремление лечить пороки общества, которые есть лишь отражение, выражение сущности этого общества и потому с неизбежностью им порождаются.

Уже в XVIII столетии, высмеивая прекрасноту и утопичность нравственной проповеди Шефтсбери, Бернар де Мандевилль восклицал: «Только глупцы стремятся представить честный улей великим. Наслаждаться благами мира, быть славными военными подвигами и в то же время жить среди удовольствия без больших пороков — это ненужная, хотя и прекрасная утопия, засевавшая в мозгу.

Обман, роскошь и тщеславие должны существовать, пока мы извлекаем выгоды: муки голода ужасны, но у кого совершается пищеварение и рост без этого чувства?

...Везде, где народ желает быть великим, порок является для государства столь же необходимым, как голод для возбуждения аппетита. Одна добродетель не может доставить народам блестящего существования.

Те, кто желал бы восстановить золотой век, должны были бы примириться не только с честностью, но и с тем, чтобы питаться желудями». ¹⁶

То, что у Мандевилля звучит иронией, — у легиона присяжных защитников капитализма превратилось в способ апологии: если зло неизбежно, в таком случае это не зло, а добро: безработица — добро, потому что обеспечивает дешевую рабочую силу и держит в вечном страхе тех, кто работает; война — добро, так как дает хорошие прибыли поставщикам оружия и обмундирования; болезни, страдания — добро: они утверждают слабость человека и заставляют его обращаться к богу.

Правда, такая «метаморфоза» проделывается гораздо тоньше и деликатнее, не столь прямо. И даже Ницше — наиболее откровенный из идеологов империализма, его провозвестник и пророк, утверждая неравенство, жестокость, войну, объясняет это не полезностью для власти имущих, а неизменными законами жизни, которые были «извращены» моралью, выдуманной слабыми и неполноценными «подобиями людей» как способ самозащиты. Жизнь, считает он, есть «по существу захват, ущемление, подавление чужих и слабых, подчинение, жестокость, присвоение и по меньшей мере в самой мягкой форме — эксплуатация». ¹⁷

Марксизм вскрывает фальшь такой подмены понятий, заведомо отрицающей за суждениями о социальном добре и зле какое-либо объективное содержание.

¹⁶ Мандевилль. Басня о пчелах. Цит. по Н. Д. Виноградову. «Философия Давида Юма», т. 2. Спб., 1911, стр. 163.

¹⁷ Ф. Меринг. Избранные литературно-критические статьи, т. II. 1936, стр. 501.

Умение связать научный и этический подход к социальным явлениям, причем таким образом, что этический подход не противоречит научному, а вытекает из него, с особенной яркостью обнаруживается в понятии «необходимого зла», раскрытом Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге».

Так, например, рабовладельческий строй, сменивший первобытнообщинный, по сравнению с ним представляется защитникам родоплеменных обычаев как абсолютное зло: именно таким изображал его Гесиод.¹⁸

Однако рабовладельческий строй есть необходимый этап в развитии человечества. Но жесточайшая эксплуатация рабов, исторически неизбежная, является злом по отношению к массам эксплуатируемых. Борьба против своего приниженого состояния, получающая в сознании раба моральное оправдание, приводит к революции рабов. С точки зрения рабовладельца, это восстание есть зло, и все способы уничтожения этого зла оправданы. Нравственный идеал для поднимающегося на борьбу раба — Спартак, для защищающего себя рабовладельца — Сулла. И в том, и в другом случае нравственный идеал — «идеологизированное... выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны».¹⁹

Представитель господствующего класса всегда стремится сохранить существующие отношения — будь то Сулла, «кровавый пес» Альба и его немецкое alter ego Трухзес, будь то «кровавый карлик» Тьер или барон Врангель.

Но в моральной оценке марксисты разделяют позицию угнетенного класса, выражающего революционную сторону существующих экономических отношений, как соответствующую историческому прогрессу человечества и в этом смысле «полезную» для всего общества. Особенность такой точки зрения уловил уже Гельвеций, когда выдвинул в качестве объективного морального критерия общественный интерес в его противопоставлении частному интересу.

Таким образом, марксистское понимание сущности социального зла, его исторической неизбежности, равно как и неизбежности его преодоления в ходе исторического развития, дает прочную основу для этической трактовки добра и зла.

Но этого мало: верная историческая, научная и этическая трактовка определенных социальных явлений дает в руки коммуниста могущественное оружие, позволяет определить верное отношение к сложному историческому явлению.

С точки зрения «друзей народа» (Михайловский), капитализм в России — абсолютное зло. Спасение России в ее особом пути — через сельскую общину к социальной справедливости.

¹⁸ См. гл. «Исторические формы нравственности», стр. 63.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 273.

«Легальные марксисты» (Струве), напротив, считают развитие капитализма абсолютным добром, как полное соответствие ходу истории, и призывают идти на выучку к европейским капиталистам.

Социал-демократы (В. И. Ленин) рассматривают развитие капитализма как исторически обусловленное явление, как необходимое зло и выдвигают задачу революционного воспитания масс, пролетариата с тем, чтобы прийти к свержению капитализма.

Определенный эксплуататорский строй существует как необходимое зло до тех пор, пока новые экономические силы не разовьются настолько, что старые производственные отношения становятся оковами дальнейшего развития.

В области моральной оценки социального явления этот момент обуславливает утрату атрибута необходимости. Так, в современных исторических условиях капитализм не необходимо, а абсолютное зло, по отношению к которому все способы лечения частных зол, предлагаемые буржуазными моралистами, бесполезны.

Таким образом, очевидно, что «моральное» и «социальное» добро и зло теснейшим образом переплетаются. При господстве частной собственности нравственная деградация личности оказывается неизбежной. Но это обусловлено не особенностями человеческой природы,²⁰ а социальными условиями, формирующими мораль собственника.

В буржуазном обществе, по справедливому замечанию М. Горького, «рост каждого „я“ необходимо ограничен затратою всех сил на приобретение и охрану собственности.

В борьбе за целость ее можно сделать свое „я“ только более узким, специализировать его как изобретение военных хитростей, принизить гордость свою, но не развить ее, отдать себя в плен жадности, зависти, злобы, но не вырваться на свободу.

Для достижения даже маленьких удобств человек должен делать большие подлости, и только в подлостях он достигает совершенства».²¹

На борьбу пролетариата строй собственников отвечает: в теории обвинением трудящихся в аморализме, в попытке «уничтожить вечные моральные ценности» (т. е. освящение частной собственности) и провозглашением «защиты свободы личности от посягательств на нее»; на практике капитализм стремится к физическому истреблению «носителей зла», прежде всего — коммунистов, как передового отряда пролетариата. Для защиты своего «добра» он отказывается от игры в демократию и, как за последний якорь спасения, хватается за фашизм.

«Фашизм, прежде всего, ничем не прикрытое циничное истребление революционного, но безоружного пролетариата оди-

²⁰ Именно так представляет эволюцию нравственного сознания от альтруизма к эгоизму — «стяжательству» Хьюлетт Джонсон (см. стр. 102—103).

²¹ М. Горький. Соч., т. 24, стр. 18.

чавшими, но вооруженными хозяевами, капиталистами. Затем фашизм — отрицание культуры, проповедь войны, крик обесилевшего о желании быть сильным. . . .Чтоб почувствовать, что значит современный капиталист, нужно подсчитать приблизительное количество двуногих зверей этого семейства и количество рабочих людей, которых это зверье истребляет в междоусобных своих драках за золото и ради укрепления власти своей внутри государств своих, против пролетариата.

Подсчитав это, мы убедимся, что каждый банкир, фабрикант, помещик, лавочник является убийцей сотен, а может быть и тысяч наиболее здоровых, трудоспособных людей.

. . .Имеем ли мы право ненавидеть этих одичавших, неизлечимых дегенератов, вырожденков человечества, эту безответственную международную шайку явных преступников, которые, наверное, попробуют натравить свой „народ” и на государство строящегося социализма?

Наше право на ненависть к нему достаточно хорошо обосновано и оправдано. Наша революционная, пролетарская ненависть к тем, кто создает несчастья и страдания людей, должна быть противопоставлена звериной, своекорыстной большой ненависти мира капиталистов, загнивших от ожирения, осужденных историей на гибель».²²

Суждения о добре и зле, понимание их сущности только в том случае отвечают позициям коммунистической морали, если побуждают человека к активному действию.

* *
*

Старая христианская заповедь — творить добро противоположна созерцательному отношению к добру и злу в мире. Но для христианина, искренне верующего, творить добро — это исполнять заповеди Христа, обратиться к богу.

Заповедь «люби ближнего своего, как самого себя» тоже означает творить добро. Но любить ближнего — значит способствовать достижению им «высшего блага», которое заключается в слиянии с богом. Для этого надо, чтобы ближний обратился или был обращен к богу. Так вполне последовательно христианин приходит к оправданию насильственного обращения в веру язычников, к сжиганию еретиков. Филипп Арбуэс, инквизитор Андалузский, творил такое «добро» столь ревностно, что даже приученные к беспрекословному подчинению авторитету католической церкви испанцы не выдержали и убили этого изувера, а испанская инквизиция увеличила список своих «добрых дел»: все причастные к убийству были подвергнуты самым утонченным пыткам и казнены.

В христианскую заповедь творить добро Л. Толстой и

---

²² М. Горький. Соч., т. 27, стр. 473—474

Х. Джонсон вкладывали понятие: делать нравственно-положительное в общечеловеческом смысле.

Но что значит это абстрактно гуманистическое (а не религиозное по сути дела) понимание «доброе дело»?

Заповедь говорит: «не убий», и потому лишение жизни — есть абсолютное зло, чья бы эта жизнь ни была. Другая заповедь требует: «не противься злу насиліем», ибо сопротивлением ты не уничтожаешь, но умножаешь зло. «Прощай врагам своим» — смысл этой заповеди можно расширить: будь вообще снисходителен к людским слабостям («кто из вас без греха?»), а потому вы, люди, «не судите да не судимы будете», потому что господь сказал: «Мне отмщение и аз воздам».

Вот каким образом раскрывается с точки зрения христианско-гуманистической достаточно широко распространенной смысл требования «творить добро».

С этой точки зрения фашистский палач Эйхман, отправивший на смерть 6 млн. евреев, конечно, творил зло, но его жертвы уже не воскресить. Поэтому надо сотворить добро, предоставив Эйхману свободу: ведь насилие и убийство есть зло.

Именно в таком духе высказывались некоторые защитники этого палача. И когда, таким образом, абстрактно гуманные и будто бы ничего дурного собою не представляющие рассуждения конкретизируются, вскрывается их лицемерие и фальшь.

Творить добро, с точки зрения коммунистической морали, — это активно выступать против носителей зла, вести непримиримую борьбу со злом, последовательно отстаивая ясность классовой позиции. Только сознательное применение ленинского критерия морали позволяет преодолеть абстрактно гуманистическую концепцию.

Зло, совершенное Эйхманом, — чудовищно. Именно поэтому проявление жалости к палачу — не что иное, как величайшее ханжество и надругательство над памятью его жертв. Зло не бесплотный дух. Оно всегда имеет конкретное выражение; в данном случае это шесть миллионов человек замученных, расстрелянных, сожженных в печах крематориев. И Эйхман как организатор и исполнитель чудовищного плана уничтожения человеческих жизней, как носитель этого зла, как воплощение бесчеловечности должен быть уничтожен: таково требование реального гуманизма.

«Война — зло», — говорят пацифисты. Американские квакеры и многие иные религиозные сектанты (пятидесятники, в частности) запрещают брать в руки оружие.

«Да, война — зло», — говорят коммунисты, если эта война развязана империалистами; но защита национальной независимости, война против колонизаторов — есть священная война, это активная борьба против зла.

Прямо противоположное подчас понимание смысла «доброе дело» с точки зрения коммунистической морали и христиан-

ской очень хорошо выражено в стихотворении советского поэта Дмитрия Кедрин «Добро»:

Потерт сыромятный его тулуп,
Ушастая шапка его — как склеп,
Он вытер слюну с шепелявых губ
И шопотом попросил на хлеб.
... Уже замедляя шаги на миг,
В пальто я нащупывал серебро:
Недаром премудрость церковных книг
Учила меня сотворять добро.
И вдруг я подумал: к чему он тут
И бабы ему медяки дают
В рабочей стране, где станок и плуг.
Томясь, ожидают умелых рук?
Тогда я почувал, что это враг.
Навел на него в упор очки,
Поймал его взгляд и увидел, как
Хитро шевельнулись его зрачки.
Бродя по Москве он от злобы слеп,
Ленивый и яростный паразит,
Он клянчит пятак у меня на хлеб,
А хлебным вином от него разит!
... И если, по грошнику наскоблив,
Он выживет, этот рыжий лис,
Рокочущий поезд моей земли
Придет с олозданием в социализм.
Я холодно опустил в карман
Зажатую горсточку серебра
И в вьющийся меж фонарей туман
Направился, не сотворив добра.²³

* * *

Во всех своих поступках советский человек руководствуется пониманием добра и зла. Можно было бы сказать, что вся деятельность трудящихся Советского государства, политика коммунистической партии, великие и малые дела, совершаемые на мирных фронтах строительства коммунизма, имеют огромное моральное значение, ибо всегда это активное утверждение добра и преодоление зла.

Недавно в нашей стране был принят закон об охране природы. В нем наша свое выражение забота государства и народа о благе не только ныне живущих людей, но и будущих поколений. Его нравственный смысл подчеркнул Константин Паустовский, один из замечательных певцов родной природы нашей: «Я считаю, что новый закон об охране природы должен быть ясным и беспощадным. Иначе опустошение ее остановить не удастся...» И далее, говоря о тех директорах предприятий, которые допускают отравление водоемов, сведение на нет лесопосадок, действуя в узковедомственных понятиях «пользы» или «вреда», не задумываясь о последствиях, Паустовский восклицает с негодованием: «Главное зло в том, что есть люди, зани-

²³ Д. Кедрин. Избранное, 1958, стр. 44.

мающие подчас ответственные посты, но с психологией не революционеров, не патриотов, а лавочников и маклаков. Им наплевать на природу, на будущее страны. Их девиз „после нас хоть потоп“, „на наш век хватит“. Такие люди есть. К ним зачастую относятся с благодушием — антинародным и вредным — и с попустительством. Огромное зло смотреть на „деятельность“ таких работников сквозь пальцы, как бы не понимая, что они — преступники перед людьми и государством.²⁴ Принятие закона и претворение его в жизнь — один из примеров того, что коммунистическая мораль вкладывает в требование: «твори добро!».

Итак, под добром понимается то, что полезно, а под злом — то, что вредит человеку. Это предельно широкое понимание добра и зла, включающее в себя как часть собственно этическое значение этих категорий.

Этика рассматривает добро и зло как то, что присуще только человеку и обнаруживается в человеческих поступках. Однако можно при этом утверждать, что добро и зло — прирожденные качества, принадлежащие самой природе (и именно физиологической, биологической) человека. Так полагал Руссо, утверждая, что человек по природе добр. Противоположна точка зрения Фрейда, полагающего, что человек по природе зол (жесток).

Замечание Максима Горького переносит самую проблему из сферы «природного» в сферу социального: «Советская власть, коммунистическая партия исходят из другой оценки „человеческой природы“. Марксисты утверждают, что „сознание человека организуется его бытием“ и что, если изменить все условия жизни, изменится коренным образом и самая „природа человека“, то есть человек избавится от всего, что на протяжении тысячелетия воспитывало, вернее — искажало его разум, его чувства».²⁵

Марксистская этика указывает на социальный источник возникновения категорий морали. В добре и зле отражаются воспитанные и закрепленные определенным социальным опытом человека его суждения о поступках, поведении его самого и других людей. Они составляют субъективную сторону добра или зла.

И если ею ограничиваться, то окажется, что из четырех братьев Половцев²⁶ — белогвардейца Андрея, петлюровца Оверко, махновца Панаса и большевика Ивана каждый творил добро, ибо первый сознательно сражался за восстановление «единой и неделимой матушки России» во главе с монархом, второй бился за «самостийную Украину», третий сознательно хотел утверждения «матери порядка — анархии».

Но из всех четырех только дело Ивана Половца, понимае-

²⁴ К. Паустовский. Своевременно. «Известия», 1960, 26 октября.

²⁵ М. Горький. Соч. в 30 томах, т. 26. Гослитиздат, М., 1953, стр. 230—231.

²⁶ Ю. Яновский. Соч. в 3-х томах, т. 1, 1960, стр. 47.

мое им как установление рабоче-крестьянской власти, защита социалистического государства, соответствовало объективным интересам человечества, прогрессу общества, и потому только его правда, его добро были истинным.

Таким образом, объективная сторона добра заключается в соответствии той пользы, на осуществление которой направлены усилия личности, объективным интересам человечества. В. П. Тугаринов дает такое определение добра: «Добром мы называем такое поведение, которое осуществляется с сознательной целью принести обществу действительную пользу, т. е. пользу, способствующую общественному прогрессу».²⁷

Критерием добра и зла в марксистской этике выступает ленинский критерий соответствия действий, стремлений человека задаче построения коммунистического общества.

Справедливость

Своеобразие этой этической категории заключается в том, что она наиболее непосредственно получает свое развитие и обоснование в юридических и правовых взглядах. Связь с политическими и правовыми взглядами обуславливает «прозрачность» классового содержания категории справедливости. Наконец, в силу этих же причин изменение содержания категории справедливости с особенной ясностью обнаруживает исторический прогресс нравственности.

В истории этических учений проблема справедливости и отношение к ней всегда помогают вскрыть политические взгляды даже наиболее «аполитичных» философов.

* * *

«Справедливость есть общая добродетель, заключающаяся в том, чтобы каждое сословие занималось тем, к чему оно предназначено от рождения, и не пыталось перейти в другое»,²⁸ — это утверждение Платона является символом веры каждого господствующего в данный момент класса. И когда Дьюи в XX столетии говорит, что справедливость совпадает с совокупностью социальных давлений на нашу личность, ставящих своей целью побудить нас думать и желать определенным образом, он подразумевает давления, организуемые и направляемые в интересах господствующего класса. И его собственное этическое учение, рекомендуемое преодолеть трагическое взаимонепонимание и соединить интересы разных социальных групп путем подчинения интересов трудящихся интересам капиталистов, с очевидностью демонстрирует определенный образ желаний и понимания справедливости.

²⁷ В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 125.

²⁸ Платон. Соч., ч. III, кн. 4. Спб., 1863, стр. 221—227.

Истинная справедливость заключена в естественном равенстве человека человеку и требует уничтожения всех феодальных привилегий! — провозглашал Ж. Ж. Руссо в эпоху, когда буржуазия готовилась к схватке за власть с феодалами.

«Я не хочу, чтобы меня смешивали и подменяли этими проповедниками равенства. Ибо так говорят мне справедливость: „Люди не равны“. И они не должны быть равными! Чем была бы любовь моя к сверхчеловеку, если б я говорил иначе? Пусть тысячами мостов и тропинок стремятся люди к будущему; пусть растет между ними вражда и неравенство: так велит мне говорить моя великая любовь!»²⁹ — восклицал Ницше в эпоху, когда буржуазия осознает ту опасность, какую для нее представляет пролетариат. Между этими крайними позициями буржуа-революционера и буржуа-реакционера расположены все остальные разновидности буржуазного понимания справедливости.

Проблема справедливости — это всегда выяснение того, что лежит в основе взаимоотношения людей: принцип неравенства или принцип равенства? А вслед за тем, если принцип равенства, то того, что под равенством понимается?

Когда утилитарист Бентам говорил: «каждый должен считаться за одного, никто не должен считаться более, чем за одного», — он защищал формально-юридическое буржуазное равенство. Когда неокантианец Наторп торжественно провозглашает: «Имея последним основанием своим кантовское уважение к человечеству в лице каждого человека — не исключая самых бедных и дурных — она (социальная педагогика) требует равенства всех, носящих человеческий образ.

Это равенство не может и не должно быть механическим, оно должно заключаться не в распределении богатств по потребностям, а только в том, что всем дается равная возможность к развитию их способностей»,³⁰ — он с шулерской ловкостью подменяет извращенный им самим коммунистический принцип равенства все тем же буржуазным, формально-юридическим равенством возможностей, которое лежит в основе «свободного» (частного) предпринимательства.

Другой неокантианец К. Форлендер «успешно» выхолащивает марксистское понимание равенства, подсовывая вместо него кантовское, все с той же целью закрепить буржуазное понимание справедливости:

«По нравственному праву никто не может быть господином, не будучи одновременно и слугою, именно слугою абсолютной нравственной цели — даже в качестве служащего. Всякий служащий должен вместе с этим быть господином, т. е. личностью, сознающей общую нравственную цель своей собственной жизни. Всякое другое господство и всякое другое служение безнравственны. Нравственный закон гласит: „Преследуй всевозможные

²⁹ Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. СПб., 1913, стр. 123.

³⁰ К. Форлендер. Кант и социализм. М., 1906, стр. 39.

человеческие цели и приводит их в порядок, обязательный для всех случаев и всех людей“.

Прежде всего люди должны жить. Но они должны иметь возможность жить по-человечески. Они должны быть и чувствовать себя нравственной самоцелью, а не рабами труда. Поэтому право, признающее классы и привилегии, должно перейти в нравственное, человеческое право.

Конечная цель государственного строя — нравственный строй, государство нравственного человечества, „царство божие на земле”». ³¹

Воплощением идеи справедливости для буржуа является государство, защищающее его самого и его собственность. Только государство способно обуздать природный, естественный и безудержный эгоизм личности — и путем законодательства утвердить справедливость (Гоббс, Вико, Ницше).

Справедливость есть соблюдение законов, установленных государством, именно так считает Фридрих Ницше: «Только со времени учреждения закона возник вопрос о справедливости и несправедливости. . .

Толковать о справедливости или несправедливости самой в себе не имеет смысла; преступление, насилие, захват, разрушение сами по себе не представляют ничего „несправедливого”, так как жизнь по существу, т. е. в своих элементарных функциях, действует путем преступления, насилий, захвата, разрушения, и нельзя себе представить ее действующей иначе». ³²

С этой точки зрения справедливость возникает только с возникновением государства и вечность государства обеспечивает вечную справедливость. И, напротив, всякие посягательства на вечность государства аморальны именно потому, что тем самым подрывается идея о вечной справедливости.

Проповедники же мелкобуржуазного анархизма и индивидуализма видят в государстве осуществление насилия, но не одного класса над другим, а общества над личностью, и высшей справедливостью полагают освобождение личности от всех социальных связей. Этот крайний индивидуализм и проповедь «абсолютной свободы», которая противопоставляется каким бы то ни было обязанностям, сейчас усиленно проповедуется французскими экзистенциалистами. При внешней полярности этих взглядов в основе их лежит все та же идея «разных возможностей», т. е. типично буржуазное понимание равенства.

* * *

Справедливость, так же как и добро и зло, трактовалась и как «сверхнравственное, божественное установление» (Августин,

³¹ К. Форлендер. Кант и социализм, стр. 40—41.

³² А. Фульье. Ницше и имморализм. Спб., Изд. «Общественная польза», 1905, стр. 120

Фома Аквинский, современные неотомисты) и как «естественное» право человека, вытекающее из равенства, или, напротив, неравенства по рождению. Своеобразный момент заключается в том, что современные буржуазные философы, низводящие человека до уровня биологического существа, трактуют справедливость только как юридическое, государственное установление, как осуществление насилия над природой человека во имя интересов общества; в таком понимании справедливость принципиально чужда человеческому индивидууму и только внешнее принуждение заставляет его учитывать интересы других (Фрейд, Бергсон, Дьюи).

* *
*

«Человеческие источники справедливости — жажда мести и чувство равенства»,³³ — говорит Поль Лафарг и подробно рассматривает образуемые на основе этих чувств «воздающую справедливость» и «справедливость распределяющую».

И та и другая возникают в первобытнообщинном строе. Условия жизни первобытного человека требуют от каждого члена рода максимум усилий в совместном добывании пищи — будь то охота, рыбная ловля, изготовление орудий, и, естественно, тем самым его участие в совместной трапезе создает практически равенство в потреблении. Однако не только равенство в потреблении, которое имеет в виду Лафарг, а прежде всего равная (не по затрачиваемым усилиям, но по всеобщности участия) обязанность трудиться, составляет основу принципа равенства.

Таким образом, «распределяющая справедливость» Лафарга неполно передает и по названию и по существу все многообразие деятельности членов родовой общины, протекавшей на основе возникшего в силу естественной необходимости и закрепленного традицией, обычаям принципа равенства.

Именно потому, что практически осуществляемое равенство глубоко и всесторонне охватывает всю жизнь члена родовой общины, огромной силы достигает и чувство равенства, требование равенства и соблюдение равенства даже в тех случаях, которые, с точки зрения практической целесообразности, выглядят бессмысленными. Характерный случай передан одним путешественником, рассказавшим, что подаренное им своему проводнику-эскимосу одеяло было немедленно разорвано на мелкие кусочки, так что каждый член рода получил равную долю.³⁴

Даже «справедливость воздающая» существует не особо, а выступает лишь как негативное выражение этого первобытного равенства.

³³ П. Лафарг. Экономический детерминизм К. Маркса. Изд. «Московский рабочий», 1923, стр. 109—138.

³⁴ См.: Л. Крживицкий. Происхождение и развитие нравственности. Изд. «Гомельский рабочий», 1924.

Но именно это, прочнейшее, закрепившееся не только в обычаях, традициях, но и в индивидуальном сознании человека как самоочевидность, как то, что в позднейшую эпоху называли «неписанными законами», социальное равенство оказалось в вопиющем противоречии с принципом частной собственности.

И собственники в эпоху рабовладельческого строя, и позднее в эпоху феодализма в самом буквальном смысле слова каленым железом стремились «вытравить» из сознания трудящихся понимание справедливости как социального (а непосредственно, в «чувственном» выражении как имущественного) равенства.

Поразительно в этом отношении то, как многообразны и детально разработаны шкалы возмещения ущерба, связанного с моральным законом возмездия, и, напротив, однообразны законы, трактовавшие о наказании за посягательство на собственность: и у древних греков, и у древних индусов, и в древнем Египте, и в Мексике атцегов знали лишь одну меру наказания — смерть, независимо от величины и ценности украденного. По законам Драконта, сорвавший несколько колосков на поле подлежит смерти; такое же наказание за кражу, сколь бы она ни была незначительна, определяют законы Ману.

И эта свирепость законодательства, защищавшего «святое святых», пережила века и целые исторические эпохи. Еще в XVIII столетии по «праву охоты» феодал мог безнаказанно убить крестьянина, вздумавшего поймать или подстрелить какое-либо животное в его угодьях; по английскому буржуазному законодательству в XVIII в. приговаривали к повешению ребенка, укравшего пару яблок из господского сада, а во Франции осуждали на каторгу того, кто ради утоления голода украл кусок хлеба — ведь именно таково было первое преступление Жана Вальжана.

Платон в «Законах» объявлял «распределяющую справедливость» бессмыслицей, зловредными измышлениями демагогов. В средние века ее считали ересью и сжигали на кострах ее проповедников. Наконец, в самый кульминационный момент французской революции, когда на всю Европу как набат звучали слова: *Liberté, Egalité, Fraternité!* — Робеспьер отправил на гильотину Жака Ру и остальных вождей «бешеных» за пропаганду равенства имуществ.

Но несмотря на все преследования и казни, идея социального равенства никогда не умирала в среде угнетенных классов. Она нашла свое отражение в «Утопии» Томаса Мора и в «Городе солнца» Фомы Кампанеллы, ее проповедниками были Томас Мюнцер и Джон Лилльберн; ее в духе примитивного уравнилельного коммунизма попытались осуществить члены Мюнстерской коммуны, чьи стойкость и мужество в неравной борьбе вдохновляли потом поколения немецких революционеров.

Мабли и Морелли еще в XVIII в. противопоставили идею социального равенства буржуазной идее равенства юридического,

а в XIX столетии она нашла строго научное выражение в марксистском учении об обществе. И с этого момента все попытки неокантианцев объявить ее «бесмыслицей» потерпели неудачу, не достигла цели и яростная клевета Ницше: «Социальная справедливость — это упадок силы, ресурс слабых, ухищрение для защиты от тех, кому по самой природе принадлежит господство».³⁵ И «новейшие» обвинения марксизма в «односторонности», «стремлении к нивелировке», «антигуманизме», ставшие общим местом у буржуазных идеологов конца XIX и XX столетия, оказались бессильными и бесплодными.

Великая Октябрьская социалистическая революция воплотила в жизнь эту бессмертную идею. Первая несправедливость, как называл Маркс частную собственность на средства производства, была уничтожена, и был проведен в жизнь рабочим классом принцип «кто не работает, тот не ест». Из области теории теории принцип социального равенства перешел в практику повседневной жизни социалистического общества и впервые в истории получил юридическое выражение, будучи закреплен Конституцией СССР.

* *
*

А как развивалась и изменялась «воздающая справедливость»?

В многочисленных исследованиях буржуазных ученых «воздающая справедливость» выводится из непосредственного, биологического импульса, «естественной защитной реакции», которая обнаруживается у собаки, кусающей замахнувшегося на нее человека, у ребенка, бьющего стул, о который он ударился, у первобытного человека, для которого при его импульсивности и несдержанности «естественно» убить обидчика. Поскольку это должно вызвать и вызывает, как правило, «цепную реакцию», возникает кровная месть, закрепляющаяся как обычай и грозящая обречь враждующие роды (или семьи) на взаимное истребление. О том, что так бывало и бывает до сих пор, существует много свидетельств — достаточно вспомнить «двойной выстрел» Орса Антона,³⁶ переложенную в стихи легенду о вражде Мак-Фарлендов и Коббов (Соединенные Штаты, XIX в.)³⁷; настойчивость и беспощадность в осуществлении кровной мести в Сванетии в совсем недавнем прошлом или последний из получивших широкую известность случаев Корсиканской «вендетты», относящийся к 1960 г.

Необходимость предупредить это взаимное истребление и порождает, с точки зрения буржуазного моралиста, законодатель-

³⁵ А. Фуллье. Ницше и имморализм, стр. 125.

³⁶ П. Мериме. Коломба. Избранные произведения, т. 2. М., Гослитиздат, 1956, стр. 292.

³⁷ Бен Люсиен Бурмен. Как Мак-Фарленды с Коббами бились. Поэты Америки, XX век, антология. М., Гослитиздат, 1939, стр. 262.

ство как институт права, осуществляющий закон, т. е. восстанавливающий нарушенную справедливость.

В качестве типичного примера объяснений подобного рода можно привести рассуждения Шарля Летурно: «...Жестокость регулировалась и дисциплинировалась под давлением материального интереса. Прежде всего была признана ценность за детьми, женщинами, затем за рабами, домашними животными, запасами пищи и, наконец, за землю, годной для обработки.

С этого момента являются богачи и бедняки, помимо, конечно, рабов, которые представляли простую меновую ценность. Тогда-то решились променять сладость мести, в сущности всегда бесплодную, на вознаграждение, которое можно назвать денежным.

С этой же минуты предводители, пастыри народа, несколько раньше не заботившиеся вообще о восстановлении нарушенных частных интересов, стали требовать за собой признания права быть верховными судьями: действительно, частная месть с этого момента заменилась пенею, а пени представляет добро, которое всегда приятно накапливать в кассе».³⁸

Вслед за этим политико-экономическим и юридическим толкованием метаморфозы воздающей мести следует лирическое-нравственное заключение: «Итак, вся эта жажда полной справедливости, которую испытывают лучшие из нас и из которой возникают и негодование, и порывы, самое это чувство, столь могучее, что старинного слова „справедливость“ достаточно, чтобы растрогать нас, все это есть лишь ослабленное запечатленное в наших клеточках эхо бесчисленных несправедливостей, перенесенных нашими предками, вместе с идеализацией и постепенным медленным расцветом первобытного инстинкта мести».³⁹

В изложении Летурно обходится превращение справедливости, предусматривавшей равную меру возмездия, в справедливость, возводящую в принцип неравную меру, и обходится именно потому, что в этом находит свое выражение определенный классовый, а не общечеловеческий интерес. И существо вопроса здесь не в том, что личность уступает свое право на возмездие обществу, а в том, что господствующий класс утверждает свое господство, монополизировав право возмездия за ущерб и отнимая его у класса угнетенного, подобно тому, как лишил его собственности.

Справедливость доклассового общества, основанием которой служит равенство во всем, в том числе и равенство в возмещении нанесенного ущерба — «око за око, зуб за зуб» — в самом буквальном значении этой формулы родового права, в классовом обществе оборачивается законодательным утверждением неравенства. Так, раб вообще не подлежал юрисдикции: его не судили, а наказывали, как провинившуюся собаку или лошадь.

³⁸ Ш. Летурно. Прогресс нравственности. Спб., 1910, стр. 194.

³⁹ Там же, стр. 195.

Все градации возмещений за нанесенный ущерб относятся к взаимоотношениям между рабовладельцами, причем степень знатности и богатства, равно как и положение в семье или принадлежность к высшей касте, обуславливает неравное возмещение при равном ущербе.

Законы Ману гласили: (при неумышленном убийстве брахмана) «для своего очищения убийце надо жить в лесу 12 лет, построив хижину, питаясь милостыней. . . или ему надо добровольно стать в сражении мишенью для воинов, знающих его намерение, или ему надо трижды бросаться вниз головой в пылающий огонь. . .»

Убившему щудру полагается исполнять. . . покаяние в течение 6 месяцев или дать брахману 10 белых коров и одного быка». ⁴⁰ По римским законам, отцеубийца предается смерти, но отец, убивший сына, вообще не несет никакого наказания; у монголов во времена Марко Поло похититель лошади разрубался мечом пополам; однако, если это был богатый человек, он освобождался от смерти, уплатив сумму, в 9 раз превосходившую ценность украденного.

Таким образом, метаморфозы обеих форм справедливости имеют не психологический, не абстрактно-этический и не формально-юридический, а исторически-классовый социальный смысл.

В эксплуататорском обществе распределяющая справедливость объявляется крамолой и преследуется. Максимум равенства, допускаемый буржуазным обществом, — это равенство возможностей, т. е. равенство свободных предпринимателей, превращающееся даже для буржуа в эпоху монополистического капитала в пустой звук.

Воздающая справедливость превращается в свою противоположность, так как на место равного ставится принцип неравного возмещения ущерба. Капитализм в отличие от феодализма восстанавливает формально-юридическое равенство всех перед законом, которое, однако, в условиях социального неравенства остается чисто формальным.

Эта мысль выражена в известной фразе одного американского публициста: «Если вы украдете кусок хлеба, вас посадят в тюрьму, а если вы украдете железную дорогу, вас сделают министром».

Буржуазная «справедливость» легко преступает даже буржуазные законы, если они мешают расправе с представителями трудящихся, поднявших на борьбу.

Так было в 1916 г., когда по заведомо ложному обвинению в США был расстрелян Джо Хилл; так было в 1927 г., когда американские капиталисты казнили на электрическом стуле Сакко и Ванцетти; комедия суда над Манолисом Глезосом и расстрел Ни-

⁴⁰ Законы Ману, стр. 234, 239.

коса Белоянниса, и средневековые пытки и казни, которым подвергли алжирских патриотов, и трагическая смерть национального героя Конго Патриса Лумумбы — словом вся прошлая и нынешняя грязная практика осуществления «справедливости» — «высшего принципа взаимных отношений между людьми» (как определяет ее дореволюционный «Энциклопедический словарь») лучше всего подтверждает старую истину: «бедняку нечего ждать справедливости от богатых».

Только в революционной борьбе угнетенный класс завоевывает себе право на человеческое существование и только с победой пролетариата справедливость как осуществление принципа равенства в человеческих взаимоотношениях становится правилом для большинства, а с укреплением основ социалистического строя — для всех граждан.

* * *

*

До сих пор речь шла о социальной справедливости и ее юридическом выражении. Однако совершенно очевидно, что социальное, правовое и моральное в категории справедливости существуют в теснейшем единстве.

Обычно, когда хотят выделить специфически моральный аспект справедливости, говорят об отношениях бытовых, личных, внутрисемейных, тех отношениях, которые не относятся к столкновениям классовых сил.

Однако и в этом случае справедливость указывает на соблюдение принципа равенства, а несправедливость — на его нарушение.

Так, справедливыми мы называем отношения между мужчиной и женщиной в том случае, если права женщины ни в чем не ущемляются: мы говорим, что в социалистическом государстве женщина, согласно конституции, во всех правах равна мужчине.

Однако подлинное равноправие здесь заключается в наличии фактического неравенства, обусловленного физиологически, природными особенностями. Таковы права женщин на облегчение условий их труда: отпуск по беременности и родам и т. п.

Вместе с тем у нас до сих пор не доведено до конца равноправие мужчины и женщины в быту. Домашнее хозяйство, о котором Ленин еще в 20-е годы сказал, что оно закрепощает женщину, по-прежнему отнимает у женщины значительную часть ее времени. Анкеты о свободном времени, проведенные в ряде областей СССР, показывают, что женщина в среднем затрачивает на домашнее хозяйство в 3—4 раза больше времени, чем мужчина.

Справедливым мы называем человека, который в своей деятельности не устанавливает неравных отношений с окружающими: с людьми, которых он обслуживает, будучи продавцом, или жалобы и претензии которых он разбирает, будучи депутатом

Совета. Его справедливость выражается в беспристрастности. В противном случае он оказывается, в нашем понимании, взяточником, человеком, зараженным семейственностью, подхалимом, карьеристом, если его пристрастность обнаруживается в отношении к тем, кто старше его по службе, должности. Справедлив педагог, который предъявляет равные требования к учащимся; справедлив отец семейства, который предъявляет равные требования к своим детям, а педагог или родитель, имеющий «любимчиков», никогда не заслужит оценки справедливости.

Однако равное отношение не есть формальное, а беспристрастность не означает равнодушие: те, кто смешивают эти качества, именуются в человеческом общежитии не справедливыми, а бездушными, или чиновниками и бюрократами.

Справедлив тот, кто, проявляя горячую заинтересованность в человеке, не поступает принципиальным отношением и сочетает уважение к личности с высокой требовательностью к ней, причем не делает исключения и для самого себя.

* *
*

Социальная революция, совершенная пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством, реализовала на практике идею о социальном равенстве. Однако полное осуществление социального равенства произойдет только на второй, высшей фазе коммунистического общества, строительство которой осуществляется в нашей стране.

Сегодня действует принцип социализма: «от каждого по способностям, каждому по его труду». В нашей стране уничтожены все, столь типичные для буржуазного общества, виды национального, правового, образовательного и прочего неравенства.

Равные права всех граждан независимо от пола, национальной принадлежности, вероисповедания охраняются и гарантируются законом: право на труд, на отдых, на образование, на социальное обеспечение в старости.

Сохраняется только неравенство в уровне материального благосостояния, обусловленное различием зарплаты за разные виды труда и различием семейно-бытовых условий при равной оплате за одинаковый труд. Это неравенство преодолевается общим ростом благосостояния.

Принятая XXII съездом КПСС Программа строительства коммунизма предусматривает постепенное сокращение разницы между более высокими и более низкими уровнями заработной платы по мере роста общественного богатства. Уже в ближайшее десятилетие исчезнет категория низкооплачиваемых рабочих и служащих.

Важнейшим путем преодоления неравенства в уровне материального благосостояния является расширение общественных фондов потребления; «постепенный переход к содержанию детей

и всех нетрудоспособных за счет общества... бесплатное пользование квартирами, коммунальными услугами, коммунальным транспортом. Содержание детей и нетрудоспособных за счет общества — это благородное и гуманное дело, которое отвечает высоким идеалам нового строя». ⁴¹

Осуществление полного социального равенства наступит тогда, когда, достигнув изобилия материальных и духовных благ, общество осуществит принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Дальше полного осуществления социального равенства коммунизм не идет. Попытки толковать марксистское понимание равенства как превращение людей в строй оловянных солдатиков с одинаковыми потребностями, интересами, единообразным уровнем умственного развития не имеют ничего общего с марксизмом и являются лишь клеветой или карикатурой на марксизм. На основе полного социального равенства развивается все многообразие духовных качеств человека, обеспечивается максимальное развитие каждого члена общества во всем своеобразии его индивидуальности.

Путь к нему — активное участие всех в коммунистическом строительстве, которое ускоряется благодаря творческому порыву советских людей, выраженному в социалистическом соревновании.

О значении социалистического соревнования в разрешении проблемы равенства говорил Максим Горький. «Социалистическое соревнование ставит целью своей сделать всех нас, социально равноправных, равносильными и равноценными, не стесняя развития своеобразных способностей каждого, а помогая росту их. Чем разнообразнее таланты и дарования людей, тем более ярко горит жизнь, тем богаче она фактами творчества, тем быстрее ее движение к великой цели — организации всего мира трудящихся на новых, коммунистических началах». ⁴²

В. П. Тугаринов сопоставляет категории добра и справедливости: «Справедливость есть правильная мера воздаяния или требования». Ее «можно назвать минимумом добра в том смысле, что она есть тоже добро. Но справедливость — это воздаяние; добро же не воздает, а просто дает. Справедливость измеряет, добро — безмерно». ⁴³

Однако правильная мера есть соразмерная, соответствующая, иначе говоря, равная либо (если речь идет о воздаянии) совершенному поступку, либо равная по доле, получаемой каждым

Мы стремились показать, что в основе справедливости заключена идея о равенстве, что эта идея явилась отражением сложной практической деятельности человека родового строя, во всех

⁴¹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1, стр. 200.

⁴² М. Горький. Соч., т. 27, стр. 485.

⁴³ В. П. Тугаринов. О ценностях жизни и культуры. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 82—83.

своих направлениях осуществлявшей практическое равенство, частным случаем которого было воздаяние. В этическом смысле это соразмерность оценки поступку, поскольку моральное воздаяние заключено в оценке. В этом отношении коммунистическое общество последовательно осуществляет требования справедливости.

Практической реализацией морального аспекта справедливости является утверждение естественной для советских людей истины: всякий труд на пользу общества одинаково почетен, и каждый честный труженик, кем бы он ни был, имеет равное право на общественное признание. За то, что все творческие силы в полной мере были отданы на благо обществу, и свинарь Ярослав Чиж, и академик Михаил Лаврентьев, и ткачиха Валентина Гаганова, и мостостроитель-монтажник Сергей Вдовицын были удостоены звания Героя Социалистического Труда.

За великий подвиг — первые шаги в освоении космоса — звания героев Советского Союза удостоены русские Юрий Гагарин и Герман Титов, чуваш Андриян Николаев и украинец Павел Попович.

Справедливость (в этическом значении) есть последовательно проведенное в области нравственных отношений равенство. Оно заключается в равной обязанности трудиться, в равном праве всех тружеников на уважение и общественное признание, в соответствии нравственной оценки поступку.

С утверждением равной обязанности трудиться мы связываем категорию справедливости (равенство) с категорией долга (обязанности), ибо справедливость проявляется и в том, что каждый член общества имеет обязанности перед обществом. Там, где этого нет, нет и справедливости как принципа равенства. Именно поэтому строй, в котором у одних только права, а у других только обязанности, есть строй несправедливый.

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА — ПРОГРАММА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

«Я иду в космический полет с большой гордостью за наш великий советский народ, прокладывающий всему человечеству путь в коммунистическое будущее... Я готов к полету и проведу его, как подобает коммунисту», — в этих словах коммуниста, известного всему миру «космонавта — 4» Павла Поповича, сказанных перед стартом, заключен ответ на вопрос, над которым тщетно бьются буржуазные социологи, философы, публицисты: «Почему они могут, а мы — нет?»

«В своих усилиях по освоению космоса Соединенные Штаты обладают всем, что можно купить за деньги»,¹ — заявил председатель комиссии палаты представителей США Джордж Миллер и тем самым признал, что не все можно купить за деньги.

«„То, что нельзя купить за деньги, — это дух, это целеустремленность, рожденная глубокой убежденностью“, — справедливо заметил Милберн Экерс, обозреватель газеты „Чикаго-санди Таймс“ ... но не договорил, что это убежденность в правоте идей Маркса и Ленина».²

Молодые коммунисты 60-х годов рождены новым социальным строем, воспитаны страной, где нет гнета капитала, нет культа «золотого тельца», где осуществляется заветная мечта человечества — коммунизм.

Ясность цели, оптимизм, рожденный глубокой верой в силу коллектива, неповторимое своеобразие личности и взаимная поддержка, «чувство локтя», стремление свой труд, свои способности вложить в общее дело — все эти качества присущи строителю коммунизма, они проявляются всюду — в обычных

¹ С. Вишневецкий. «Московская неделя» в США. «Правда», 1962, 18 августа.

² Там же.

условиях жизни и в минуты свершения подвига, да, собственно, все чаще мы говорим о жизни-подвиге, а подвиг становится естественным, само собой разумеющимся.

В бушующем океане, на краю гибели, когда, согласно всем буржуазным концепциям, человек должен превратиться в зверя, руководствующегося инстинктом самосохранения, четверка молодых солдат отмечает день рождения одного из них: они побеждают стихию, они изумляют мир и на вопрос, как они могли выжить и не просто выжить, а не утратить лучших человеческих качеств, Асхат Зиганшин просто отвечает: «Мы — советские люди». Работники Новосибирского научного центра разрабатывают экспериментальные программы по математике и физике, идут в школы, ведут занятия, проводят математические олимпиады — и все это безвозмездно: энтузиазм, страстность, увлеченность работой нельзя измерить деньгами. Молодожены, только что получившие квартиру, приглашают своих друзей, которые еще живут в маленькой и темной комнатке. Не в гости, а на постоянное житье — пока те не получают квартиру.

Десятки, сотни, тысячи и сотни тысяч фактов, подобных этим, свидетельствуют о том, что новый человек, человек, о котором так страстно говорил Горький, уже живет, действует, творит.

Такова реальная основа, исходя из которой в Программе КПСС, принятой на XXII съезде, был сформулирован моральный кодекс строителя коммунизма.

Формирование нового человека, гармонически сочетающего духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, рассматривается в новой Программе партии как одно из необходимых условий перехода от социализма к коммунизму.

Программа КПСС выдвигает задачи сознательной перестройки и изменения обстоятельств жизни людей, определяет основные направления работы по коммунистическому воспитанию и предъявляет высокие требования к каждому человеку, в полный рост ставя перед ним задачу самовоспитания.

Три фактора формируют личность, и новая программа предусматривает воздействие на все условия, необходимые для формирования строителя коммунизма.

Во-первых, целенаправленное воздействие, организуемое обществом, т. е. то, что мы понимаем под воспитанием, включая в него работу школы, общественных организаций, массовые средства коммунистического воспитания: печать, радио, агитационно-пропагандистскую работу, наконец, влияние советской литературы и искусства.

Во-вторых, обстоятельства жизни, та социальная среда, в которой вырастает, живет, действует человек, — его семья, непосредственное окружение: соседи, товарищи по квартире, дому, жизнь его улицы, его поселка или города, а также

широкая социальная среда, «вся советская действительность», как говорил А. С. Макаренко.

И, наконец, сам человек, как формирующаяся личность, очень рано начинает избирательно относиться и к обстоятельствам жизни, и к тем воздействиям, которые на него оказываются. Усвоенный им прошлый опыт определяет его новую позицию, его избирательность в настоящем и прошлые успехи или недостатки в воспитании отражаются в определенных чертах личности, способствующих или мешающих правильному развитию человека.

Моральный кодекс строителя коммунизма обращен к каждому советскому человеку — он дает эталон поведения, по которому любой советский гражданин может проверять соответствие своих поступков и поступков окружающих его людей коммунистическим идеалам. Моральный кодекс — компас, указывающий верный курс в деле нравственного воспитания и самовоспитания. За сравнительно короткий период времени с момента опубликования проекта Программы КПСС моральный кодекс строителя коммунизма прочно вошел в нашу жизнь, стал практическим руководством к действию для миллионов строителей коммунизма.

Каковы особенности морального кодекса строителя коммунизма? На каком основании мы утверждаем, что сформулированные в нем моральные заповеди являются дальнейшим развитием принципов коммунистической морали, обогащают марксистскую этику и способствуют нашему движению к коммунизму?

Моральные кодексы как концентрированное выражение требований к человеку существовали с времен родового строя: так, в Десяти Заповедях, приписываемых Моисею, нашли свое отражение моральные требования, родоплеменные и более поздние, отражавшие отношения упадка родового строя, возникшего неравенства, патриархального уклада жизни, защиты частной собственности. Наряду с моральными кодексами, претендующими на всеобщность (таков христианский моральный кодекс, изложенный в так называемой Нагорной Проповеди), существовали моральные кодексы более или менее узких, замкнутых социальных групп (например, кодекс рыцарской чести). Однако далеко не во всех случаях существовавшая классовая мораль находила свое выражение в сформулированном кодексе морали. Так, буржуазная мораль не имеет особого кодекса: в странах, где распространено христианство, считается, что всеобщее значение имеют нравственные заповеди, содержащиеся в Библии и евангелиях. В школах Франции, Англии, США и других европейских и американских стран нравственное воспитание — дело священнослужителей, и современные школьники и государственных и частных школ затверживают «Десять Заповедей», приучаются к мысли, что истин-

ный христианин живет в соответствии с этими заповедями. Хотя буржуазия приспособила христианский моральный кодекс к своим нуждам, он отнюдь не выражает всей сущности буржуазной морали. Христианский моральный кодекс удобен для любого эксплуататорского класса, так как насаждает смирение, покорность, освящает частную собственность и надежды на лучшее будущее связывает с верой в потусторонний мир, причем путь к «спасению души» — эгоистичен, индивидуалистичен; думая о «царствии небесном», христианин пассивен, аполитичен, безразличен к делам земным. Все это как нельзя лучше устраивает «сильных мира сего».

Сами буржуа, на словах принимая требования Десяти Заповедей и Нагорной Проповеди, нисколько не заботятся о их действительном исполнении.

Истинный моральный кодекс буржуа был сформулирован Ницше. Его основные заповеди: «падающего — подтолкни», «цель оправдывает средства», «воля к власти — альфа и омега новой морали». Однако ни один из буржуазных политиков, идеологов, воротил бизнеса не принимает этот кодекс аморализма открыто. Даже ультрареакционные организации, такие, как «ку-клукс-клан», «Общество Джона Берча» в США, фашистские организации в Италии, Западной Германии и Англии, не провозглашают аморализм, но, напротив, рядятся в костюмы «рыцарей без страха и упрека», беззастенчиво спекулируют самыми высокоморальными сентенциями, прикрывая ими антигуманизм, жестокость, нравственное разложение.

В буржуазной пропаганде на Западе обвинения коммунистов в безнравственности давно стали общим местом. Злобная декларация «Международного совета христианских церквей», говорящая о «кошунстве русских», пытающихся использовать космическое пространство, которое принадлежит всевышнему, еще раз подтверждает это. В декларации прямо объявляется, что христиане черпают свое вдохновение в Библии, «которую ненавидят красные и дьявол».

Напротив, деятели православной церкви стремятся доказать близость христианского морального кодекса и кодекса строителя коммунизма, уверяют, что никто иной, как Христос, был первым коммунистом.

Искренние друзья Советского Союза — верующие, вроде Хьюлетта Джонсона, тоже пытаются сблизить христианские идеалы и идеалы коммунистов.³

Проповедники христианского морального кодекса настаивают на общечеловеческом и вечном смысле его заповедей.

Какие же действия предписывает этот кодекс?

Лев Толстой в своем изложении четырех евангелий так формулирует основные требования христианского морального ко-

³ См. книгу Х. Джонсона, Христиане и коммунизм. М., ИЛ, 1957.

декса: не сердись, не блуди (даже в мыслях), не клянись, не противься злему, люби врагов своих. Однако это весьма неполный перечень требований, якобы изложенных Христом.

Первые заповеди Нагорной Проповеди выражают абсолютное подчинение богу. Любезен богу тот, кто ради него оставит отца и мать. Уже это требование подчеркивает действительно новую черту христианского кодекса: он порывает с моральными предписаниями родового общества, он утверждает отдельность личности и весь пронизан крайним индивидуализмом. Он настаивает на полной оторванности человека от других во имя служения богу и во имя сугубо эгоистичного обретения блаженства в мире потустороннем.

Христианин порывает с семейными связями: он безразличен к судьбам своего народа, своей Родины: «Воздай кесарю — кесарево, а богу — богово». Его любовь к ближнему, прощение врагам, непротивление злу насилем есть, во-первых, выражение пассивности, смирения, подчинения, по сути дела, этому злу. А в основе своей мотивы подобного поведения эгоистичны, ибо цель его — войти в царствие небесное.

Крайний индивидуализм и отказ от активного вмешательства в отношения между другими людьми, оборачивающийся на практике оправданием любого соглашательства, позорного равнодушия, с особенной яркостью проявляется в заповедях: «Не судите, да не судимы будете» и «Отыди от зла и сотвори благо». Презрение к труду и апология невежества заключены в заповедях: «Будьте как птицы небесные, что не сеют, не жнут, а отец небесный питает их» и «Блаженны нищие духом, ибо их будет царствие небесное».

Даже в отобранных Л. Толстым заповедях выражается все тот же крайний индивидуализм, так как нравственное совершенство достигается во имя личного спасения.

Христианский моральный кодекс обрекает человека на пассивность, безразличие, смиренное принятие жизни как есть, обуславливает все поступки корыстной, индивидуалистичной надеждой на личное спасение, на личную угодность богу, на личное воздаяние за праведность.

Янагида Кендзуро, современный японский философ-материалист, вспоминая о том, как он сам искренне стремился к достижению истинно христианских добродетелей, писал: «Я считал, что у тех людей, которые живут в поисках и в погоне за материальным счастьем и радостью земной жизни, нет так называемой истинной морали. Подлинным высшим моральным добром, думал я, обладает человек, который стремится жить в мире личной ценности, отбросив, как сатанинский соблазн, стремления к земным радостям и счастью и решительно став на позиции полного безразличия к своим интересам. Нельзя одновременно служить богу и богатству. Тот, кто в действительности стремится жить в вечной жизни, должен, отбросив

грубые сокровища, которые может похитить вор, накапливать свои сокровища на небе.

То, к чему мы должны стремиться,— это не земные интересы, а справедливость бога и вечная жизнь!».⁴

Жизнь опровергла этот идеал: увидев борьбу простых людей Японии за свои права, включившись в активную борьбу за мир, Янагида Кендзюро отверг идеал христианина и пришел к пониманию действительно прогрессивной морали. «Истинная любовь,— утверждает он теперь,— не заключается в том, чтобы просто никого не ненавидеть. Если человек никого не ненавидит, то фактически это доказывает только то, что он по-настоящему никого не любит. Нельзя сказать, что человек, который не ненавидит несправедливость, на самом деле любит справедливость.

Человек, который любит мир, ненавидит войну; человек, который любит истину, ненавидит ложь. Те, кто, находясь в обществе, подобном нашему, вступают в компромисс с властями и поэтому теряют способность сопротивляться им, бороться с ними, ни в коем случае не могут действовать для защиты мира и счастья народных масс. Нужно сказать, что ядро современной морали составляет прежде всего дух сопротивления».⁵

Если типичные черты христианского морального кодекса — дух индивидуализма и пассивность, то моральный кодекс строителя коммунизма пронизан духом коллективизма и активности. Все его заповеди говорят о связях человека с другими людьми, товарищами по борьбе за коммунизм, о его месте в этой борьбе.

Так, первые четыре заповеди касаются отношений человека с обществом, в котором он живет и действует, с обществом строителей коммунизма; следующие четыре — определяют взаимоотношения между людьми, а девятая — отношение человека к тем, кто мешает коммунистическому строительству; наконец, три последних заповеди выражают связи между советскими людьми и трудящимися всех стран, объединяя советский патриотизм и интернационализм.

Таким образом, кодекс охватывает все многообразие нравственных отношений человека.

Активно-наступательный характер морального кодекса строителя коммунизма заключается в том, что в отличие от христианского кодекса каждая заповедь имеет позитивный смысл: не от чего должно воздерживаться, а что должно делать — и обязательно делать, действовать!

«Не лги», — провозглашает христианский кодекс. «Чест-

---

⁴ Я Кендзюро. 10 лет по пути материализма. М., Соцэкгиз., 1961, стр. 132—133.

⁵ Там же, стр. 137.

ность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни» — требования нового кодекса. Положительное содержание старой заповеди сохранено; но она освобождена от мистики, от индивидуализма, ибо выдвигает требование быть честным и правдивым, простым и скромным не во имя «небесного спасения», а во имя людей, во имя того подлинного гуманизма, который утверждает на земле общество, свободное от эксплуатации.

«Отыди от зла и сотвори благо», т. е. не вмешивайся в дела других, какие бы они ни были, будь сам чист — и этого довольно — таков христианский лозунг непротivления.

«Непримиримость к несправедливости, тушеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству» — в этой заповеди выражен ленинский принцип борьбы со злом и его конкретными носителями.

«Прошу поставить на порядок дня вопрос об исключении из партии тех ее членов, которые, будучи судьями по делу... о взяточниках, при доказанной и признанной ими взятке, ограничились приговором на 1/2 года тюрьмы.

Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательски слабые и мягкие приговоры есть поступок *позорный* для коммуниста и революционера»,⁶ — писал Ленин в ЦК в 1918 г.

Требования морального кодекса продиктованы не абстрактным гуманизмом, не фальшивой позицией «добренького» и по существу ко всем равнодушного соглядатая, а реальным, революционным гуманизмом, по которому «творить добро» — значит бороться со злом.

Поэт Вадим Шефнер выразил активно-наступательный дух социалистического гуманизма в одном из своих стихотворений:

Тебе не причиняя зла,
Змея в песке блеснула
И торопливо уползла
Под ветки саксаула.
Но хоть плохого ничего
Не сделал гад ползучий,
Ты отыщи, убей его,
Вдави в песок сыпучий!
С изгибами морского дна
Барханы эти схожи.
Кругом пустыня, тишина,
Ты здесь один, прохожий.
Но завтра могут здесь пройти
Другие на рассвете, —
Убей змею на их пути:
Ты не один на свете!⁷

Особенностью морального кодекса строителя коммунизма является и то, что он включает выработанные человечеством

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 290.

⁷ В. Шефнер. Стихи. М.—Л., ГИХЛ, 1960, стр. 156.

простые нормы морали, но и эти нормы он углубляет, развивает, вносит в них новое содержание.

«Почитай отца твоего и мать твою»,— говорится в одной из десяти заповедей в Библии. Это требование уважения к родителям, к старшим коренится в нормах родового строя. Однако в «Домострое», например, дано такое толкование этой заповеди: «Чада послушайте заповеди Господни: Любите отца своего и мать свою, и послушайте их, и повинуйтесь им, по Бозе, во всем... со страхом, рабостепно служити им, да и сами от Бога мзду примете, и жизнь вечную наследите: яко свершители заповеди Его»,⁸ т. е. дети обязаны почитать родителей и беспрекословно подчиняться им.

«Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей»,— говорит восьмая заповедь морального кодекса строителя коммунизма. Исходным для нее является понимание семьи как коллектива, как ячейки советского общества. Взаимное— это не только уважение мужа со стороны жены и уважение жены со стороны мужа; это уважение к родителям и уважение к детям. В каждом члене семьи должно уважать человеческое достоинство.

Новый моральный кодекс утверждает равенство обязанностей каждого строителя коммунизма перед обществом: добросовестный труд на благо общества; кто не работает, тот не ест; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.

Связь заповедей кодекса с принципами коммунистической морали выражается в том, что во второй, третьей и четвертой заповедях раскрыт принцип коммунистического отношения к труду; в шестой—девятой—принцип социалистического гуманизма; в первой и десятой—принцип патриотизма, в одиннадцатой и двенадцатой—принцип интернационализма, а в пятой—принцип коллективизма. Принцип коллективизма, кроме того, как было уже сказано, пронизывает все заповеди точно так же, как и принцип реального гуманизма.

Целеустремленность морального кодекса обусловлена тем, что он весь определяется ленинским критерием коммунистической морали: это кодекс строителя коммунизма, и его первой заповедью является преданность коммунизму.

Не абстрактное «правственное самоусовершенствование», не «спасение души», но борьба за прекрасное будущее человечества здесь, на земле, за победу коммунизма, является целью формирования конкретных нравственных качеств, связывает в одно целое нормы кодекса, становящиеся моральными убеждениями советских людей. Именно то, что поставленная цель соответствует историческому прогрессу человечества, опреде-

⁸ «Домострой». Спб., 1902, стр. 18—19.

ляет новый, высший уровень моральных требований, сформулированных в кодексе, и придает им широкий, общечеловеческий смысл. Не чисто отрицательная «общность» людей «как детей одного бога» и в равной мере «рабов божиих», а подлинное единство всех трудящихся, великая созидательная сила реальной общности борцов за светлое будущее человечества является «внутренним содержанием», лейтмотивом всех двенадцати заповедей. Превратить эти заповеди во всеобщую норму поведения, достичь максимального сближения моральных требований с реальным нравственным уровнем всего общества — основная задача нравственного воспитания.

* * *

Моральный кодекс строителя коммунизма представляет собой программу формирования коммунистической личности, определяет цель коммунистического воспитания.

А. С. Макаренко, педагог-новатор, убежденный коммунист, говорил: «Я под целью воспитания понимаю программу человеческой личности, программу человеческого характера, причем в понятие характера я вкладываю все содержание личности, т. е. и характер внешних проявлений, и внутренней убежденности, и политическое воспитание, и знание — решительно всю картину человеческой личности».⁹

Коммунистическое воспитание включает умственное, физическое, политехническое и трудовое, эстетическое и нравственное воспитание. Каждая из сторон воспитания необходима; недостаточное внимание, как правило, приводит к односторонности, ограниченности воздействия на личность воспитанника.

Однако центральной, определяющей коммунистический характер, коммунистическую нравственность формирующейся и формируемой личности является нравственное воспитание. Направление же и характер нравственного воспитания определяется критерием коммунистической нравственности и ее принципами, раскрытыми в моральном кодексе. Именно поэтому политическое воспитание определяет воспитание нравственное. «Я совершенно не могу понять,— говорил А. С. Макаренко,— как можно говорить о воспитании в Советском Союзе, предполагая, что воспитание поставлено правильно, и думать, что политическое воспитание отсутствует. Политическое воспитание — это не отдельный участок... а это именно и есть наше воспитание».¹⁰ Это положение непосредственно вытекает из требования Ленина о том, что все дело воспитания должно быть воспитанием коммунистической морали.

⁹ А. С. Макаренко. Соч., т. 5, стр. 114.

¹⁰ Там же, т. 7, 1952, стр. 451.

Отсюда вовсе не следует, что надо ограничиться только формированием политических взглядов и нравственных убеждений, тем более, что ни то, ни другое не может быть глубоким, действенным, без опоры на широкие и основательные знания и трудовые навыки, без развитого ума, без воспитанных чувств (эмоций) и должно быть связано с хорошей физической закалкой.

Но если политическая цель, конкретизированная в задаче нравственного воспитания (формирование взглядов — мировоззрения и убеждений), предается забвению, то воспитание оказывается аполитичным, чуждым самому духу коммунистического воспитания. Это было бы в области воспитания тем же, что в области политики, государственного строительства контрреволюционный лозунг эсеров и меньшевиков во время Кронштадтского мятежа: «Советы без коммунистов».

Именно как буржуазную вылазку под флагом аполитизма оценил первый нарком просвещения А. В. Луначарский рассуждения некоторой части студенчества о том, что ей нужны конкретные знания, а политика не обязательна: «Совершенно ясно, что хороший специалист, не воспитанный коммунистически, есть не что иное, как гражданин американского типа, человек, который может быть и хорошо делает свое дело, но прокладывает себе путь к карьере и будет лучше служить тому, кто ему больше заплатит. Наиболее способные люди этой породы становятся классовыми врагами — служат буржуазии, помогают ей грабить пролетариат.

...Если у молодежи „неоамериканская болезнь“ разовьется — это будет значить, что пролетарско-крестьянская масса растит в своем будущем комсоставе изменников, которые сядут на шею... Мы несколько лет работаем над тем, чтобы в вузе учился не мещанин, а пролетарий, батрак. А если этот пролетарий или батрак там омещанивается, значит сама соль перестает там быть соленой».¹¹

Когда педагог говорит, что «занимается коммунистическим воспитанием», произнося общие моральные сентенции, осуществляя на практике, по выражению Макаренко, «парную педагогику», не создавая условий, в которых формируются черты коллективиста, он лишь прикрывается фразой о «коммунистической личности», формируя в лучшем случае черты «просто доброго» человека, милого буржуазному абстрактному гуманисту.

Когда партийные, административные руководители завода или совхоза обращают внимание только на рекордные цифры производственных показателей и считают, что достаточно видеть результаты работы, не интересуясь мотивами, они способ-

---

¹¹ А. В. Луначарский. О народном образовании. М., Изд. АПН РСФСР, 1958, стр. 475—476.

ствуют проявлению карьеризма, индивидуализма, стяжательских настроений у отдельных работников, вдобавок прикрытых рассуждениями о естественном росте материального благосостояния.¹² И в этом случае вопрос о нравственном воспитании предается забвению или решается сугубо формально.

Именно нравственный облик человека определяет направленность личности, ее соответствие той «программе личности», которая подразумевается в коротком определении: «строитель коммунизма».

Моральный кодекс строителя коммунизма определяет цель, содержание и направление нравственного воспитания. Однако, чтобы превратить принципы морального кодекса в личные убеждения каждого человека, необходимо соответствие средств цели. Иначе говоря, особенности морального кодекса строителя коммунизма определяют и особенности принципов нравственного воспитания.

* *
*

К основным принципам нравственного воспитания относятся его коммунистическая целеустремленность и действенность. Они конкретизируются в следующих требованиях: коммунистическое воспитание осуществляется «в коллективе, через коллектив и для коллектива» (Макаренко); оно требует непосредственного трудового участия в строительстве коммунизма и общественной жизни («Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами»¹³). Система и единство требований — непреложный закон, связывающий воедино все звенья работы по коммунистическому воспитанию; сочетание «максимума уважения с максимумом требовательности» к воспитуемому, «опора на положительное» при воспитании и особенно перевоспитании личности, и индивидуальный подход к воспитуемому определяют взаимоотношения воспитателя и воспитанника и позволяют широко опираться на активность самого воспитуемого.

И, наконец, моральный авторитет воспитателя как первое и необходимейшее условие успеха воспитательной работы.

Рассмотрим каждый из этих принципов.

Коммунистическая целеустремленность нравственного воспитания

Этот принцип непосредственно связан с целью коммунистического воспитания. Он означает, что какую бы специфи-

¹² Печальный тому пример — история некоторых «погасших маяков» (см.: «Литературная газета», 1961, 23 апреля; очерк В. Очеретина «Путь вперед и ухабы» в ж. «Огонек», 1961, № 21).

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 273.

ческую задачу не решал педагог, организация, занимающаяся вопросами воспитания (например, добровольное спортивное общество, университет культуры, курсы по повышению квалификации на крупном заводе, дружина по охране общественного порядка и т. п.), всегда в центре внимания стоит личность, а не ее отдельные стороны или качества.

Важность определения цели воспитания как организующей всю многообразную практику воспитательной работы так, чтобы ее звенья были взаимосвязаны, была подчеркнута А. С. Макаренко:

«Теория воспитания есть прежде всего наука практически целесообразная. Мы не можем просто воспитывать человека, мы не имеем права проводить работу воспитания, не ставя перед собой определенную политическую цель. Работа воспитания, не вооруженная ясной, развернутой, детально известной целью, будет работой аполитичного воспитания, и в нашей общественной советской жизни мы на каждом шагу встречаем доказательства в подтверждение этого положения».¹⁴

Казалось, этот принцип очень ясен и прост: никогда не забывать о конечной цели воспитания — формировании строителя коммунизма.

Однако на практике «есть тьма охотников» предавать это требование забвению, а то и просто отказываться от него. Профессор университета, утверждающий, что его дело — дать студентам знания, а не воспитывать их; тренер баскетбольной команды, ограничивающий свою работу исключительно вопросами технического мастерства спортсменов и безразличный к их аморальным проступкам; руководители районного университета культуры, рассматривающие свою деятельность как чисто культурно-образовательную, просветительную; секретарь парткома, за мероприятиями не видящий живых людей; руководители завода, формально понявшие движение бригад коммунистического труда и беспокоящиеся лишь о том, чтобы их было числом поболее, — все пренебрегают это требование.

К чему приводит забвение этого принципа в практике воспитания?

Преподаватель физики, влюбленный в свое дело, сумел привлечь учащихся интерес к своему предмету. Один из учеников — Генрих В. особенно основательно и глубоко разбирался в теории и с увлечением занимался вопросами, связанными с электричеством. Генрих был первым на физических вечерах, олимпиадах по физике. Однако одновременно с этим у него все сильнее и сильнее развивалось чувство пренебрежения к товарищам. Ссылаясь на свои обычные занятия по физике, он все чаще отказывался от общественных поручений, встречая полную поддержку педагога. Генрих блестяще кончил школу —

¹⁴ А. С. Макаренко. Соч., т. 5, стр. 109—110.

первым физиком и законченным эгоистом, убежденным, что его интересы — превыше всего. Конечно, не один преподаватель физики повинен во втором результате, но его позиция во многом способствовала превращению юноши-комсомольца в самовлюбленного индивидуалиста.

То же самое мы обнаруживаем, когда хорошего рабочего, комсомольца, передовика производства неумеренно расхваливают, выдвигают делегатом на все конференции и совещания. Привычка к парадности, к тому, что всюду говорят о нем, как лучшем, «кружит голову», и человек без достаточной предварительной нравственной закалки превращается в краснобаю и эгоиста.

В повседневной практике нравственного воспитания необходимо шире и глубже смотреть на каждое отдельное «мероприятие», уметь видеть вытекающие из него следствия для формирования нравственных качеств людей, каждый шаг в деле воспитания рассматривать с точки зрения интересов строительства коммунизма, каким бы частным, незначительным не казался он на первый взгляд.

Замечательный тому пример — работа без табельных номеров, получение зарплаты без кассира, трамвай без кондуктора: ведь дело не в той материальной экономии, которая получается от того, что каким-то количеством табельщиц, кассиров, кондукторов стало меньше, а в том нравственно-воспитательном воздействии, какое эти «мелочи быта» оказывают на личность человека.

В настоящее время много спорят о том, какой должна быть бригада коммунистического труда или ударник коммунистического труда: скрупулезно обсуждают, кто из бригады учиться и где, как обстоит дело с повышением профессиональной квалификации, с участием в общественной работе и т. п.

Но вот поучительная история, рассказанная читателям «Огонька» писателем Очеретиним. На одном уральском заводе присвоили звание ударника коммунистического труда слесарю Валентину Пермякову. За что? Норму всегда перевыполняет («хорошо поработаешь — хорошо заработаешь — закон!»), водки не пьет, газету не только заводскую, но и центральную выписал, в университет культуры ходит («два раза в месяц — совсем не трудно») и общественной работой занят — агитатор («Я в общественной деятельности аккуратен. Да и раз в неделю почитать что-нибудь в красном уголке — не вспотеешь»).

«И Валентин Пермяков железно убежден, что он передовик семилетки, он самый что ни есть разведчик будущего и истинный строитель коммунизма. У него широкий кругозор и он горазд говорить на любую тему. Своеобразно, конечно. Например, о перспективах выполнения годового плана. „Годовой план, — говорит, — сделали, сто пятьдесят рублей в старых деньгах начальник цеха подбросил“. О ходе мясозагото-

бок в области. „Не пора ли, — спрашивает, — резать кабана? Почему в Свердловске мясо на базаре, не знаешь?“»¹⁵

Но точный и определенный критерий есть: каков стимул, побудительная причина отличной работы? Есть ли тут коммунистическое отношение к труду, т. е. какое место в мотивах деятельности трудящегося занимает моральный стимул? Потому что, если его нет, то нет и коммунистического отношения к труду, а стало быть и коммунистически воспитанной личности.

Выработка таких качеств «теоретически» невозможна, как невозможно цельную личность разделить на «сферы проявления» и пытаться, скажем, все проблемы нравственного воспитания разрешить путем одной лишь пропаганды заповедей морального кодекса, даже путем ссылки на исторические, литературные и иные примеры. Целеустремленность нравственного воспитания с необходимостью подводит ко второму принципу — действительности нравственного воспитания.

Действенность нравственного воспитания

Несоблюдение этого принципа приводит к печальным последствиям.

Десятиклассник, блестяще написавший домашнее сочинение на тему: «Труд есть дело чести, доблести и геройства», не является на общешкольный воскресник.

Студент, не раз горячо на собраниях ратовавший за то, что будущие инженеры человеческих душ должны ехать туда, где они всего нужнее, отказывается от распределения и вместо работы учителем литературы в Алтайском крае устраивается чертежником-копировщиком в проектно-институте в Ленинграде.

Коммунист, горячо критикующий недостатки молочнотоварной фермы в колхозе, на предложение взять на себя руководство фермой, чтобы исправить отмеченные им недочеты, говорит: «Что вы, товарищи... А если плохо дела пойдут — мне отвечать? Не пойду. Не справлюсь. Пусть другие идут».¹⁶

Во всех этих случаях налицо разрыв слова и дела. Во всех этих случаях мы видим не коммунистическую личность, а, по меткому выражению Макаренко, «декорацию коммунистической личности».

Подобные примеры обнаруживают общую грубую ошибку в нравственном воспитании — нарушение принципа действительности нравственного воспитания. «Самое упорное натаскивание человека на похвальных мыслях и знаниях, — пишет

¹⁵ В. Очеретин. Путь вперед и ухабы. «Огонек», 1961, № 21.

¹⁶ Ф. Петренко. Коммунист — активный боец партии, а не пассивный созерцатель. «Коммунист», 1961, № 7.

Макаренко, — пустое занятие, в лучшем случае получится ханжа или граммофон. По нашему глубокому убеждению, широко принятое у нас словесное воспитание, т. е. бесконечное разглагольствование о разных хороших вещах, без сопро-вождающей гимнастики поведения — есть самое преступное вредительство. Сознание, не построенное на опыте, на деле, прежде всего слабосильно, во-вторых, одиноко, неспособно творить никакую практику, это то, что для нашего общества наиболее опасно».¹⁷

Принцип действенности нравственного воспитания требует постоянной, органической связи слова и дела, которое стало бы жизненным принципом воспитанника.

Весь смысл той гигантской перестройки школы, которая идет после постановления ЦК КПСС о преодолении отрыва школы от жизни, заключен в том, чтобы последовательно, во всех звеньях воспитательной работы школы, осуществить этот принцип.

Основа связи школы с жизнью не в обучении той или иной профессии на заводе или в колхозе, но в решении коренных вопросов морального воспитания. «Надо прежде всего, чтобы воспитание было органически связано с жизнью, с производством, с практической деятельностью масс. В центре воспитательной работы партия ставит трудовое воспитание всех людей, развитие сознательного коммунистического отношения к труду. Мы добиваемся того, чтобы труд, как создатель всех материальных и культурных благ, превратился в первейшую жизненную потребность людей»,¹⁸ — говорил Н. С. Хрущев.

Вся организация воспитательной работы должна предусматривать развитие и закрепление нравственных черт строителя коммунизма в деятельности, ибо только таким путем возможно сделать их органически присущими человеку.

Действительно коммунистически воспитанный человек не тот, который поступает в обычной обстановке правильно, морально, но тот, который не может поступить неправильно, в каких бы условиях он не оказался: тот, для которого нормы морального кодекса есть его внутренние убеждения. Действенность нравственного воспитания обнаруживается в том, каков весь стиль поведения человека.

От тех, кто проводит работу в области нравственного воспитания, принцип действенности требует умелого сочетания методов убеждения и приучения, предупреждает, как от самой грубой ошибки, от формального решения воспитательных проблем.

¹⁷ А. С. Макаренко. Соч., т. 2, стр. 181—182.

¹⁸ Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. М., Госполитиздат, 1959, стр. 62—63.

На одном из выступлений по насущным вопросам в области сельского хозяйства Н. С. Хрущев рассказывал об одном работнике, считавшем, что слишком большое внимание к хозяйственным вопросам «ущемляет» решение специально политико-воспитательной работы: лекционной, пропагандистской и т. п. Н. С. Хрущев подчеркнул, что именно по уровню практической работы, по тем успехам, которые сделаны производственным коллективом, можно и должно оценить результаты идеологической, воспитательной работы. Мало толку от того, что все запланированные лекции и семинары проведены, если коллектив отстает по производственным показателям. Ведь в таком случае пропагандистская работа оказывается оторванной от повседневной практики, от действительной жизни коллектива.

С другой стороны, действенность нравственного воспитания не следует смешивать с деляческим подходом. Она прямо противоположна такому подходу, ибо требует активнейших усилий по нравственному воспитанию, по переделке людей: только рост сознательности трудящихся есть надежная гарантия действительных и прочных производственных успехов.

Забвение этого привело к производственному и моральному краху руководителей завода запасных частей для тракторов в Орловской области. Предприятие, которое получило почетное звание предприятия коммунистического труда, резко снизило показатели, а вместо серьезной воспитательной работы с коллективом в преодолении недостатков руководство ограничилось администрированием и, наконец, прямым очковтирательством.¹⁹

Для того чтобы до конца был проведен в жизнь принцип действенности нравственного воспитания, необходимо, наконец, уметь видеть каждого человека во всех сферах его жизни и деятельности: на производстве, дома, в широком общении с другими людьми. Никогда ни классный руководитель, ни секретарь парткома завода, ни самый вдумчивый директор совхоза или начальник строительства — хотя бы он был столь же дотошен, памятьлив и внимателен, как Балуев, герой повести Кожевникова, руководящий прокладкой газопровода, — не в состоянии решить эту задачу в одиночку.

Только коллектив учеников, рабочих, студентов, колхозников может достигнуть такого всестороннего знания своих членов.

Целеустремленность и действенность реализуются прежде всего в новом, только в советском обществе получившем широкое распространение и теоретическое обоснование принципе нравственного воспитания — воспитывать в коллективе.

---

¹⁹ «Правда», 1961, 24 мая.

Обычно, когда говорят об особенностях воспитания по методике А. С. Макаренко, в первую очередь вспоминают о коллективе. И в самом деле, в области нравственного воспитания это было его основным требованием: «Советская педагогика должна иметь совершенно новую логику: от коллектива к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его организации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинирована и наиболее свободна».²⁰

Однако это требование Макаренко до сих пор толкуют однобоко и узко.

Во-первых (и то не сразу), согласились, что его требования должны «войти в каждую школу», тогда как принципиальные положения учения о коллективе у Макаренко имеют силу обязательности для любого советского коллектива, будь то завод, колхоз, институт или спортивное общество.

Во-вторых, ограничивались, и до сих пор нередко ограничиваются, только первым из названных требований — воспитывать в коллективе, недостаточно вдумываясь в два следующих.

О том, что коммунистическая нравственность как нечто само собой разумеющееся предполагает осуществление воспитания в коллективе, говорили и В. И. Ленин, и Н. К. Крупская: «... надо научить ребят жить по-новому, коллективно. Ведь коммунистическая мораль дает очень много сил и радости, если она не внешняя, а настоящая. И мы должны этой моралью наших ребят пропитывать, делать из них общественных. Это же радость — быть общественником».²¹

Стоит подчеркнуть, что Н. К. Крупская основную задачу коллективного воспитания видит в том, что у ребенка формируются черты коллективиста, общественника, т. е. складывается личность коммунистическая.

Типичнейшей чертой коммунистической личности является то, что строитель коммунизма — коллективист. Это определяет его коммунистическое отношение к людям. Но сформировать качества коллективиста возможно только в коллективе, забыв об этом, мы весьма грубо отступили бы от принципа действительности нравственного воспитания. Только в коллективе человек приобретает такие нравственные качества, как принципиальность, чуткость, заботу о трудовом успехе всего коллектива, организаторские способности; приучается подчинять свои личные интересы интересам коллектива; вырабатывает правиль-

²⁰ А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 424.

²¹ Н. К. Крупская. Избранные педагогические произведения. М., Учпедгиз, 1955, стр. 806.

ную нравственную самооценку, без которых не может быть настоящего коллектива.

Коротко говоря, вне коллектива не может быть воспитан строитель коммунизма так же, как невозможно научиться плавать, не войдя в воду.

Однако это сравнение весьма относительно. Те же, кто ограничивают положение Макаренко первым требованием «в коллективе», принимают его как абсолютное. Вода — среда, в которой человек приобретает навыки пловца, — необходимая, но индифферентная. Сама она не формирует эти навыки: тренер и ученик используют ее лишь как необходимое условие.

Когда классный руководитель полагает, что само по себе наличие коллектива учащихся, например 7а класс в составе 28 человек, уже решает проблему «воспитания в коллективе», он ничем не отличается от тренера по плаванию.

Не только «в коллективе», но и «через коллектив» — требует Макаренко. И это значит, что коллектив не есть нечто пассивное, просто среда, но он выступает сам как воспитатель, как активно формирующая нравственные качества человека сила. Предъявляя высокие требования к каждому из своих членов, Макаренко не уставал повторять, что в случае, когда коллектив не выступает как активная, предъявляющая к каждому из своих членов высокие требования нравственно воспитывающая сила, невозможно достигнуть серьезных успехов в нравственном воспитании.

Причина в том, что классный руководитель не имеет возможности в равной мере глубоко и основательно изучить всех своих воспитанников и воздействовать на них. Обычно он работает с теми, кто особенно недисциплинирован, отличается постоянными провалами в занятиях, и, с другой стороны, с активистами, своими непосредственными помощниками. Во всяком случае, лучшие и худшие в разной мере, но, как правило, испытывают воспитательное влияние педагога. А вот те, что «посередке», не доставляющие особых хлопот, но и не очень активные, остаются вне прямого воспитательного влияния порою все 10 лет школьной жизни. Об этой «середине» резко и справедливо говорил А. С. Макаренко, которому она представлялась отнюдь не «золотой серединой»: «Ученик, не совершающий проступков, нас не занимает, куда он идет, какой характер развивается в кажущемся его внешнем порядке, мы не знаем и узнавать не умеем. Такие распространенные типы характеров, как „тихони“, „исусики“, накопители, приживалы, приспособленцы, шляпы, разини, кокеты, мизантропы, мечтатели, зубрилы, проходят мимо нашей педагогической заботы.

Иногда мы замечаем их существование, но, во-первых, они нам не мешают, а во-вторых, мы все равно не знаем, что с ними делать.

А на самом деле именно эти характеры вырастают в людей вредоносных, а вовсе не шалуны и дезорганизаторы».²²

Последние решения Пленума ЦК КПСС, совещания, которые прошли по республикам и областям, касающиеся вопросов сельского хозяйства, выступления Н. С. Хрущева на торжествах празднования 40-летия установления Советской власти в Армении и Грузии демонстрируют огромную воспитывающую роль производственных коллективов там и тогда, где и когда коллектив занимает активную деятельную позицию: т. е. и партийная, и комсомольская, и профсоюзная организации, схватывающие всех работников предприятия, колхоза, совхоза.

Там, где коллектив пассивен, безразличен к судьбе своих членов, растет число нарушителей трудовой дисциплины, не встречаются осуждения аморальные поступки, притупляется критика и самокритика и создаются условия, в которых недобросовестные работники начинают злоупотреблять своим положением, обманывая коллектив и государство.

«Человечьей силе все подвластно, если эта сила — коллектив», — говорится в одном сборнике крылатых слов и афоризмов наших дней. О том, каков уровень требований в коллективе, сознающем себя как могучую силу, может служить история одной из первых бригад коммунистического труда на Сахалине. Инициатором создания этой бригады был демобилизованный моряк-комсомолец, человек инициативный, но горячий и вспыльчивый. Бригада добилась очень высоких показателей и на производстве, и в культуре быта. Бригадир был душой бригады.

Но вот однажды инструментальщик вовремя не приготовил нужный инструмент, из-за него получился простой бригады. Бригадир вскипел и обругал инструментальщика. В тот же день бригада собралась после работы и постановила: исключить бригадира из бригады. С большим трудом парторг цеха, видя, насколько расстроен бригадир, уговорил комсомольцев оставить его в бригаде условно, дав ему испытательный срок. Вот что значит воспитывать «через коллектив».

Последнее требование этого принципа — «воспитывать для коллектива» подразумевает необходимость закреплять в каждом члене коллектива качества коллективиста с тем, чтобы в какую бы организацию он не попал, он не уронил бы достоинства воспитавшего его коллектива и сам был бы активным деятелем в новом коллективе.

Если человек в хорошем, спаянном коллективе хорош, но, попав в иные условия, где нет слаженного дружного коллектива, очень быстро «приспосабливается» к новым условиям, «обмещанивается» и вообще живет «как все», значит хороший коллектив не сформировал у него необходимых нравственных качеств.

²² А. С. Макаренко. Соч., т. 5, стр. 391.

Можно было бы сказать, что последнее требование — это проникнуть «до глубины души» каждого члена коллектива, помочь ему «не потеряться» в новой обстановке.

Насколько это важно, показывает история первой бригады коммунистического труда на заводе «Светлана» в Ленинграде. Узнав о трудовом подвиге Валентины Гагановой, каждая из девушек этой бригады возглавила одну из отстающих бригад; так через полгода появились новые бригады коммунистического труда; девушки сумели не только вывести из прорыва, но сделать передовыми ранее отстававшие бригады.

«В коллективе — через коллектив — для коллектива» обозначает, наконец, что лишь в совместной трудовой деятельности у советских людей формируются нравственные качества строителя коммунизма.

Непосредственное трудовое участие в строительстве коммунизма

К тому, что уже говорилось о значении этого требования (когда речь шла о действенности нравственного воспитания), добавлять нечего. Это требование есть конкретизация необходимости связывать слово и дело.

Практическому осуществлению этого требования способствует перестройка работы средней и высшей школы.

Особо следует отметить значение одной из лучших традиций общественной деятельности советских людей — активное участие в улучшении условий работы на производстве, быта, жизни наших сел и городов — причем участие безвозмездное: «воскресники» и «субботники». Тысячи парков и садов, культурно-просветительных учреждений (клубов, кинотеатров, дворцов культуры, школ, больниц) созданы таким образом.

Общественные конструкторские бюро, безвозмездные приемы больных и консультации в рабочих больницах во внеслужебное время, начатые по инициативе профессоров-медиков Ростовского медицинского института; дружины по охране общественного порядка, действующие в районах, на предприятиях, в вузах; организуемая в самых широких масштабах на общественных началах помощь тем, кто учится, повышая квалификацию или общеобразовательный уровень, — все это различные формы трудового участия в общественной жизни, способствующие формированию нравственных качеств строителей коммунизма.

Система и единство требований

Принципиальная возможность осуществления этого требования в нравственном воспитании заключается в особенностях социалистической системы, ибо существует монолитное един-

ство партии и народа, единство государственных, общенародных и индивидуальных интересов, морально-политическое единство советского народа.

Самая отвратительная черта буржуазного общества, по определению Ленина, это разрыв теории с практикой жизни. В нравственном воспитании это выражалось в том, что на словах «общечеловеческое» и «гуманное» воспитание на самом деле было направлено на поддержку интересов буржуазии; в угоду классовым интересам искажалась действительная картина жизни; книги, созданные с этих же классовых позиций, «в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью».²³ В результате неизбежны противоречивость, взаимоисключающие друг друга нравственные установления, борьба воспитанных школой «гуманных» и «общечеловеческих» нравственных норм с ясными требованиями классовой пролетарской морали и аморальной практикой господствующих классов.

В условиях Советского государства существуют единые требования к нравственному воспитанию: и школа, и общественные организации, и печать, и радио, и государственные установления, касающиеся вопросов воспитания, основываются на марксистском критерии коммунистической морали и на принципах коммунистической морали.

Но эти требования не всегда реализуются.

Мы сталкиваемся с этим и в семьях, и в школе, и во взаимоотношениях семьи и школы, и в противоречивости требований, которые ставят своему члену разные коллективы, и в целом ряде других реальных противоречий нравственного воспитания.

«Всегда говори правду». Девочка-пионерка твердо усвоила это правило. Ее пригласили выступить по радио — рассказать о том, как они летом в пионерлагере работали. Она волнуется, повторяя выступление, которое приготовила дома. Входит ведущий передачу работник студии и вручает девочке заранее отпечатанный текст. На ее слабый протест, поскольку у них в лагере было не так, как написано, он говорит, что это — пустяки, главное, чтобы прочитано было ясно и четко. Казалось бы, маленький эпизод. Но моральный ущерб не маленький: ведь девочка получила практический урок лжи при своем первом публичном выступлении.

К явлениям такого же порядка относятся выступления «по шпаргалке» на ответственных совещаниях (о чем рассказывали в своих очерках и рассказах и Владимир Тендряков, и Валентин Овечкин), вызванные не необходимостью, а лишь «бюрократическим усердием» и сомнением в том, что хороший работник сумеет рассказать правильно.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 260.

И разве не «сюда же» относятся и «художества» некоторых ретивых кинодокументалистов, которые, чтобы сделать «по-красивее» кадры, вместо пожилой доярки усаживают за подойник молодую секретаршу сельсовета?

Система и единство требований заключается в последовательном проведении в жизнь всех принципов нравственного воспитания.

Однако даже в пределах одного коллектива осуществить на практике, довести до конца это единство требований не очень легко.

Один пример из школьной жизни. Известно, что с 5-го класса в наших школах существует многопредметная система преподавания, когда каждый учитель ведет свой предмет. И вот с классом начинает работать группа учителей. Несмотря на соответствующие постановления Министерства просвещения, приказы директора школы, оказывается, что дисциплинарные требования педагогов весьма разнятся.

Ребята очень скоро усваивают это, и знают, что на русском языке у Марии Кузьминичны надо быть собранными, в любую минуту готовыми к ответу, зато у Григория Петровича на черчении можно не только ходить по классу, но даже выйти в коридор — он только проверяет чертежи, а к порядку в классе равнодушен.

И подростки приобретают весьма скверный опыт поведения, исходя не из принципов, а из обстоятельств.

Это, казалось бы, мелочь, но из таких «мелочей» вырастает приспособленчество, привычка «ловчить», а это уже не мелочь.

Другой пример: не случайно в Уставе КПСС подчеркнута, что соблюдать партийную дисциплину обязаны все члены партии, какие бы посты и должности они не занимали. Это моральное требование, и соблюдение его всеми членами той или другой партийной организации является законом.

Однако в практике нередко бывает, что директор того или иного предприятия, или главный инженер и вообще работник, занимающий ответственный административный пост, не несет общественных поручений; считает себя выше критики и, более того, отвечает на критику административными мерами, так, например, поступили начальник Куйбышевской железной дороги²⁴ и директор Института охраны лесного хозяйства в городе Ленинграде.²⁵

Система и единство требований в нравственном воспитании подразумевают, что все, занимающиеся вопросами воспитания, сами должны быть по-коммунистически принципиальными.

К формированию нравственных качеств коммунистической личности следует подходить, учитывая, что в личности, на каж-

²⁴ «Правда», 1961, 25 мая.

²⁵ «Ленинградская правда», 1961, 20 мая.

дом этапе ее развития, оказывается отраженным и преобразованным весь предшествовавший опыт моральных отношений с окружающими ее людьми и, прежде всего, тот опыт нравственного поведения, который обуславливался воздействием воспитателей.

Цельность, нравственная чистота и принципиальность, которая отличала воспитанников колонии А. С. Макаренко на всем их в ряде случаев нелегком жизненном пути, были отражением ясности, четкости и последовательно проведенного единства нравственных требований в колониях им. Горького или им. Дзержинского.

Единство и неукоснительность в проведении нравственных требований отличает коллективы коммунистического труда. Это единство требований означает не «уровнительность», а только равенство в правах, которыми пользуется член коллектива, и обязанностях, на него накладываемых.

Характер требований, некоторые особенности в их осуществлении, имеющие важное значение, отражают те положения, которыми характеризуются отношения «воспитатель — воспитанник».

Взаимоотношения воспитателя и воспитанников в нравственном воспитании

«Моем основным принципом (а я считал, что это принцип не только мой, но и всех советских педагогов), — писал Макаренко, — всегда было: как можно больше требования к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему.

В нашей диалектике, это, собственно говоря, одно и то же: нельзя требовать большего от человека, которого мы не уважаем. Когда мы от человека много требуем, то в этом и заключается наше уважение, именно потому, что мы требуем, именно потому, что это требование выполняется, мы и уважаем человека».²⁶ Это значит, что мерилом уважения к личности являются те требования, которые к ней предъявляются.

Насколько отрицательно на нравственном облике молодого (и не молодого) человека сказывается снижение требовательности к нему, свидетельствует история Александра Кандибора, прославленного комбайнера Хакассии. Было время, когда товарищи о нем говорили: «Работать — он зверь. По тридцать девять часов выстаивал на мостике. От штурвала не оторвешь... И комбайн у него работал, как часики!» Двенадцать лет был первым в крас. И превратился в «хакасского князька». Как передовому, ему давали лучшие поля, ставили в лучшие условия, выдвигали, прославляли и не замечали разраставшегося, как флюс, самолюбования, гордыни. А когда

---

²⁶ А. С. Макаренко. Соч., т. 5, стр. 227.

поставили его в обычные со всеми условия этот герой сник, закричал: «Подкоп! Свалить меня хотят!..» Начал писать жалобы. А потом бросил РТС и ушел на завод. И вспоминают о нем с горечью и с досадой. Рассказавший эту историю справедливо замечает, что все пошло с того, что «хотелось иметь в МТС — директору, в районе — руководству знаменитого комбайнера, светило. И закрывали глаза на пятна, что появлялись на этом светиле. Растили много лет из него героя, а в душу смотреть не хотели»,²⁷ а «смотреть в душу» — это как раз и значит уметь разбираться в мотивах деятельности и морально воспитывать человека, предъявляя к нему высокие требования.

Умелое предъявление требований — важный элемент системы воспитания в школе и способ самовоспитания в производственных коллективах, выражением которого являются принимаемые коллективами повышенные обязательства и их последующее перевыполнение.

Одной из сторон этого общего принципа является и «опора на положительное»: умение найти в характере трудного для нравственного перевоспитания человека качества, используя которые можно его самого мобилизовать на борьбу со своими недостатками. Важным, хотя отнюдь не единственным методом в таком случае оказывается доверие к человеку.

Именно доверие, поддержка лучших стремлений Инги Пировой, оказанные ей членами бригады, в которую она попала, Григорием Ивановым, Вовкой Исаевым, дядей Федей помогли Инге преодолеть и собственные отрицательные черты и придали ей силы порвать с мещанско-собственническим миром ее матери.²⁸

Умение предъявить там, где нужно, разные требования, разобраться в характере, побудительных силах, определяющих поступок человека, проявить чуткость и принципиальность, найти, что является самым главным в человеке, — все это означает умение воспитателя подходить индивидуально к каждому воспитаннику: без помощи коллектива, как уже говорилось, можно легко ошибиться. То, насколько прочно связан с коллективом общностью интересов, глубиной своей заинтересованности в его нуждах воспитатель, в значительной мере определяет, насколько он будет авторитетен.

Авторитет воспитателя

Моральный авторитет воспитателя — необходимое условие нравственного воспитания. Чтобы предъявлять требования к другим, надо столь же требовательно относиться к самому

²⁷ А. Шеметов. Погасший маяк. «Литературная газета», 1961, 23 мая.

²⁸ Н. Дементьев. Иду в жизнь. Изд. «Молодая гвардия», 1959.

себе; чтобы настаивать на неразрывности слова и дела, нужно в собственной деятельности и поведении следовать этому принципу; воспитатель должен твердо помнить истину, высказанную еще древними римлянами: «Слова учат, примеры влекут».

Словом, чтобы воспитывать, как говорил Маркс, воспитатель сам должен быть воспитан. Из всех нравственных черт, отличающих воспитателя, самая главная — его идейная убежденность и глубокая принципиальность.

Моральный авторитет Евдокии Долинюк, Александра Улсова, Константина Паустовского определяется тем, что вся их жизнь, весь их труд отданы благу советских людей.

В Программе КПСС говорится: «Огромное воспитательное значение приобретает сила хорошего примера в общественной и личной жизни, в исполнении общественного долга».²⁹

Делегаты XXII съезда приводили немало фактов, показывающих, какой могучий источник развития инициативы, достижения наивысших производственных показателей, выработки стойких убеждений заключен в примере лучших, тех, кто идет впереди.

Герой Социалистического Труда ленинградец Иван Леонов рассказывал: «Я на всю жизнь остался бы, как говорят в народе, серым человеком и мало что узнал бы и понял в жизни, если бы не ленинская партия, если бы не мои товарищи-коммунисты...»

Мой мастер — коммунист Иван Александрович Балакирев учил меня не только фрезеровать. Заботливо и мудро он открывал передо мною смысл и цель моего труда. Коммунисты привили любовь к заводу, научили дорожить честью коллектива.

И мне, естественно, тогда захотелось тоже стать коммунистом, быть таким же строителем и неутомимым борцом за все прекрасное и в труде, и в отношениях между людьми...

Так я стал коммунистом, чувствуя каждой своей кровинкой, что теперь в ответе не только за себя, но и за свой цех, завод, за всю страну».³⁰

Нравственная чистота, глубокая убежденность в справедливости и величии дела построения нового, коммунистического общества требуется от тех, кто воспитывает нашу новую смену.

Обращаясь к родителям, А. С. Макаренко предупреждал их: «Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обреченной на неудачу».³¹

²⁹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 3, стр. 319.

³⁰ Леонов. Время вперед! «Правда», 1961, 3 ноября.

³¹ А. С. Макаренко. Соч., т. 4, стр. 348.

Все это столь же справедливо и в воспитании взрослых. Никогда не лгать! Ни в большом, ни в малом.

Пример высокой принципиальности дает нам Коммунистическая партия — руководитель и воспитатель трудящихся.

«Партия не побоялась перед всем миром вскрыть недостатки, ошибки и прямые извращения, которые были допущены в период культа личности . . . Развертывая острую критику и самокритику, наша партия смотрела вперед и знала, что чем последовательней и откровенней будут вскрыты недостатки, тем успешнее пойдет наша страна вперед по пути строительства коммунизма.

Мы смело смотрим в глаза народу. Мы не только раскритиковали недостатки прошлого, но и провели такую перестройку, которую без преувеличения можно назвать революционной в деле управления и руководства всеми областями хозяйственного и культурного строительства».³²

Воспитатель может чего-то не знать. Может допустить ошибку. Но нет ничего более пагубного, чем потом замазывать ошибку или упорствовать в ней.

Никогда не роняло нравственного достоинства человека признание и осуждение допущенной ошибки.

Моральное право требовать от других не в безупречной непорочности — не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, — и воспитатель, как и любой человек, не избавлен от возможности совершить ошибку, право это — в беспощадной требовательности к самому себе, в умении признать и исправить ошибку. И в этом он тоже дает пример своим воспитанникам.

Для того чтобы воспитывать в духе морального кодекса строителя коммунизма, важно знать принципы кодекса; нужно овладеть теорией морали и методикой нравственного воспитания. Однако решающее значение в воспитании имеет то, насколько сам воспитатель проникся духом морального кодекса, насколько заповеди кодекса стали его внутренними, личными убеждениями.

³² Н. С. Хрущев. К новым успехам литературы и искусства. «Коммунист», 1961, № 7, стр. 6.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	4
Предмет марксистской этики	7
Мораль как форма общественного сознания	23
Исторические формы нравственности	46
Пути исследования исторических форм нравственности	—
Возникновение нравственности	49
Нравственность первобытнообщинного строя	52
Нравственность эпохи рабовладельческого строя	64
Нравственность эпохи феодального строя	72
Нравственность эпохи капиталистического строя	92
Нравственный прогресс	119
Свобода, необходимость и моральная ответственность	139
Принципы коммунистической морали	157
Категории коммунистической морали	175
Моральный кодекс строителя коммунизма — программа нравственного воспитания личности	206

*Иванов Владимир Георгиевич,
Рыбакова Надежда Вениаминовна*

Очерки марксистско-ленинской этики

Редактор *И. С. Яворская*

Техн. редактор *Г. П. Жабко*   Корректоры *Р. П. Семерикова* и *Г. А. Морген*

Сдано в набор 28 XI 1962 г.   М 26456.   Подписано к печати 11 V 1963 г.

Уч.-изд. л. 15,64.   Печ. л. 14,5.   Бум. л. 7,25.   Формат бум. 60 × 90¹/₁₆

Тираж 11 000 экз.   Заказ 877.   Цена 39 к.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград, Университетская наб., 7/9.